

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

„НАУКОВА ДУМКА“

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НУМИЗМАТИКА
И
СФРАГИСТИКА

3

Цісар

КИЕВ — 1968

902. 9
Н 89

В сборник включены исследования и сообщения по античной и средневековой нумизматике Северного Причерноморья, о монетах и печатях древней Руси, о новых находках монет, а также по вопросам денежного обращения.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся историей и археологией СССР.

Ответственный редактор

В. А. Анохин

СТАТЬИ

АНТИЧНЫЕ ИНОГОРОДНИЕ МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА

А. М. ГИЛЕВИЧ

(Севастополь)

За многие годы раскопок Херсонеса собран огромный нумизматический материал. Немалую часть его составляют греческие монеты, чеканенные в различных городах античного мира, и римские монеты. До настоящего времени этот интересный материал не был обобщен, хотя его значение для решения многих вопросов истории и экономики Херсонеса и других античных городов не может вызывать сомнений.

В настоящей работе ставится задача подвести итоги изучения иногородних монет из раскопок Херсонеса, дать их хронологическую и географическую сводку, осветить состояние денежного рынка Херсонеса в различные периоды его античной истории, политические и экономические связи города и значение иногородних монет как исторического источника.

Материалом для данной работы послужили монеты V в. до н. э. — начала V в. н. э., найденные при раскопках или в подъемном материале на территории херсонесского городища, его некрополя и клеров (земельных наделов) ближайшей городской округи — Гераклеяского полуострова. Монеты, обнаруженные при исследовании позднеантичного могильника III—IV вв. в Инкерманской долине у совхоза «Севастопольский № 10» и в других находках в Инкерманской и Байдарской долинах, в работе не использованы.

За все время раскопок Херсонеса найдено свыше 5000 иногородних монет¹. Из этого количества оказалось возможным использовать 4846. Часть монет не могла быть точно определена и датирована

¹ В работе использованы монетные находки до 1963 г.

из-за плохой сохранности. Более ста монет утрачено, а сохранившиеся в отчетах сведения о них не дают возможности установить датировку или определить место чекана.

Большинство исследованных монет хранится в собрании Херсонесского музея, часть — в Государственном Эрмитаже, незначительное количество — в ГИМе². В тех случаях, когда на утерянные монеты сохранились подробные описания или ссылки на каталоги, они были использованы в работе.

Некоторые сведения о первых находках монет на территории Херсонеса и его округа можно встретить у путешественников конца XVIII — начала XIX в., посетивших Крым. Так, Паллас отмечает находки монет, в том числе и иногородних, и приводит их изображения³.

Как известно, раскопки Херсонеса, начатые в 1827 г.⁴, до 1888 г. не носили систематического характера⁵. Их материалы в большей части утеряны, а учетная документация либо не велась совсем, либо не сохранилась.

Регулярные раскопки Херсонеса по поручению Археологической комиссии начал в 1888 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич⁶. Первые 5—6 лет все монеты из его раскопок отправлялись в Археологическую комиссию, которая производила их дальнейшее распределение. Некоторые монеты из раскопок этих лет хранятся в собрании Эрмитажа. В последующие годы К. К. Косцюшко-Валюжинич отправлял в Археологическую комиссию только наиболее редкие экземпляры монет, в том числе все золотые и большую часть серебряных. Подробные сводки, составленные К. К. Косцюшко-Валюжиничем на все найденные при раскопках или в подъемном материале монеты, позволяют — за единичными исключениями — определить место и время чекана тех монет, местонахождение которых в настоящее время неизвестно.

² Автор пользуется случаем принести глубокую благодарность хранителям античных монет этих музеев Л. Н. Беловой и Н. А. Фроловой за предоставленные для работы материалы.

В начале 30-х годов в ГИМ была передана большая партия монет из раскопок Херсонеса, в том числе иногородних. Однако эти монеты до настоящего времени на инвентарь ГИМа не взяты, поэтому мы указываем их номера по инвентарю ГХМ.

³ P a l l a s. Bemerkungen auf eine Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches in den Jahre 1793 und 1794, II. Leipzig, 1801, табл. 5.

⁴ Поводом для начала раскопок послужило стремление найти место крещения киевского князя Владимира. (ЖМНП, 1834, январь, стр. 88; К. Э. Г р и н е в и ч. Сто лет херсонесских раскопок. 1827—1927. Севастополь, 1927, стр. 9; Г. Д. Б е л о в. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 12).

⁵ В этот период раскопки вели инженер Карейша (1846—1847), Шемякин (1851), граф Уваров (1853), Одесское общество истории и древностей (1861, 1876—1885), а также военное ведомство и монастырь св. Владимира. Раскопки этих лет освещены в упомянутой выше работе К. Э. Гриневича (Сто лет херсонесских раскопок, стр. 9—23).

⁶ К. К. Косцюшко-Валюжинич руководил раскопками Херсонеса на протяжении 20 лет.

В 1908 г., после смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича (1907 г.), несколько месяцев вел раскопки херсонесского некрополя Н. И. Репников⁷. Им собрано очень большое количество монет, однако плохая сохранность их не позволила определить большую часть находок, к тому же многие из них в настоящее время утеряны. Надо отметить, что в ряде случаев ссылки Н. И. Репникова на каталоги не соответствуют действительности, поэтому пользоваться его материалом приходится с большой осторожностью и оговорками.

Монеты из раскопок Р. Х. Лепера в 1908—1914 гг. на городище и в некрополе Херсонеса⁸, за исключением единичных экземпляров, хранятся в собрании Херсонесского музея. Здесь же находятся и все монеты из раскопок в Херсонесе и в его округе за 1922—1947, 1949, 1951 гг.⁹, все случайные находки за послевоенные годы и монеты из раскопок экспедиций Херсонесского музея с 1950 г.¹⁰, Института археологии АН УССР с 1954 г.¹¹ и Уральского университета с 1958 г.¹² В Эрмитаж поступили монеты из раскопок его экспедиций в Херсонесе в 1953, 1955—1957, 1959 и 1961 гг.¹³ Монеты из раскопок экспедиции Исторического музея хранятся в Москве, в ГИМе¹⁴.

Монеты, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, определила Л. Н. Белова, монеты из коллекции Херсонесского музея — Л. Н. Белова и автор настоящей работы, монеты из коллекций ГИМа (раскопки 1946 и 1948 гг.) — Ю. С. Крушкол.

К настоящему времени по месту чеканки определены 4846 монет. Из этого числа 1185 экземпляров являются монетами различных греческих городов периодов автономии и зависимости от Рима (прилож. I), а остальные 3661 — монетами Римской империи (прилож. II). Из этих последних только два экземпляра относятся ко времени республики, а остальные принадлежат императорской чеканке от Тиберия до Гонория и Аркадия включительно. Примерно третья часть всех иногородних монет (1365 экземпляров) найдена в некрополе (прилож. II, V).

⁷ ОАК, 1908, стр. 93—108; Хсб., II, 1927, стр. 147—187; К. Э. Гриневич и ч. Указ. соч., стр. 38.

⁸ Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1908—1912 гг., составлено Л. Н. Беловой (Хсб., III, 1929, стр. 143—215).

⁹ До 1925 г. — раскопки Л. А. Моисеева; с 1925 — раскопки К. Э. Гриневича в Херсонесе и на Гераклейском полуострове; с 1931 г. — раскопки Г. Д. Белова, в основном на северном участке Херсонеса. Списки монет из раскопок, составленные Л. Н. Беловой, приложены к опубликованным отчетам К. Э. Гриневича за 1926 г. (Хсб., II), Г. Д. Белова за 1931—1932 гг. (МИА, 4, 1941), 1934—1936 гг. (в отдельных изданиях отчетов), 1937—1948 гг. (МИА, 34, 1953) и А. К. Тахтая в 1937 г. (Хсб., IV, 1948).

¹⁰ Раскопки С. Ф. Стржелецкого, В. В. Борисовой, И. А. Антоновой.

¹¹ Раскопки О. И. Домбровского на территории античного театра.

¹² Раскопки Е. Г. Сурова в западной части Херсонеса.

¹³ Раскопки Г. Д. Белова в северной части Херсонеса.

¹⁴ Раскопки Н. В. Пятышевой в юго-восточной и южной частях Херсонеса.

МОНЕТЫ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО, СЕВЕРНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Большая часть монетных находок (прилож. I, IV) приходится на центры Северного Причерноморья, в основном Пантикапея и боспорских царей. Монеты других городов представлены небольшим количеством.

Тира. Монет этого города найдено шесть (все медные), из них три автономного периода и три императорского (прилож. I). О традиционных связях Херсонеса с Тирой говорят и другие источники. Известны находки в Тире ручек херсонесских клейменных амфор III в. до н. э.¹⁵ Там же были найдены херсонесские монеты 211—217 гг.¹⁶ О связях Тире с Херсонесом в первые века нашей эры в период зависимости обоих городов от Рима свидетельствуют надписи, обломки которых происходят из раскопок 1901 (IRE, I², № 371) и 1948 г. (НЭПХ, № 76).

В свое время А. Н. Зограф указывал на роль Тире как промежуточной станции на пути из городов Западного Понта в Ольвию¹⁷. Несомненно, что таким же промежуточным пунктом она была и на пути в Херсонес. Этот старый путь стал особенно важным в первые века нашей эры, с того времени, когда и в Тире и в Херсонесе были размещены гарнизоны римских войск Подунайского лимеса. Отряды римских гарнизонов Тире, Ольвии и Херсонеса комплектовались из одних и тех же частей основных сил Мезийской армии: I Итальянского¹⁸, XI Клавдиева¹⁹, V Македонского²⁰ легионов. Очевидна постоянная связь этих вексилярных частей между собой и главными базами армии, находившимися в Подунавье. Важным подтверждением того, что Тира, Ольвия и Херсонес являлись крупными пунктами в системе римских военно-административных и торговых путей, служит итинерарий цита из Дура-Европос²¹.

Ольвия. Монеты Ольвии представлены 48 экземплярами. Из них

¹⁵ А. И. Фурманская. Античный город Тира.— АГ, 1963, стр. 44.

¹⁶ В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.— НЭ, IV, 1963, стр. 53.

¹⁷ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг.— В сб.: «Ольвия», т. I, К., 1940, стр. 215.

¹⁸ IRE, I², № 417, 548; П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды.— ВДИ, 1959, № 4, стр. 118; А. И. Фурманская. Античный город Тира.— АГ, стр. 47.

¹⁹ IRE, I², № 550—552; Э. И. Соломоник. Алтарь Немесиды из Херсонеса.— ВДИ, 1960, № 2; НЭПХ, № 59; В. В. Борисова. Черепица с клеймами римских легионов.— СХМ, II, 1961; П. О. Карышковский. Материалы..., стр. 118; А. И. Фурманская. Античный город Тира.— АГ, стр. 47.

²⁰ IRE, I², № 549; P. Nicogescu, MSI, сер. III, т. XIX, вып. 16, 1937, № 1-2; Е. В. Максимов. Новый памятник первых веков нашей эры в Тире.— КСИА АН УССР, 5, 1955, стр. 82; П. О. Карышковский. Материалы..., стр. 5-2.

²¹ F. Cumont. Fouilles de Doura-Europos. Paris, стр. 323—337.

одна монета типа Б. I, 1 датируется рубежом первой и второй половины V в. до н. э. Она является самой ранней иногородней монетой, найденной в Херсонесе и, возможно, относится ко времени существования здесь ионийского эмпория²². Более позднее попадание ее в Херсонес сомнительно, тем более, что находки ольвийских монет последующего времени, с момента основания Херсонеса как дорийской колонии и до первой половины IV в. до н. э., не известны. Монет первой половины и середины IV в. до н. э. найдено 4 экземпляра.

Большая часть ольвийских монет (20 экземпляров) приходится на конец IV — начало II в. до н. э. Монет второй четверти II в. до н. э. найден 1 экз., конца II и рубежа II—I вв. до н. э.— 3 экз., I—III вв. н. э.— 14 экземпляров. Все эти монеты бронзовые. Кроме них из раскопок некрополя происходит одна серебряная ольвийская монета, но она не может быть точно датирована из-за небрежной ссылки на каталог, сделанной Н. И. Репниковым в его дневнике раскопок²³. Нельзя также установить время выпуска четырех утраченных монет из раскопок 1890 и 1891 гг.²⁴

Как уже выше было отмечено, наибольшее количество ольвийских монет, найденных в Херсонесе, относится к периоду конца IV—начала II в. до н. э. Именно к этому времени — времени наивысшего расцвета Херсонеса — относятся и наиболее интенсивные связи между обоими городами, что находит подтверждение и в ряде других источников. По имеющимся данным, до 1941 г. в Ольвии было найдено 108 клейменных ручек херсонесских амфор²⁵.

Еще более интересные сведения об экономических связях Херсонеса и Ольвии мы черпаем из данных лапидарной эпиграфики. Так, из Ольвии происходят два декрета в честь херсонеситов. Первый из них — декрет о проксении херсонеситу Дионисию, сыну Тагона — датируется III в. до н. э.²⁶ Второй декрет середины III в. до н. э. поставлен в честь сыновей херсонесита Аполлония, сына Евфрона. Он особенно интересен тем, что говорит об оказанной отцом чествуемым услуге, которая выразилась в денежной помощи Ольвии²⁷. К сожалению, фрагментарность декрета не позволяет установить, в чем конкретно была выражена помощь. В декрете речь идет о сумме в 3000 золотых, видимо, owedенной городу от-

---

²² Существование эмпория на месте Херсонеса предполагается по находкам единичных обломков ионийской и чернофигурной керамики, встречающихся в самых ранних слоях городища. См. рецензию В. Д. Блаватского на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический» (ВДИ, 1949, № 3, стр. 146).

²³ Н. И. Репников. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г. — Хсб., II, 1927, стр. 183. Такая же ссылка сделана в рукописи, хранящейся в Архиве ЛОИА.

²⁴ Архив ГХМ, д. 56, л. III.

²⁵ Е. Г. Су ров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. — УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, т. XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 126 и сл.

²⁶ Е. И. Леви. Ольвийский декрет из раскопок 1949 г. — ВДИ, 1951, № 1.

²⁷ Е. И. Леви. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. — ВДИ, 1953, № 1, стр. 177.

цом чествуемых лиц. Но так как ни Херсонес, ни Ольвия в это время не имели собственной золотой чеканки, эта сумма могла быть выдана, как считает П. О. Карышковский, золотыми монетами Филиппа II, Александра и Лисимаха или их подражаниями, чеканившимися в городах Западного Понта. Обращение этих монет в Ольвии с середины IV в. до н. э. до гетского разгрома, по его мнению, подтверждается их находками в городе²⁸. В Херсонесе известен пока только один случай находки золотой монеты этого времени — статера Филиппа II (о ней см. ниже). Считать, исходя из этой единичной находки, что, как и в Ольвии, в Херсонесе обращались золотые монеты македонских царей, нам кажется, нет оснований. Не исключена возможность, что Аполлоний одолжил городу 3000 золотых ольвийскими монетами, выпуск которых прекратился около 300 г. до н. э.²⁹ Декрет середины III в. до н. э. поставлен в честь сыновей Аполлония, ссуду же давал их отец, и вполне вероятно, что ссуда была выдана еще тогда, когда в обращении находились золотые монеты ольвийской чеканки.

В Херсонесе также известны две надписи этого времени, связанные с гражданами Ольвии. Одна из них представляет собой декрет III в. до н. э. в честь ольвиополита (IPE, I², № 345), вторая надпись является обломком надгробия ольвиополита II в. до н. э. со стихотворной эпитафией (IPE, I², № 546).

Перечисленные эпиграфические памятники являются достаточно веским доказательством дружественных и постоянных отношений обоих городов до первой половины II в. до н. э.

Что касается находок херсонесских монет этого же времени в Ольвии, то они почти неизвестны. В 1935 г. в Ольвии была найдена херсонесская монета середины III в. (Б. XII, 118)³⁰. Еще одна монета, время которой не определено из-за плохой сохранности, найдена в 1909 г.³¹ За послевоенные годы были найдены: одна монета 340—330 гг. (З. XXXV, 16), одна — второй половины III в. до н. э. (З. XXXVI, 5) и одна — первой половины II в. до н. э. (З. XXXVI, 7—8)³².

Самую незначительную часть ольвийских монет в Херсонесе составляют монеты конца II — начала I в. до н. э. — всего три экземпляра. Ничтожно малое число ольвийских монет этого времени отражает напряженную и сложную политическую обстановку, сложившуюся в Причерноморье в указанный период. Активизация

²⁸ П. Й. Карышковский. Золоті монети Лисімаха, знайдені в Ольвії.— АП УРСР, XI, 1962, стр. 99.

²⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты.— МИА, 16, 1951, стр. 127; П. О. Карышковский.— Заметки по нумизматике античного Причерноморья.— ВДИ, 1960, № 3, стр. 137.

³⁰ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Ольвии в 1935—1936 гг., стр. 215.

³¹ Там же.

³² П. О. Карышковский. Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным.— КСОГАМ, Одесса, 1965, стр. 158.

скифов, начавшаяся, как это следует из декрета в честь Протогена (IPE, I², № 32), еще во второй половине III в. до н. э., привела в конце концов к тому, что во II в. до н. э. Ольвия вынуждена была признать протекторат скифских царей. Это обстоятельство хорошо засвидетельствовано чеканкой в Ольвии монет Скилура. Во II в. резко обостряются противоречия между скифами и Херсонесом; угроза нападения скифов на херсонесские владения вынудила жителей города искать поддержки у Понта (IPE, I², № 402). Естественно, как союзник скифов Ольвия не могла уже поддерживать с Херсонесом те дружественные связи, какие существовали раньше; зато укрепляются ее связи с крымскими скифами, что хорошо засвидетельствовано материалами раскопок Неаполя³³ и эпиграфическими памятниками³⁴.

К середине II в. до н. э. Херсонес теряет свои владения в северо-западном Крыму — Керкинитида, Калос Лимен и остальные укрепления захватываются скифами. С этого времени обостренные до предела взаимоотношения Херсонеса со скифами выливаются в открытую вооруженную борьбу, которая могла окончиться для Херсонеса плачевно, если бы не помощь Митридата (Strabo, VII, 4, 7; IPE, I², № 352), вероятно, оказанная на основании договора о взаимной помощи 179 г. до н. э. Ольвия, находившаяся в подчинении у скифов, очевидно, в этой борьбе выступала на стороне последних.

После поражения скифов на рубеже II—I вв. до н. э. Херсонес начал восстанавливать свою экономику, Ольвия же вскоре — в середине I в. до н. э. — подверглась гетскому разгрому. Естественно, что все перечисленные события не благоприятствовали развитию дружественных и прочных экономических взаимосвязей между обоими городами. Они восстанавливаются лишь на короткий промежуток времени, когда оба города попадают в зависимость от Митридата VI, что подтверждается не только нумизматическими, но и эпиграфическими данными (IPE, I², № 34).

Следующая группа ольвийских монет охватывает время с I в. н. э. по середину III в. Из 14 монет этой группы 8 найдены в погребениях. При этом самая поздняя из них — времени Александра Севера — в могиле, обнаруженной при строительных работах в районе Казачьей бухты (Гераклейский полуостров).

Увеличение количества монет этого периода по сравнению с предшествующим — несомненный показатель восстановления связей обоих городов. Немалое значение в укреплении этих связей

---

³³ Э. И. Соломонович. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. — АИБ. Симферополь, 1952, стр. 124.

³⁴ Там же. Особенно интересны надписи, поставленные Посидеем (IPE, I², № 670—672; О. Д. Дашевская. Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского. — НЭ, III, 1962, стр. 36 и сл.), который, вероятно, был представителем Ольвии при скифском царе.

сыграло то обстоятельство, что морские и сухопутные пути между Ольвией и Херсонесом охранялись Римом. Оживление торговли на Черном море в первые века нашей эры, как уже выше было сказано, вызвано развитием римских военно-торговых коммуникаций. Помимо непосредственных торговых связей между центрами Причерноморья в перемещении монет большую роль играли передвижения войск. переброска римских отрядов сопровождалась перемещением какой-то части населения районов, откуда набирались или где перед этим стояли легионеры и воины вспомогательных когорт. Это были или родственники легионеров³⁵, или, возможно, лица, связанные какими-то делами с войском. Так как в Херсонесе и в Ольвии стояли вексиляции одних и тех же легионов — I Итальянского, XI Клавдиева и V Македонского (IRE, I², № 322, 547—549, 236, 550—552, 675), — то неизбежны были перемещения между гарнизонами. Не в результате ли этих перемещений определенная часть ольвиополитов появилась в Херсонесе? Видимо, не случайно половина ольвийских монет этого времени обнаружена при раскопках некрополя. Можно предполагать, что монеты из некрополя косвенно указывают на этникон погребенных³⁶.

Керкинитида. В Херсонесе найдено 30 монет Керкинитиды, из них 25 типа Б.ХІІІ, 2—8 и одна типа Б.ХІІІ, 9—10. Остальные четыре монеты в отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинича помечены как «монеты Керкинитиды обычного типа». Эти четыре монеты не сохранились³⁷, поэтому не представляется возможным определить их более точно, но вероятнее всего они представляют монеты, наиболее частые в находках из Херсонеса, а именно тип Б. ХІІІ, 2—8. А. Н. Зограф датирует эти монеты 300—250 гг. до н. э., а монеты типа Б. ХІІІ, 9—10 — концом III — началом II в. до н. э.³⁸ П. О. Карышковский считает оба типа старшим и младшим номиналами одной и той же серии и датирует ее второй половиной III в. до н. э.³⁹ Ряд экземпляров монет указанной серии имеет скошенный гурт, как на херсонесских монетах типа Дева, разящая лань — бодающий бык (З. ХХХV, 24—25). Нельзя не отметить сходство фактуры некоторых керкиннитидских монет с другой группой херсонесских монет: голова Афины — грифон (З.ХХХVI, 5). Учитывая это обстоятельство, монеты Керкинитиды типа Б.ХІІІ, 2—8, 9—10 можно было бы отнести к середине III в. до н. э.

Следует отметить, что среди находок керкиннитидских монет в Херсонесе нет ни одной монеты IV в. до н. э., хотя, как известно,

---

³⁵ Подробно об этом см. нашу статью «Бронзовый медальон из Ассоса» (СХМ, III, 1963).

³⁶ А. М. Г и л е в и ч. Могила с двумя подбоями. — СХМ, II, 1961, стр. 56.

³⁷ ИАК, 20, 1906, стр. 25; ИАК, 25, 1907, стр. 149. Архив ГХМ, д. 33; д. 34, л. 34; д. 35, л. 34.

³⁸ А. Н. З о г р а ф. Античные монеты, стр. 244.

³⁹ П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты». — ВДИ, 1953, № 1, стр. 108.

первые выпуски монет этого города относятся к середине IV в. до н. э.⁴⁰ Объясняется это, на наш взгляд, тем, что монеты Керкинитиды IV в. выпускались в очень ограниченном количестве, в противоположность монетам середины III в. до н. э., которых выпускали очень много, особенно старших номиналов серии.

Керамические и нумизматические материалы из Керкинитиды свидетельствуют о регулярных торговых связях города в IV—III вв. до н. э. с Херсонесом, Пантикапеем, Гераклеей, Синопой, Фасосом, Родосом, Книдом, Косом и другими городами⁴¹. Первое место среди этих материалов принадлежит Херсонесу. Преобладание монет Херсонеса в монетных находках Керкинитиды объясняется скорее не торговыми связями между городами, а политической и экономической зависимостью Керкинитиды от Херсонеса.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

Больше половины всех иногородних монет, найденных в Херсонесе, составляют монеты Боспора. Их насчитывается 678 экземпляров, причем все они медные. Подавляющая часть их — монеты Пантикапея и боспорских царей. Монеты Горгииппии и Феодосии представлены единичными экземплярами, монет Фанагории известно 26. Такое соотношение находится в прямом соответствии с интенсивностью выпуска монет перечисленными городами и царской чеканкой.

Пантикапей. Монет городской чеканки Пантикапея в Херсонесе насчитывается 199. Они охватывают время от начала IV в. до н. э. до конца I в. до н. э. и хронологически распределяются неравномерно (прилож. IV). Можно выделить два периода, на которые приходится наибольшее количество пантикапейских монет: первый период — конец IV — середина III в. до н. э. (44 экземпляра), второй период — вторая половина I в. до н. э. (104 монеты).

Самая ранняя пантикапейская монета относится к 400—375 гг. до н. э. (МДБ, III, 37). Пантикапейские монеты последующих выпусков в Херсонесе неизвестны, кроме одной монеты первой половины IV в. до н. э. Резкий приток монет Пантикапея относится к последней трети IV в. до н. э. (МДБ, IV, 51; V, 55, 57, 61). В первую половину III в. до н. э., судя по меньшему числу зарегистрированных монет, этот приток несколько сокращается и затухает в середине III в. Монет второй половины III в. не найдено ни одной. Находки монет первой половины II в. до н. э. в Херсонесе единичны; их насчитывается всего 4 экземпляра. В последней четверти II в. до н. э. приток пантикапейских монет снова увеличивается. Известно 15 монет этого времени и 5 монет первой четверти I в. до н. э. (прилож. I).

⁴⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 160 и сл., табл. XXXVIII, 15, 16, 19.

⁴¹ М. А. Налликина. Торговые связи античных городов северо-западного Крыма. — ПИСП. М., 1959, стр. 187 и сл.

Вторая четверть II в. до н. э. представлена четырьмя анонимными ободами, выпуск которых К. В. Голенко датирует 79—66 гг. до н. э.⁴², и пятью монетами Фарнака (63—47 гг. до н. э.). Как уже было сказано, большое количество монет Пантикапея относится ко второй половине I в. до н. э. Из них больше половины — 64 экземпляра — монеты времени Асандра: 9 монет Асандра-архонта (47—45 гг.), а 55 — различные типы городской чеканки 44—17 гг. до н. э. (прилож. I).

Заключительные выпуски городской чеканки Пантикапея составляют медные монеты с надписью ΚΑΙΣΑΡΕΩΝ (Б. XXIII, 1; З. XLV, 12, 13). Этих монет найдено в Херсонесе 34. Очень плохая сохранность еще шести монет этого времени не позволяет с точностью определить место их выпуска (Кесаря или Агриппея).

Царская чеканка. Монет боспорских царей найдено в Херсонесе 448. В подавляющей массе они происходят с территории городища, и только около 20 монет — из некрополя.

Самой ранней монетой царской чеканки является монета с головой Зевса-Аммона на лицевой стороне, змеей и монограммой ΒΑΕ на оборотной (Б. XXIV, 22)⁴³. Исследованиями А. Л. Бертье-Делагарда⁴⁴, с которыми согласился и А. Н. Зограф⁴⁵, доказано, что монеты с монограммой ΒΑΕ были выпущены на рубеже новой эры неизвестным боспорским царем. Монеты типа найденной в Херсонесе, видимо, очень редки. Так, А. Н. Зограф указывает всего шесть экземпляров таких монет⁴⁶. Ни среди пантикапейских находок 1945—1961 гг.⁴⁷, ни среди фанагорийских 1947—1957 гг.⁴⁸ нет ни одной монеты этого типа, хотя другие монеты с такой монограммой там имеются.

В Херсонесе найдены монеты почти всех царей от Рискупорида I до Рискупорида VI. Как видно из прилагаемой сводки (прилож. I), до времени правления Фофорса число монет, приходящееся на каждого царя, очень невелико (только монет Котиса I насчитывается 11 экземпляров) и во многих случаях составляет лишь одну-две монеты. Всего же монет боспорских царей от Рискупорида I до Тейрана включительно насчитывается 68, в то время как количество монет трех последующих царей достигает 379 экземпляров. Из числа

⁴² К. В. Голенко. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. — ВДИ, 1964, № 4, стр. 56. Более общую для них дату — после 80 г. и до конца правления Митридата — он дает в статье «О характере чекана боспорских анонимных оболов» (НиС, 2, 1965, стр. 45 и сл.).

⁴³ ИАК, 25, 1907, стр. 87, могила № 1789. Монета утрачена.

⁴⁴ А. Бертье-Делагард. О монетах властителей Босфора Киммерийского, определяемых монограммами. — ЗООИД, XXIX. Одесса, 1911, стр. 117.

⁴⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 193 и сл.

⁴⁶ Там же, стр. 195.

⁴⁷ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. — НиС, 1. К., 1963, стр. 64.

⁴⁸ Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг. — НЭ, III, 1963, стр. 65.

последних 238 монет не поддаются точному определению из-за плохой сохранности, но по фактуре они могут быть отнесены к концу III — началу IV в. и включают в себя монеты Фофорса, Радамсада и, главным образом, Рискупорида VI. Определяемые монеты перечисленных царей в количестве 141 экземпляра распределяются следующим образом: Фофорс — 41, Радамсад — 8 и Рискупорид VI — 92 экземпляра. Такое соотношение является обычным и соответствует интенсивности чеканки и продолжительности правления этих царей ⁴⁹.

Изучение боспорских монет, найденных в Херсонесе, с привлечением дополнительных материалов позволяет сделать некоторые замечания относительно взаимоотношений и связей Херсонеса с Боспором в различные периоды их истории, а также о денежном обращении Херсонеса.

Отметим для начала, что находки херсонесских монет в Пантикапее, как и вообще на территории Боспора, почти неизвестны ⁵⁰. К. В. Голенко опубликовал херсонесскую монету 220 г. с боспорской надчеканкой времени Рискупорида V ⁵¹. В 1935 г. в Тиритаке найдена херсонесская монета I в. до н. э. ⁵² Херсонесская монета эпохи элевтерии была найдена на сельском поселении первых веков нашей эры у д. Ново-Отрадное ⁵³. Вот, собственно, и все, чем мы располагаем к настоящему времени. В пантикапейских находках последних лет нет ни одной монеты Херсонеса ⁵⁴. Надо сказать, что Херсонес в этом отношении не составляет исключения. Монеты других северопричерноморских центров также очень редки в боспорских городах ⁵⁵. Напротив, боспорские медные монеты получили широкое распространение за пределами собственно боспорской территории уже в IV в. до н. э. ⁵⁶, что подтверждается и нашими материалами. Медные пантикапейские монеты IV—III вв. до н. э., помимо

---

⁴⁹ К. В. Голенко. Второй Патрейский клад монет. — НЭ, I, 1960, стр. 223; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории, стр. 128; К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея, стр. 22.

⁵⁰ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора. М., 1956, стр. 127.

⁵¹ К. В. Голенко. Херсонесская монета с боспорской надчеканкой. — КСИИМК, 63, 1956, стр. 156.

⁵² А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритак и Мирмекия в 1935—1940 гг. — МИА, 25, 1952, стр. 364.

⁵³ И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений Боспора. — ВДИ, 1963, № 2, стр. 77.

⁵⁴ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея.

В одну из частных коллекций в 1963 г. поступила херсонесская медная монета середины I в., найденная, по словам владельца, на горе Митридат в Керчи. Однако за достоверность этих сведений мы поручиться не можем.

⁵⁵ Известны только находки ольвийских монет. Их сводку см.: П. О. Карышковский. Ольвия и Боспор по нумизматическим данным. — КСОГАМ. Одесса, 1964, стр. 140, прим. 1.

⁵⁶ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора, стр. 127.

Херсонеса, встречаются в Ольвии⁵⁷ и Керкинитиде⁵⁸, причем состав медных находок из Ольвии идентичен херсонесскому⁵⁹. В 1962 г. во время раскопок эллинистической сельской усадьбы у бухты Ветрпории (пос. Черноморское, Крымской обл.), расположенной на территории городской сельскохозяйственной округи Калос Лимена, найдена пантикапейская монета 330—315 гг. (МДБ, V, 57)⁶⁰.

Широкое распространение пантикапейских монет этого времени, по мнению А. Н. Зографа⁶¹, принятому и другими исследователями⁶², явилось результатом активной торговой политики Боспора, в которой он занял доминирующее положение среди остальных государств Северного Причерноморья.

Однако следует заметить, что торговля Херсонеса с Боспором, как показывают другие источники, в частности данные клейменной и лапидарной эпиграфики, никогда не была значительной. Среди керамических материалов IV—III вв. до н. э. в Херсонесе импорт Боспора занимает ничтожное место по сравнению с другими центрами. Так же мал херсонесский экспорт на Боспор, где амфорные ручки с клеймами херсонесских астиномов встречаются сравнительно с клейменными амфорами остальных центров в незначительном количестве⁶³.

И. Б. Зеест отмечает, что, судя по амфорной таре, ввоз херсонесского вина на Боспор в IV в. до н. э. был ограниченным, но в III—II вв. заметно увеличился⁶⁴. Ряд памятников лапидарной эпиграфики дает некоторое представление о возрастании политических и экономических связей Херсонеса с Боспором в III в. до н. э. Имена херсонесских граждан встречаются на боспорских надгробиях IV в. до н. э. и первой половины III в. (СІRV, № 173, 194, 195, 243—ІРЕ, II, № 302¹, 302, 303; IV, № 402). В. Ф. Гайдукевич считает этих херсонеситов купцами⁶⁵, но содержание надписей не дает оснований

⁵⁷ П. О. Карышковский. Ольвия и Боспор..., стр. 141 и сл.

⁵⁸ М. А. Наливкина. Торговые связи античных городов северо-западного Крыма, стр. 193.

⁵⁹ П. О. Карышковский. Ольвия и Боспор..., стр. 141 и сл.

⁶⁰ Фонды ГХМ, № 8915.

⁶¹ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг., стр. 216.

⁶² Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора, стр. 127; П. О. Карышковский. Ольвия и Боспор..., стр. 141.

⁶³ Е. Г. Суров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом, стр. 127; А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Триттаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху. Автореферат канд. дисс. Л., 1951, стр. 9; е ж е. Херсонесские клейма как источник изучения торговых связей Херсонеса и Боспора в эллинистическую эпоху.— В кн.: «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963, стр. 315; Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг.— МИА, 56, 1957, стр. 203; е ж е. Керамические клейма из раскопок Фанагории.— МИА, 57, 1956, стр. 129.

⁶⁴ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора.— МИА, 83, 1960, стр. 28.

⁶⁵ В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: «Античные города Северного Причерноморья в античную эпоху». М.—Л., 1955, стр. 72.

для такого определенного утверждения. Тем не менее они подтверждают существование связей между обоими государствами. Для IV в. херсонесские надписи не дают никаких сведений о взаимосвязях с Боспором, зато ко второй половине III в. до н. э. относится почетный декрет в честь Сириска (IPE, I², № 344), из которого явствует, что Херсонес устанавливает в это время политический союз с Боспором. Это становится понятным, если учесть начавшуюся активизацию скифов, направленную в Крым против обоих государств.

Как видно из изложенного, количество найденных в Херсонесе боспорских монет находится в обратной зависимости с остальными данными о взаимосвязях Херсонеса и Боспора в IV—III вв. до н. э. С укреплением политических отношений и усилением торговли соответственно уменьшается приток боспорских монет. Чем это можно объяснить? Видимо, тем, что монеты в данном случае не являются результатом непосредственных торговых связей между двумя городами. Причину появления в Херсонесе большого количества пантикапейских монет конца IV — первой половины III в. до н. э. надо искать в географическом положении города, который был первым важнейшим транзитным пунктом на торговом морском пути из Боспора. Корабли с боспорским хлебом, которые направлялись в любой центр южного или западного Понта или за его пределы, независимо от того, каким путем они шли дальше, должны были останавливаться в Херсонесе — отсюда начинались оба прямых пути через Черное море (южный и западный).

Сокращение числа пантикапейских монет в Херсонесе в середине III в. до н. э. и полное отсутствие монет второй половины III в. до н. э. совпадает по времени с упадком внешней торговли Боспора, с сокращением его хлебного экспорта в греческие города⁶⁶.

Последующие поступления боспорских монет в Херсонес, вплоть до середины III в. н. э., отражают, видимо, не столько торговые связи обоих государств, сколько политическую и экономическую зависимость Херсонеса от Боспора, в которую он попал со времени Митридата. Изменение количественного соотношения монет, как это видно из прилагаемых таблиц (прилож. I, IV,) находится в соответствии с изменением степени зависимости Херсонеса от Боспора.

Первый приток боспорских монет совпадает по времени с подчинением Херсонеса Митридату и продолжается в течение всего периода его правления, а также после перехода власти к Фарнаку. Хотя Херсонес и поднял восстание против Митридата⁶⁷, надеясь на помощь Рима, он не получил от римлян автономии, как Фанагория, а вновь попал под власть Боспора. Может быть, при Фарнаке власть Боспора над Херсонесом и была несколько ослаблена. В всяком случае, монет Фарнака в Херсонесе найдено гораздо меньше, чем боспорских монет предшествующего и последующего времени.

⁶⁶ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1948, стр. 77.

⁶⁷ Arr., Mithr., 108 = SC, стр. 533.

Зависимость от Боспора очень тяготила Херсонес, тем более, что Боспор не мог обеспечить безопасность Херсонеса от варваров: Неоднократные просьбы города и ходатайства его метрополии Гераклеи привели к тому, что Юлий Цезарь в 45 г. до н. э. даровал городу свободу⁶⁸. Однако последовавшие вскоре события — убийство Цезаря и политические перемены в Риме — привели к тому, что Херсонес фактически продолжал оставаться под властью Боспора. Возможно, Асандр, захватив власть на Боспоре после смерти Фарнака в 47 г. до н. э. и желая получить признание своей власти со стороны Рима, не решался сразу подчинить себе Херсонес⁶⁹. И только после смерти Цезаря, когда Асандр стал титуловаться царем, снова усиливается власть Боспора над Херсонесом. Подтверждением этому служат монеты. Как уже было отмечено, монет Асандра-архонта в Херсонесе найдено только 9, а городских пантикапейских монет, выпускавшихся с 44 по 17 г., — 55. С этого времени и до конца I в. до н. э. пантикапейская медь заполняет денежный рынок Херсонеса и, вероятно, обращается здесь наряду с местной медной монетой, чеканка которой в этот период была незначительной. К. В. Голенко приводит интересный пример перечеканки херсонесской монеты на пантикапейскую времени 44—30 гг. до н. э.⁷⁰

О существовании связи между монетным делом Боспора и Херсонеса уже со времени Митридата Евпатора свидетельствуют общность фактуры и типов ряда монет Херсонеса, Пантикапея и Фанагории, наличие боспорских надчеканок в виде восьмилучевой звезды⁷¹.

За исключением монет Котиса последующие выпуски царской чеканки до Тейрана включительно представлены в Херсонесе небольшим числом монет, но зато всех правителей, что, видимо, свидетельствует о продолжавшихся все это время сношениях между Херсонесом и Боспором.

Иная обстановка на денежном рынке Херсонеса сложилась с конца III в. Прекращение в конце III в. выпуска собственной монеты привело к тому, что в городе наряду с римской медью стали обращаться монеты последних боспорских царей⁷², что послужило стимулом к интенсивному притоку меди с Боспора. Этим только и можно объяснить огромное количество монет Фифорса, Радамсада и Рискупорида VI, встречающихся в Херсонесе.

В период зависимости Херсонеса от Боспора и Рима происходит,

---

⁶⁸ М. И. Ростовцев. Цезарь и Херсонес. — ИАК, 63. Пг., 1917, стр. 17.

⁶⁹ Ср. К. В. Голенко. К датировке некоторых монет Херсонеса. — НЭ, III, 1963, стр. 54.

⁷⁰ К. В. Голенко. К датировке некоторых монет Херсонеса, стр. 51.

⁷¹ А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. — НС, II. М., 1912, стр. 26; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 150 и сл.; К. В. Голенко. К датировке некоторых монет Херсонеса, стр. 52.

⁷² В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса I—III вв. до н. э., стр. 46.

видимо, значительное перемещение населения между этими государствами. В первых веках нашей эры в составе населения Херсонеса был определенный процент уроженцев Боспора, в пользу чего говорят находки надгробий боспорского типа⁷³. Указанием на происхождение погребенных могут также служить и находки боспорских монет в некрополе; их известно около 20 экземпляров⁷⁴.

Монеты малых городов Боспора, найденные в Херсонесе, к рассмотрению которых мы переходим, отражают ту же картину взаимоотношений между обоими государствами, что и монеты Пантикапея городской чеканки.

Феодосия. Как известно, чеканка монет Феодосии носила эпизодический характер, поэтому монеты этого города вообще встречаются очень редко⁷⁵. В Херсонесе найдено всего две медные монеты Феодосии. Одна монета — очень плохой сохранности, вдобавок обломанная. Изображенная на лицевой стороне голова влево определяется как голова Геракла, на оборотной стороне — бодающий бык (З. ХХХІХ, 4). Этот тип монет датируется А. Н. Зографом серединой IV в. до н. э. От имени города на нашем экземпляре ясно читаются только две первые буквы: ΘΕ. Вторая монета — с головой Афины на лицевой стороне, луком в горите и палицей на оборотной — выпущена в третьей четверти III в. до н. э. (МДБ, IX, 110).

Выпуск феодосийских монет в середине IV в. и во второй половине III в. до н. э., так же как и заимствование Феодосией типов гераклейских и херсонесских монет, совпадает по времени с наиболее острыми периодами борьбы Боспора и Гераклеи, в которой Феодосия поддерживала Гераклею⁷⁶. Возможно, что косвенно в эту борьбу был втянут и Херсонес. Этим, в частности, можно объяснить находки в Херсонесе феодосийских монет, которые за пределами Феодосии почти не встречаются. Во всяком случае, среди монетных находок в малых городах Боспора нам известна только одна монета Феодосии III в. до н. э. из Тиритаки⁷⁷ и две монеты этого же времени из Ольвии⁷⁸. В Пантикапее за 11 лет раскопок — с 1945 по 1961 гг. — не найдено ни одной монеты Феодосии⁷⁹.

Горгиппия. Из трех монет Горгиппии, найденных в Херсонесе, — одна серебряная. Все они — и серебряная и медные — датируются

⁷³ Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1964, № 53, 54; А. Н. Щеглов. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического (в печати).

⁷⁴ А. М. Гилевич. Могила с двумя подбоями, стр. 56.

⁷⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 162; Д. Б. Шелов. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. — ВДИ, 1950, № 3, стр. 169 и сл.; е г о ж е. Монетное дело Боспора, стр. 39.

⁷⁶ Д. Б. Шелов. Феодосия, Гераклея и Спартокиды, стр. 176.

⁷⁷ А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг., стр. 367, № 136.

⁷⁸ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг., стр. 243.

⁷⁹ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг.

100—75 гг. до н. э.⁸⁰, т. е. относятся к тому времени, когда и Херсонес и Боспор объединялись под властью Митридата Евпатора.

Фанагория. Монет Фанагории в Херсонесе найдено значительно больше — 26 экземпляров. Из этого числа три монеты — II в. до н. э. с типами бородатого сатира в плющевом венке на лицевой стороне и лука, стрелы и надписи ФА на обороте (З. XLII, 13). Выпуск этих монет был очень обильным, находки их известны в большом количестве в самой Фанагории, а в единичных экземплярах они постоянно встречаются при раскопках боспорских городов⁸¹.

Фанагорийских монет времени Митридата найдено 6 экземпляров. Еще большее количество их — 16 экземпляров — приходится на период с 14 по 8 г. до н. э. Как и монеты Пантикапея того же времени, монеты Фанагории, очевидно, обращались на херсонесском денежном рынке. Обратного процесса — проникновения херсонесских монет в Фанагорию — не наблюдается. До сих пор там не известны находки херсонесских монет⁸².

Диоскуриада. Монеты античного времени, чеканенные на Кавказе, представлены в Херсонесе только Диоскуриадой. Всего найдено 25 монет этого города, которые, как известно, выпускались при Митридите Евпаторе⁸³. Количество монет, происходящих из Херсонеса, превышает число монет Диоскуриады, найденных в других центрах Северного Причерноморья. Нам пока известны только 7 монет, найденных в следующих местах: в Тиритаке — 3, Мирмекии — 1, Фанагории — 1, Патрее — 1 и в Судаке — 1⁸⁴.

Частые находки монет Диоскуриады в Херсонесе вряд ли можно объяснить торговыми связями, так как они не подтверждаются другими археологическими материалами. Правда, на Кавказе, в Пицунде, найдена одна херсонесская монета II в. до н. э.⁸⁵, однако этой находки мало, чтобы говорить о регулярных экономических связях Херсонеса с Кавказом. Скорее можно предположить, что приток диоскуриадских монет в Херсонес был связан с политической обстановкой, сложившейся в то время. Вполне вероятно, что в Херсонесе стоял один из тех отрядов Митридата, с которыми он перезимовал в Диоскуриаде после поражения 66 г. в Малой Азии⁸⁶.

⁸⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 186 и сл.

⁸¹ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора, стр. 173; е го же. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг. — НЭ, III, 1963, стр. 62.

⁸² Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории.

⁸³ Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 40.

⁸⁴ Д. Г. Капанадзе. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным. — ПИСП, стр. 147; А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг., стр. 367; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг., стр. 79; К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрее (1945—1950 гг.). — ВДИ, 1952, № 3, стр. 149; Л. Н. Казаманов а. Клад монет IV—II вв. до н. э. из Судака. — ВДИ, 1963, № 4, стр. 145.

⁸⁵ Д. Г. Капанадзе. К вопросу об экономических связях..., стр. 144.

⁸⁶ Я. А. Манандян. Маршруты понтийского похода Помпея и путь отступления Митридата в Колхиду. — ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 89 и сл.

МОНЕТЫ ГОРОДОВ ЮЖНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ДРУГИХ ЦЕНТРОВ МАЛОЙ АЗИИ И СИРИИ

Основанный Гераклеей Понтийской, Херсонес, естественно, был с первых лет своего существования тесно связан со своей метрополией и другими городами Южного Причерноморья. Развитие этих связей способствовало и то, что с освоением прямого морского пути через Черное море Херсонес оказался первой удобной гаванью на пути кораблей, шедших из Гераклеи, Синопы, Амастрии и других городов Южного Причерноморья в Северное. По мнению М. И. Максимовой, нужда в такой гавани и послужила одной из причин основания Херсонеса именно в этом районе⁸⁷.

Монеты южнопонтийских городов по числу находок в Херсонесе занимают второе место после боспорских (прилож. IV). Как и во всех городах Северного Причерноморья⁸⁸, самую многочисленную группу составляют монеты митридатовского времени — 265 экземпляров. Монет предшествующего времени нет, за исключением единственного экземпляра 203 г. до н. э. из вифинского города Кия. Монет императорского периода насчитывается 46 экземпляров.

Необходимо отметить одно очень важное обстоятельство — полное отсутствие в Херсонесе монет Гераклеи и Синопы домитридатовского времени.

К началу правления Митридата относится проникновение первых монет Синопы, Амиса и других понтийских городов в Херсонес. Поначалу число этих монет невелико, но постепенно количество их возрастает. Из 265 монет митридатовского времени 153 могут быть определены хронологически. В соответствии с классификацией Имгофа-Блумера⁸⁹ они распределяются так:

120 — 111 гг. до н.э. — 10	(Амасия — 2, Амис — 4, Синопа — 4)
111 — 105 гг. до н.э. — 45	(Амис — 31, Газиура — 1, Синопа — 9, Амастрия — 1, один из городов Понта или Пафлагонии — 3)
111 — 90 гг. до н.э. — 28	(Амис — 18, Синопа — 10)
105 — 90 гг. до н.э. — 29	(Амис — 25, Амастрия — 2, Синопа — 1, один из городов Понта или Пафлагонии — 1)
90 — 80 гг. до н.э. — 4	(все — Амис)
80 — 70 гг. до н.э. — 37	(Амастрия — 1, Амис — 19, Лаодикейя — 1, Синопа — 12, Фарнакия — 4)

⁸⁷ М. И. М а к с и м о в а. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 155 и сл.

⁸⁸ А. Н. З о г р а ф. Находки понтийских монет митридатовского времени в Ольвии.— В сб.: «Ольвия», т. I. К., 1940, стр. 293 и сл.; П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Денежное обращение Ольвии в конце II и первой половине I в. до н. э.— НЭ, V, 1965, стр. 62 и сл.; К. В. Г о л е н к о. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках.— ПС, 11, 1963, стр. 58 и сл.

⁸⁹ F. I m h o o f - B l u m e r. Die Kupferprägung des mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens, NZ, 1912.

Как видим, наибольшее количество монет относится к 111—105 гг. до н. э., т. е. к тому времени, когда в Херсонес прибыла экспедиция Диофанта. Его отрядами, видимо, и было завезено в Херсонес большое количество медной монеты⁹⁰. С этого времени понтийская медь заполняет денежный рынок Херсонеса и, несомненно, обращается здесь наряду с местной монетой.

После гибели Митридата, когда Херсонес попадает под власть Боспора, в денежном обращении Херсонеса участвует и пантикапейская медь середины и второй половины I в. до н. э. Одновременно с ней в обращении удерживаются некоторое время и митридатовские монеты⁹¹.

Кроме монет боспорских и пантикапейских городов, монет никаких других центров этого времени в Херсонесе не было найдено, за исключением трех экземпляров, принадлежащих западнопонтийским городам II—I вв. до н. э. (прилож. I, IV), находившимся в такой же зависимости от Митридата, как и Херсонес.

В первые годы правления Августа провинция Вифиния — Понт, в состав которой входил Аμισ, Синопа и Гераклея, отошла к сенату⁹². В I—III вв. производство и торговля Синопы и Амиса необычайно процветали⁹³. Этому способствовало, в частности, то обстоятельство, что Причерноморье было включено в общеимперский рынок, и, беспокоясь о безопасности путей, римляне ликвидировали морское пиратство, обеспечив свободное плавание по Понту. Между Херсонесом и Южным Понтом по-прежнему существуют самые оживленные сношения. Монеты городов Южного Причерноморья — бронзовые и серебряные, — обнаруживаемые в Херсонесе, представляют монетную чеканку разных центров. Монет Синопы рубежа нашей эры и первых веков до нашей эры найдено в Херсонесе четыре (прилож. I). Из них одна относится к 30 г. до н. э. — 46 г. н. э., две — к I в. и одна — ко времени Галлиена.

Еще больше найдено монет Амастрии этого времени — 10, из них одна серебряная. К сожалению, о четырех монетах Амастрии, в том числе и серебряной, мы знаем из описи К. К. Косцюшко-Валюжинича только то, что они императорского времени⁹⁴. Остальные шесть монет распределяются следующим образом: три — I в., две — II в. и одна монета — времени Каракаллы.

Н. И. Репников в дневнике раскопок херсонесского некрополя в 1908 г. на участке насыпи перед протейхизмой башни XVII отме-

⁹⁰ По мнению А. Н. Зографа, эта понтийская медь служила для оплаты наемников (Античные монеты, стр. 187).

⁹¹ Подробно об этом см. К. В. Г о л е н к о. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. (ВДИ, 1964, № 4), где помимо собранного нами материала использованы монеты Херсонеса.

⁹² М. И. М а к с и м о в а. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, стр. 308.

⁹³ Т а м ж е, стр. 325.

⁹⁴ Архив ГХМ, д. 30, л. 28; д. 32, л. 24; д. 56, л. 112; ИАК, вып. 4, стр. 114; ИАК, вып. 16, стр. 60.

чает находку «серебряной драхмы понтийского царя Полемона II» и датирует монету 18 г. его правления⁹⁵.

В полевой описи Р. Х. Лепера значится бронзовая монета⁹⁶; описания ее нет, а указана только легенда ТРА (?). С легендой ТРА и изображением стола с лежащей гроздью винограда на реверсе и головой Гермеса на аверсе выпускались в IV в. до н. э. серебряные монеты Трапезунта — колонии Синопы⁹⁷. Бронзовые монеты, которые чеканились в императорское время, имели на реверсе легенду ΤΡΑΠΕΖΟΥΝΤΙΩΝ⁹⁸. Таким образом, найденная Лепером монета чеканена в Трапезунте, и если металл определен правильно, то она относится к императорскому времени.

Монет Амиса римского времени известно четыре: две серебряные и одна медная Адриана и одна медная Каракаллы. Кроме того, найдены две монеты Неокесареи III в., четыре монеты Ионополиса: две — времени Антонина Пия, одна — Геты и одна — Александра Севера, а также монета Севастополя — Гераклеополя времени Галлиена.

Традиционные связи с Гераклеей Понтийской не ослабевают и в императорскую эпоху. Это подтверждается целым рядом херсонесских декретов о проксении, данных гераклеотам⁹⁹. Характер этих связей, как отмечает А. И. Тюменев¹⁰⁰, носит скорее политический, нежели экономический характер. Однако, как свидетельствуют археологические материалы, в частности малоазийская керамика, торговля Херсонеса с Южным Причерноморьем была интенсивной. Помимо проксений в Херсонесе известны два надгробия гераклеотов, относящиеся к первым векам нашей эры (IPE, I², № 544, 545). Все гераклеийские монеты (семь), происходящие из Херсонеса, относятся к I—III вв. н. э.

О связях Херсонеса с другими городами Вифинии говорят монеты Апами (одна), Тия (три), Никеи (семь) и Никомедии (две). Все монеты датируются II—III вв. За исключением Тия, ни один из перечисленных центров никакими находками, кроме монет, не представлен, и они являются единственными показателями связей с этими центрами. О дружественных отношениях с Тием узнаем из почетного декрета II в.¹⁰¹ Надпись представляет собой копию декрета в честь херсонесита..., сына Папия, являвшегося, видимо, проксеном Тия. Из трех монет Тия, найденных в Херсонесе, две обнаружены в некрополе и относятся ко II в.; одна — времени Марка

⁹⁵ Хсб., II, 1927, стр. 183.

⁹⁶ Архив ГХМ, д. 110, л. 10 (опись находок за 1910 г.).

⁹⁷ М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, стр. 70, 74.

⁹⁸ BMC. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the kingdom of Bosphorus. London, 1889, стр. 40.

⁹⁹ IPE, I², 357, 359, 362; Е. Г. Суров. Новая херсонесская надпись. — ВДИ, 1960, № 3.

¹⁰⁰ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, V. — ВДИ, 1950, № 4, стр. 17 и сл.

¹⁰¹ Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические находки в северном районе Херсонеса. — Хсб., V, 1959, стр. 161 и сл.; НЭПХ, № 13.

Аврелия, вторая — Антонина Пия. Третья монета времени Каракаллы происходит с территории городища.

Помимо монет городов Вифинии, Понта и Пафлагонии в Херсонесе сравнительно часто, хотя и в единичных экземплярах, встречаются монеты других областей Малой Азии и Сирии. Всего таких монет насчитывается 15; из них лишь три относятся к эллинистическому времени, все остальные — императорского периода (прилож. I, IV).

Эллинистические монеты происходят из Кизика и Сирии.

Монет Сирии в Херсонесе найдено три: одна — времени Александра Балы (150—145 гг.) и две — императорского времени. Монета Балы найдена в некрополе, куда она попала в качестве подвески¹⁰². Одна из императорских монет по фактуре может быть отнесена к I в., вторая из-за плохой сохранности не может быть датирована более точно.

Малоазийские города представлены находками монет императорского времени Кесареи Каппадокийской, Галатии, Эфеса, Александрии-Трои, Салы (Фригия), Сиде (Памфилия), Селевкии (Киликия). Монет Кесареи Каппадокийской найдено пять; из них две серебряные: гемидрахма Адриана и драхма Геты; две монеты относятся ко времени правления Александра Севера¹⁰³; третья монета, вероятно всего, также времени Александра Севера, но очень плохая сохранность лицевой стороны не позволяет решить это бесспорно. Частые находки монет Кесареи Каппадокийской отмечались А. Н. Зографом на Кавказе¹⁰⁴. Херсонес, вероятно, был связан с Кесарией через Синопу и Амис. Монеты всех остальных перечисленных городов медные.

Помимо этих монет в Херсонесе отмечены находки бронзовых медальонов, чеканенных в Пергаме, Ассосе, Скепсисе и Магнезии¹⁰⁵. Как правило, все эти монеты и медальоны обнаружены при раскопках херсонесского некрополя, и нам представляется, что они в таких случаях могут служить косвенным указанием на происхождение погребенных. Известно, что в первые века нашей эры население Херсонеса было очень пестрым по этническому составу. В городе проживало немало уроженцев малоазийских городов, многие из которых, вероятно, служили в римских войсках или были родственниками римских воинов. В составе легионов и вспомогательных войск Мезийской армии, отряды которой стояли в Херсонесе, было много уроженцев малоазийских городов и восточных эллинизиро-

¹⁰² ОАК, 1892, стр. 106, могила № 120.

¹⁰³ Одна из них ошибочно была определена К. К. Косцюшко-Валюжиничем как монета Метапонта (Лукания); ОАК, 1895, стр. 116.

¹⁰⁴ А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе. — ТОНГЭ, 1945, № 178—184, 200—202.

¹⁰⁵ Л. Н. Белова. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII. — МИА, 34, стр. 25; А. М. Гилевич. Бронзовый медальон из Ассоса. — СХМ, III, 1963.

ванных провинций¹⁰⁶. Ольвийское и херсонесские надгробия римских легионеров указывают на то, что вместе с ними находились и их семьи (IRE, I², № 236, 547, 553). Таким образом, именно благодаря размещению римского гарнизона в городе и включению его в сферу влияния Рима здесь появляются монеты из глубинных центров Малой Азии и Сирии.

МОНЕТЫ ГОРОДОВ ЗАПАДНОГО ПОНТА, ФРАКИИ И МАКЕДОНИИ

Сравнительно многочисленные находки монет западнопонтийских городов, Фракии и Македонии относятся ко времени с IV в. до н. э. по III в. н. э. Количественно преобладают монеты первых веков нашей эры, наименьшее число находок относится к митридадовскому времени.

Византий. Монет этого города найдено семь. Из них одна монета с бюстом Посейдона на лицевой стороне, трезубцем и именем магистрата ΔΙΟΣΚΟΥΡΟΣ (?) на оборотной относится к автономному периоду. Макдональд датирует этот тип монет III в. до н. э.¹⁰⁷ Найденный в Херсонесе экземпляр имеет надчеканку в виде женской (?) головы вправо. Три монеты Византия с головой Артемиды на лицевой стороне и звездой в полумесяце на оборотной относятся к III в. н. э.; одна монета чеканена в правление Геты. Монету из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича 1891 г.¹⁰⁸ невозможно датировать из-за отсутствия ее описания в отчете о раскопках и описи находок (автором раскопок был определен только центр чеканки).

Находки монет Византия в Херсонесе вполне естественны, так как Византий, расположенный у входа в Черное море, был тем пунктом, через который проходили все корабли, следовавшие в любой из понтийских городов. Его важное значение как транзитного пункта на пути в Черное море сохранялось на протяжении всей античной эпохи.

На несомненные непосредственные экономические связи между двумя городами, на наш взгляд, указывает то обстоятельство, что Херсонес с IV в. до н. э. чеканил серебро по той же хиосской системе, что и Византий¹⁰⁹, а также одновременно с ним приступил в последней четверти III в. до н. э. к выпуску тетрадрахм¹¹⁰. Вряд ли такие совпадения случайны. По-видимому, и чеканка монет по одной системе, и одновременный выпуск монет одинакового достоинства

¹⁰⁶ Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого общества в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 236.

¹⁰⁷ G. Macdonald. Catalogue of Greek coins in the Hunterian collection. Glasgow, т. I, стр. 394, № 4—5.

¹⁰⁸ Архив ГХМ, д. 56, л. 113.

¹⁰⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 147.

¹¹⁰ Там же, стр. 149.

диктовались экономической необходимостью, вероятнее всего, удобством денежных расчетов в торговых операциях.

И наконец, надо остановиться еще на одной находке, которую можно связать с Византием.

В 1934 г. в северном районе херсонесского городища (раскопки Г. Д. Белова) была найдена серебряная тетрадрахма. Видимо, из-за плохой сохранности ее металл был принят за медь и она была очищена вместе с остальными медными монетами. В результате поверхность тетрадрахмы оказалась покрытой тончайшим слоем электролитической меди, что и привело к ошибке в определении. В списке монет из раскопок 1934 г. она издана как бронзовая III (?) в. до н. э., без указания места выпуска ¹¹¹.

После вторичной очистки монеты и удаления пленки меди в 1963 г. в реставрационной лаборатории Херсонесского музея стало ясно, что это одно из подражаний тетрадрахмам Лисимаха.

Изображение на лицевой стороне монеты испорчено двумя надчеканками, и поэтому иконографические черты портрета не выявляются отчетливо. Буквы ВГ на троне Афины и стиль монеты говорят о том, что скорее всего она была выпущена в Византии ¹¹² (тетрадрахмы с буквами ВГ выпускались и в Северных Балканах ¹¹³). Вес монеты — 13,52 г — значительно ниже обычного веса (около 17 г) тетрадрахм этого типа, чеканенных в Византии ¹¹⁴, хотя и среди них встречаются экземпляры с пониженным весом ¹¹⁵. По стилю и особенностям шрифта (точки на концах гас) херсонесская находка может быть датирована концом III — началом II в. до н. э. Одна из надчеканок лицевой стороны прямоугольной формы изображает амфору с вытянутым туловом и конической ножкой. Публикуемые Т. Герасимовым надчеканки с амфорами ¹¹⁶ отличаются от нашей более округлыми формами и иными пропорциями изображенных на них сосудов. Вторая надчеканка круглая, внутри ее помещен пьющий пегас. Как известно, пьющий пегас служил эмблемой оборотной стороны на тетрадрахмах Митридата VI ¹¹⁷. Вероятно, и надчеканка может быть датирована этим временем. К сожалению, остается неясным вопрос, где была сделана эта надчеканка. Как известно, тетрадрахмы лисимаховского типа особенно широко обращались в городах Западного Понта, а также на Балканах и в Подунавье. Воз-

¹¹¹ Л. Н. Белова - Кудь. Монеты из раскопок Херсонеса в 1934 г. — В кн.: Г. Д. Белов. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Госиздат Крым. АССР, 1936, стр. 42, № 2.

¹¹² L. Müller. Die Münzen des Thracischen Königs Lysimachus. Kopenhagen, 1858, стр. 56.

¹¹³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 102.

¹¹⁴ Ср. М. Лазаров. Находка от серебряной тетрадрахмы от с. Съеднево, Бургаско. — Археология, 1965, кн. 2, стр. 52 и сл., № 1, 2, 4 — 43.

¹¹⁵ Там же, стр. 53, № 3.

¹¹⁶ Т. Герасимов. Античные монеты с контрамарки от Долна Мизия и Тракия. — ИБАИ, XV. София, 1946, стр. 58, рис. 28, 10; стр. 66, рис. 29, 3.

¹¹⁷ BMC. Pontus ..., VIII, 6—7; IX, 1—3.

можно, что монета была надчеканена в одном из западнопонтийских городов в период зависимости этих городов от Митридата.

Аполлония Фракийская (?). Аполлония Фракийская (?) представлена одной бронзовой монетой, которая была найдена в 1892 г. в некрополе Херсонеса и в том же году отправлена в Археологическую комиссию. Установить место ее хранения в настоящее время не удалось, поэтому мы принимаем определение места чеканки и время монеты Косцюшко-Валюжинича, который относит ее к Аполлонии автономного периода ¹¹⁸. Мы предполагаем, что монета принадлежит Аполлонии Фракийской.

Месембрия. Монета Месембрии известна в одном экземпляре. Эта бронзовая монета времени Филиппа Араба также найдена в херсонесском некрополе.

Одесс. Монет Одесса найдено три, все бронзовые. Две из них относятся к концу III в. до н. э. (Р. IV, 6, 13). Третья — римского времени, с бюстом Юлии Домны (ум. в 217 г.) на лицевой стороне.

Дионисополь, Маркианополь. К III в. н. э. относятся одна монета Дионисополя времени Гордиана III и четыре монеты Маркианополя времени Элагабала, Юлии Домны, Гордиана III и Филиппа Араба.

Каллатия. Монеты Каллатии находят в Херсонесе относительно часто, причем преобладают монеты автономного периода. Три найденные монеты относятся к III—II вв. до н. э. (Р. II, 12; I, 23). Имеется еще одна монета очень плохой сохранности, которая, вероятнее всего, может быть определена как каллатийская III—II вв. до н. э. (типа Р. I, 22). На ней видна довольно ясная месембрийская надчеканка в виде колеса с зубцами ¹¹⁹. Одна монета относится к рубежу II—I вв. до н. э. (Р. II, 3). Последний экземпляр особенно интересен, так как для митридатовского времени мы знаем всего три монеты из Херсонеса, чеканенные в городах Западного Понта. Два экземпляра монет римского времени относятся к правлению Септимия Севера.

Томи. Монет этого города найдено 15, что значительно превышает число монет других западнопонтийских городов. Самая ранняя монета с изображением головы Деметры на лицевой стороне, колоса между двумя восьмилепестковыми розетками и именем города — на оборотной (Р. V, 15) относится к концу II в. до н. э. и вслед за упомянутой выше каллатийской монетой является вторым известным нам экземпляром монет западнопонтийских городов митридатовского времени.

Все остальные монеты Том относятся к первым векам нашей эры. Три монеты датируются I в. н. э.; одна — I — началом II в. н. э. (Р. V, 22; VI, 4, 9). Кроме указанных четырех экземпляров в Херсонесе найдена еще одна монета, которая условно может быть отнесена к Томам. Обратная сторона ее испорчена окисью, на ли-

¹¹⁸ ОАК, 1892, стр. 27.

¹¹⁹ Т. Герасимов. Античные монеты с контрамарки от Долна Мизия и Тракия, стр. 63.

цевой — голова императора в венке вправо; по кругу сильно потертая надпись (не читается); позади головы четкая надчеканка **МН**. Диаметр монеты — 18 мм.

Пик в описании монет Том приводит монету времени Траяна с такой же точно надчеканкой¹²⁰. Никаких суждений по поводу этой надчеканки он не высказывает. Подобной надчеканки не приводит в своей работе Т. Герасимов. Нам представляется, что указанную надчеканку можно понимать как надчеканку времени Адриана на монетах предшествующего времени. Поскольку такая надчеканка известна только на монетах Том, то возможно, что такая надчеканка ставилась на монетах других городов в Адрианополе. Для решения этого вопроса двух монет с такой надчеканкой явно недостаточно.

Остальные монеты Том датируются III в.: два экземпляра Геты, два — Плавтиллы (ум. в 212 г.) и по одному Каракаллы, Юлии Домны, Александра Севера, Максимиана и третьей четверти III в.

Истрия. Монет Истрии найдено в Херсонесе всего пять. Одна из них — очень плохой сохранности — может быть отнесена к рубежу IV—III вв. до н. э. Вторая (Р. II, 26) — из раскопок 1897 г. — не сохранилась, но в описи Косцюшко-Валюжинича указано¹²¹, что на лицевой стороне изображен бюст вправо, на оборотной — орел, клюющий дельфина. Вероятно, она тоже может быть датирована IV—III вв. до н. э. Остальные три монеты чеканены в римское время — при Юлии Домне, Каракалле и Гордиане III.

Нижняя Мезия и Фракия. Монеты Фракии не составляют редкости в херсонесских находках. Помимо упомянутых уже монет автономного периода из городов фракийского побережья Черного моря надо отметить монету Маронеи IV в. до н. э.¹²²

Из херсонесского некрополя происходят монеты разных городов Фракии императорского времени: Адрианополя (Гордиан III), Филиппополя (Коммод), Неаполя Фракийского (Юлий Филипп II), Павталии (Каракалла), Целы (Элагабал), Перинфа (III в.).

Кроме перечисленных монет Фракии в Херсонесе была найдена бронзовая монета Никополя на Истре (Нижняя Мезия) времени Гордиана III.

Монеты Мезии и Фракии вряд ли попали в Херсонес только при торговых операциях. Подавляющее большинство монет Фракии найдено в некрополе. Неоднократно мы отмечали, что иногородние монеты, находимые в некрополе в качестве «обола Харона», являлись скорее всего последним связующим звеном умершего с его далекой родиной.

¹²⁰ B. Pick und K. Regling. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien, 1, 2. Berlin, 1910, стр. 626, № 2600 (указ. соч., 1, 1. Berlin, 1898, табл. VII, 1).

¹²¹ ОАК за 1897 г., стр. 97.

¹²² А. В. Орешников. Описание древнегреческих монет, принадлежащих императорскому Московскому университету. М., 1891, стр. 5, № 41—44. Изображение монеты см. в каталоге Гроса (S. W. G r o s e. Fitzwilliam Museum. Catalogue of the Mc-Clean collection of Greek coins. Cambridge, 1926, т. II, табл. 145, 5).

В составе херсонесского населения первых веков нашей эры явно ощущается значительный фракийский элемент. Особенно отчетливо он проявляется в появлении в городе и широком распространении фракийских культов. Неоднократно исследователями Херсонеса отмечалось, что культура Херсонеса первых веков нашей эры имеет много общих черт с культурой провинций Подунавья и Фракии¹²³. Появление уроженцев Подунавья и Фракии в Херсонесе связано с тем, что мезийская армия — основные силы и вспомогательные войска — комплектовалась из населения этих провинций¹²⁴. Солдаты гарнизона и их семьи составляли, видимо, значительную прослойку населения города; нам известны фракийские имена родственников римских солдат, сохраненные эпитафиями надгробий (IPE, I², № 547).

Нам думается, что иногородние монеты из некрополя можно использовать как один из источников для изучения этнического состава населения позднеантичного Херсонеса, с одной стороны, и состава оккупационных римских отрядов мезийской армии — с другой.

Македония. Македонских монет в Херсонесе найдено три. Об одной из них сообщает Кене¹²⁵. Ссылаясь на Гутри¹²⁶, он пишет, что в Херсонесе был найден золотой статер Филиппа II (359—336 гг. до н. э.). Если ее сообщение достоверно, то этот статер пока единственная золотая монета эллинистического времени, найденная в Херсонесе.

В Херсонесе найдена и медная монета Филиппа II (прилож. I). Во время раскопок Г. Д. Белова в 1957 г. на северном участке херсонесского городища найдена еще одна медная македонская монета III в. до н. э.

Золотые и серебряные монеты Филиппа II, Александра и Лиси́маха широко обращались не только по всему западному побережью Черного моря, но и по северному и восточному. Находки серебряных и золотых монет Филиппа II и Александра известны в Ольвии¹²⁷, на Боспоре¹²⁸, а также на Кавказе¹²⁹. Но если для Ольвии

---

¹²³ А. П. Иванов. Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса. — СА, 1964, № 2; А. Н. Щеглов. Пять херсонесских надгробий с изображениями умерших. — СА, 1964, № 2; е го же. Фракийские почитательные рельефы из Херсонеса Таврического (в печати).

¹²⁴ Т. Д. Златковская. Мезия в I—II вв. н. э., стр. 120; Е. М. Штарман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 233 и сл.; Г. И. Казаров. Битът на старите траки според класически писатели. — СБАН, I (1913), стр. 34.

¹²⁵ Б. Кене. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848, стр. 9.

¹²⁶ М. Guthrie. A tour ... through the Tauride or Crimea ... London, 1802, стр. 101.

¹²⁷ П. Й. Каришковский. Золоті монети Лиси́маха, знайдені в Ольвії, стр. 97—101.

¹²⁸ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора, стр. 129 и сл.

¹²⁹ А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет на Кавказе, стр. 153.

и Боспора можно предположить обращение золотых монет Филиппа и его преемников наряду с собственной золотой монетой, то для Херсонеса такое предположение невозможно, так как монетная система автономного Херсонеса базировалась на монометаллизме серебра. Правда, упомянутый выше ольвийский декрет в честь сыновей херсонесита Аполлония говорит о сумме в 3000 золотых. Операция эта, вероятно, была совершена в Ольвии, где обращалась и своя, и привозная золотая монета¹³⁰. Думается, что находка статера Филиппа II в Херсонесе — чисто случайное явление.

МОНЕТЫ ОСТРОВОВ МРАМОРНОГО И ЭГЕЙСКОГО МОРЕЙ

В единичных экземплярах в Херсонесе встречаются монеты городов, расположенных в Мраморном и Эгейском морях.

Проконнес. Вполне естественна находка в Херсонесе медной проконнесской монеты IV—III вв. до н. э. (ВМС, Mysia, табл. XXV, 12). Помимо того, что Проконнес был пунктом транзитной торговли, отсюда шло большое количество мрамора, который служил основным материалом для изготовления надписей, архитектурных деталей и скульптур. Правда, надо отметить, что в IV—II вв. до н. э. проконнесский мрамор ввозился в Херсонес в крайне ограниченном объеме. Поделки из мрамора в Херсонесе этого времени немногочисленны. Зато начиная с рубежа нашей эры импорт проконнесского мрамора интенсивно растет, и в первые века нашей эры изделия из него составляют максимальную часть всех мраморных поделок в Херсонесе¹³¹.

Фасос. Найденная в Херсонесе единственная серебряная монета Фасоса упоминается Палласом. В альбоме иллюстраций, приложенном к немецкому изданию его работы, приводятся рисунки этой монеты¹³², из которых видно, что это была тетрадрахма. На лицевой стороне ее — голова юного Диониса в плетеном венке вправо; на оборотной — Геракл во весь рост впрямь, с головой, повернутой влево, правой рукой опирается на палицу. Справа по вертикали надпись [H] PAKΛEOYΣ, слева — ΣOTHPOΣ, в обрезе — [Θ] AΣ [ΩN], в поле монеты — M¹³³. Кроме описанной выше тетрадрахмы лисимаховского типа это — вторая известная нам иногородняя тетрадрахма, найденная в Херсонесе.

¹³⁰ П. Й. Каршковський. Золоті монети Лісімаха..., стр. 99.

¹³¹ О. И. Домбровский, Е. А. Паршина. Архитектурные детали античного Херсонеса. — СХМ, II, 1961, стр. 89; А. П. Иванова. Фрагменты мраморных саркофагов II—III вв. н. э. — СХМ, III, 1963, стр. 20; А. Н. Щеглов. Пять херсонесских надгробий с изображениями умерших. — СА, 1964, 2, стр. 215; е г о ж е. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического (в печати).

¹³² Pallas. Bemerkungen..., II, альбом, табл. 5.

¹³³ ВМС. Thrace. London, 1877, стр. 223, № 74—78; В. V. Heald. Historia Numorum (2 ed.). Oxford, 1911, стр. 266.

Находки фасосских тетрадрахм в Северном Причерноморье чрезвычайно редки¹³⁴, хотя эти монеты во II—I вв. до н. э. выпускались в огромном количестве и были широко распространены на Балканах. Скорее всего данная монета попала в Херсонес через западнопонтийские города, хотя не исключено, что она была завезена сюда непосредственно с Фасоса, торговля с которым была постоянной и прочной на всем протяжении автономного периода.

Эвбея. Интересна находка в Херсонесе двух серебряных монет эвбейского города Гистиэи 196—146 гг. до н. э. Точно такую же монету, но лучшей сохранности, найденную в Ольвии, издал П. О. Карышковский¹³⁵. Отмечая чрезвычайную редкость этих монет для Северного Причерноморья, он считает, что находка гистиэйской монеты в Ольвии говорит о наличии торговых связей между обоими городами. Однако, учитывая широкое распространение гистиэйских монет по всей Греции и на архипелаге, а главное, на севере Балканского полуострова¹³⁶, не исключено, что они попали в Херсонес и в Ольвию через западнопонтийские города.

Лесбос. Представлен одной медной монетой императорского времени — монетой Коммода, выпущенной в Митилеи. Никаких других материалов о связях Херсонеса с Лесбосом нет.

Хиос. Остров Хиос также представлен одной медной монетой императорского времени (прилож. I). Для этого периода никаких сведений о связях Херсонеса с Хиосом нет. Изредка в наиболее ранних слоях Херсонеса встречаются обломки хиосских пухлогорлых амфор¹³⁷, ввоз которых относится еще ко времени существования херсонесского эмпория или к первым десятилетиям жизни города.

Родос. В Херсонесе найдено пять бронзовых монет Родоса конца IV—II вв. до н. э. Экономические связи Родоса и Херсонеса были особенно интенсивны во II в. до н. э.¹³⁸, на что указывает очень большое количество амфорных клейменных родосских ручек в слоях, относящихся к этому времени. Но возникновение торговых связей между двумя городами относится к более раннему времени, вероятно, к III, а может быть, и к IV в. до н. э. Для III в. до н. э. известна херсонесская проксения родосцу Тимагору (IRE, I², № 340). Кроме того, Херсонес чеканит серебряную монету по родосско-хиосской системе, что, по-видимому, также вызвано развитием торговли между обоими центрами.

¹³⁴ К. В. Голенко, А. Н. Щеглов. Находки серебряных тетрадрахм в северо-западном Крыму (в печати).

¹³⁵ П. О. Карышковский. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 8. Серебряная монета Гистиэи из ольвийских монетных находок. — ВДИ, 1961, № 4, стр. 113 и сл. Там же приведена подробная библиография о монетах Гистиэи.

¹³⁶ Т. Герасимов. Тракийски подражания на тетроболите на град Гистия. — ИБАИ, XXII, 1959, стр. 336, прим. 1.

¹³⁷ Типа: И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. — МИА, 83, 1960, стр. 19, 139, табл. III, 11.

¹³⁸ С. Ф. Стржеleckий. Основные этапы..., стр. 78.

МОНЕТЫ МАТЕРИКОВОЙ ГРЕЦИИ

Эгий. Материковая Греция представлена в находках только одной серебряной монетой II в. до н. э., принадлежащей городу Эгию, который входил в Ахейский союз. Местонахождение самой монеты в настоящее время не известно. О ее находке сообщает К. К. Косцюшко-Валюжинич в отчете о раскопках Херсонеса в 1899 г.

МОНЕТЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Египет. В северной части городища найдены две монеты Египта очень плохой сохранности. Одна из них, видимо, времени Птолемея II Филадельфа (285—246 гг. до н. э.); вторая по типу (Зевс — Амон — орел) может быть отнесена к III—II вв. до н. э.

Кирена. Интересной представляется нам находка монеты Кирены, относящейся ко второй половине III в. до н. э.¹³⁹ Это медная монета с головой Юпитера — Аммона вправо на лицевой стороне и цветком сильфия на оборотной.

На торговые связи Херсонеса с Северной Африкой указывают многочисленные изделия из пасты и стекла (бусы, амулеты, сосуды), а также керамика (вазы типа Гадра), неоднократно находимые на городище и в некрополе¹⁴⁰. В Александрии, в свою очередь, отмечены находки херсонесских амфорных ручек с клеймами астиномов¹⁴¹. Находки монет Египта и Кирены III—II вв. до н. э. вполне естественны в Херсонесе, куда так же, как и в другие города Северного Причерноморья, поступал александрийский импорт, особенно интенсивный именно в III в. до н. э.¹⁴²

РИМСКИЕ МОНЕТЫ

Как уже было отмечено вначале, самую значительную часть иногородних монет в Херсонесе составляют римские монеты — более трех четвертей (прилож. II, IV). Этот огромный материал требует специального рассмотрения и исследования. В нашей работе мы ограничимся общим обзором римских монет, происходящих из Херсонеса.

К республиканскому времени относятся два экземпляра. Один из них представляет собой довольно распространенный тип бронзовой монеты с головой двуликого Януса на аверсе и пророй на ре-

¹³⁹ Монета хранится в ГИМе.

¹⁴⁰ А. Н. Щеглов. Отчет об охранных раскопках херсонесского некрополя III—II вв. до н. э. у Песочной бухты. — Архив ГХМ; И. Г. Шурга я. Импорт Александрии в Северном Причерноморье. — ВДИ, 1965, № 4, стр. 134, 138.

¹⁴¹ Е. Г. Суоров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом, стр. 126.

¹⁴² И. Г. Шурга я. Импорт Александрии в Северном Причерноморье, стр. 139 и сл.

версе ¹⁴³. Этот тип монет чеканится на протяжении III—I вв. до н. э. Найденный в Херсонесе экземпляр, к сожалению, очень потерт, и потому не представляется возможным определить точное время выпуска монеты, хотя по фактуре она скорее всего может быть отнесена ко второй половине III в. до н. э. Вторая монета — квинарий 86 г. до н. э. ¹⁴⁴ Обе они найдены на городище.

Связи между Римом и Херсонесом в эллинистическое время не носили, по-видимому, регулярного характера. О политических взаимоотношениях с Римом впервые, хотя и косвенно, упоминает договор с Фарнаком (IRE, I², № 402). И только после разгрома Митридата переплетение интересов Рима и Херсонеса сделало эти связи стабильными.

Римская императорская чеканка представлена в Херсонесе в основном медными монетами, хотя для периода от I до середины III в. имеется довольно большое количество серебра. Известны лишь две ¹⁴⁵ находки золотых монет: одна времени правления Тиберия, вторая — Гонория.

Золотая монета Тиберия происходит из случайных находок в Херсонесе в 1901 г. Найдена она во время земляных работ на батарее, насыпанной на месте южной линии крепостных стен города ¹⁴⁶. Ауреус Гонория найден в 1891 г. при раскопках городища ¹⁴⁷. Обе монеты были отправлены в Археологическую комиссию и, вероятнее всего, попали в коллекцию Эрмитажа.

К золотым монетам, видимо, надо отнести и субэратный ауреус Филиппа Араба. К настоящему времени золотая плакировка частично пострадала и совершенно ясно видно, что монета внутри медная. Тем не менее в свое время она обращалась, несомненно, как золотая.

Серебряных римских монет найдено 143 (в том числе субэратных и биллоновых). Все они, как правило, плохой сохранности, за исключением нескольких экземпляров.

Регулярный приток римской монеты в Херсонес начинается с середины I в. н. э., т. е. со времени появления в Херсонесе отрядов римских войск. Вначале количество поступавших сюда монет было очень невелико. На весь I в. приходится всего 25 монет (прилож. II), из которых 1 золотая, 13 серебряных и 11 медных. Наибольшее количество монет (10 экземпляров) относится ко времени Флавиев (Веспасиана и Тита), что совпадает с периодом наибольшей активности римлян в Херсонесе. Вывод римского гарнизона в 80-х годах

¹⁴³ Н. А. Губер. Coins of the Roman republic in the British Museum, т. I, табл. XIII, 13.

¹⁴⁴ Н. А. Губер. Указ. соч., т. III, табл. XXXVIII, 4.

¹⁴⁵ В конце 1954 г. в одну из частных коллекций поступила золотая монета Феодосия I, найденная, по-видимому, в одном из погребений херсонесского некрополя, разрушенном строительными работами. Однако, поскольку полной уверенности в таком происхождении этой монеты нет, в сводку находок мы ее не включаем.

¹⁴⁶ ИАК, вып. 4, стр. 119.

¹⁴⁷ ОАК, 1891, стр. 10.

I в. отмечается сокращением монет Домициана (3 экземпляра). Однако связывать находки римских монет только с пребыванием римских войск в Херсонесе нельзя. Несомненно, что уже в это время они обращаются в Херсонесе наряду с местной монетой, тем более, что и система номиналов херсонесской чеканки первых веков нашей эры соответствует римской¹⁴⁸. Правда, судя по малому количеству римской меди до середины III в., она еще не имеет существенного значения в денежном обращении Херсонеса. Потребности городского рынка в разменной монете покрывались собственным чеканом. Число херсонесских монет I в.¹⁴⁹ до Домициана включительно — 312 экземпляров, из них только 4 золотые, остальные 308 — медные. Во II в. картина остается той же. Хотя общее количество римских монет, найденных в Херсонесе, возросло почти в два раза: 32 серебряные и 29 медных¹⁵⁰, — число монет херсонесского чекана остается во много раз большим. На рубеже II и III вв. число херсонесских монет по-прежнему значительно превосходит число римских. То же самое характерно и для III в. До времени правления Диоклетиана, когда прекратился выпуск херсонесских монет¹⁵¹, их количество также намного больше количества римских, несмотря на то, что приток последних резко возрос по сравнению с I и II вв. Так, на 185 римских монет приходится 352 херсонесских. Приведенная ниже таблица дает наглядное представление о соотношении херсонесских и римских монет в I—III вв.

Время выпуска	Число монет						
	Р и м				Херсонес		
	Au	Ag	Ae	Всего	Au	Ae	Всего
I в.	1	13	11	25	4	308	312
II в.	—	32	29	61	2	341	343
Конец II — начало III в.	—	8	27	35	—	145	145
III в.	1/плак.	90	94	185	—	352	352

Но если можно говорить о незначительной роли римской медной монеты в денежном обращении Херсонеса в I—III вв., то совсем иначе, видимо, обстоит дело с серебром. Последнее было тем благородным металлом, на котором базировалось денежное обращение Херсонеса. Хотя общее количество серебряных римских монет I—III вв. сравнительно невелико, однако в период от Клавдия I до Галлиена включительно оно все же превосходит число римских

¹⁴⁸ В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э., стр. 47.

¹⁴⁹ Количественный подсчет херсонесских монет сделан на основании материалов, приведенных В. А. Анохиным в его работе «Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.».

¹⁵⁰ В это число включены и монеты Траяна; монеты Септимия Севера включены в число монет конца II — начала III в., монеты Юлии Домны — в число монет III в.

¹⁵¹ В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э., стр. 66.

бронзовых монет: серебряных — 143 экземпляра, бронзовых — 110 (прилож. II). Что касается второй половины III в., то отсутствие серебра вызвано тем, что в это время денарий полностью вытесняется антонинианом, превратившимся в медную монету. Антонинианы и составляют подавляющую массу монетных находок в Херсонесе от Галлиена до Проба. О том, что счет в Херсонесе, как и в других греческих городах этого времени велся на римские денарии, ставшие международной денежной единицей, говорят эпиграфические памятники II—III вв. (IPE, I², № 440—446, 448).

Золотые монеты, даже херсонесские, практически не имели большого значения в денежном хозяйстве города. Об этом можно судить и по незначительности выпуска своей золотой монеты и по чрезвычайной редкости находок римского золота.

В конце III в., когда прекратился выпуск собственной монеты, херсонесский денежный рынок заполняется боспорской медью. Хотя число римских монет в это время и возрастает по сравнению с предыдущим периодом, в количественном отношении они поначалу еще уступают позднебоспорским монетам. Но уже со времени Константина I и Лициния находки римских монет в Херсонесе исчисляются сотнями и превалируют над боспорскими. С прекращением боспорской чеканки римская монета становится полновластной хозяйкой на херсонесском денежном рынке. Общее количество римских монет IV в. (без монет рубежа III—IV вв.) достигает 2467 экземпляров, а вместе с монетами Гонория (395—423 гг.), Аркадия (395—408 гг.) и теми экземплярами, которые по фактуре могут быть отнесены к концу IV — началу V в., — 3273.

Римская медная монета в это время заполнила денежный рынок всех греческих городов, так как при Галлиене все они прекратили выпуск собственной монеты. Помимо общих для всех греческих городов причин, вызвавших появление в них большого количества римской меди, в Херсонесе были и свои особые. Во-первых, интенсивное развитие внутреннего рынка, потребности которого требовали большого количества разменной монеты. Во-вторых, в это время Херсонес становится важнейшим экономическим центром Северного Причерноморья и ведет обширную торговлю с окружающим населением, среди которого к этому времени в достаточной степени развились товарно-денежные отношения. Материалы из могильника на территории совхоза «Севастопольский № 10»¹⁵² свидетельствуют об интенсивной торговле населения Инкерманской долины в IV в. с Херсонесом. Несомненно, связи Херсонеса выходили за пределы юго-западного Крыма. Косвенным указанием на обширность торговых связей Херсонеса может служить то, что римляне при Феодосии учредили здесь должность комита, под контролем которого находилась

¹⁵² С. Ф. Стржеleckий. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине.— КСИА АН УССР, 8. К., 1959, стр. 139, 141; В. А. Анохин. Монетные находки в могильнике у совхоза № 10 Крымской области.— НЭ, III, 1962, стр. 130.

торговля Херсонеса с варварами (ИРЕ, I², № 450). Права торговли на тех же условиях подтверждены Гонорием и Аркадием¹⁵³. В-третьих, Херсонес по-прежнему находился в политической зависимости от Рима. В IV в. в городе еще стоит гарнизон римских солдат¹⁵⁴. Кроме того, огромное число постоянно находимых при раскопках Херсонеса римских монет IV — начала V в. можно объяснить тем, что они очень долго держались в обращении. Они постоянно встречаются в комплексах VI в. на городище, а также в кладах¹⁵⁵.

К сожалению, плохая сохранность большинства позднеимперских монет, а также отсутствие значительной их части¹⁵⁶ не позволяют установить для всех экземпляров место выпуска. Монетные дворы удалось определить для 398 экземпляров (прилож. III). Как и следовало ожидать, наибольшее число монет чеканено на монетных дворах восточной части империи. Больше всего монет константинопольской чеканки (123 экз.), затем следуют Никомедия (116 экз.), Кизик (48 экз.), Антиохия (46 экз.). Западные монетные дворы представлены единичными экземплярами, причем, как правило, это монеты более ранние.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использованные в работе монеты чеканены в 63 античных центрах (исключая города, где находились монетные дворы Римской империи). Надо полагать, что число городов, монеты которых найдены в Херсонесе, могло быть большим, если учесть, что около двухсот монет из-за утраты или плохой сохранности определить не удалось.

Необходимо отметить, что такого разнообразия и такого количества привозных монет, как в Херсонесе, не обнаружено ни в одном из городов Северного Причерноморья, в том числе и наиболее крупных из них — Ольвии и Пантикапее. На Боспоре вообще находки иногородних монет очень редки¹⁵⁷. Чаше и разнообразнее они в Ольвии¹⁵⁸ (особенно в первые века нашей эры), но и там их намного меньше, чем в Херсонесе.

¹⁵³ М. А. Ш а н г и н. Некоторые надписи Херсонесского музея. — ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 81—83.

¹⁵⁴ ИРЕ, I², № 449, 450; М. А. Ш а н г и н. Некоторые надписи Херсонесского музея, стр. 79, № 9.

¹⁵⁵ В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет на территории СССР. — САИ, Г4-4. М., 1961, стр. 65, № 621, 627.

¹⁵⁶ Они были переданы в свое время в Археологическую комиссию.

¹⁵⁷ Д. Б. Ш е л о в. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э. — НЭ, V, 1965.

¹⁵⁸ А. Н. З о г р а ф. Монеты из раскопок Ольвии в 1935—1936 гг. — В сб.: «Ольвия». К., 1940; П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Об обращении кизикинов в Ольвии. — НЭ, II; е г о ж е. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 8. Серебряная монета Гистиэи из ольвийских монетных находок. — ВДИ, 1961, № 4; е г о ж е. Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье. — СА, 1962, № 4; е г о ж е. Золоті монети Лісімаха, знайдені в Ольвії; е г о ж е. Находки монет Римской империи в Ольвии. — НиС, 2, 1965.

Это, по-видимому, надо объяснить тем, что Херсонес был важнейшим транзитным пунктом на торговых путях в центры Северного Причерноморья. В литературе уже отмечалось¹⁵⁹, что одной из причин основания города были торговые интересы Гераклеи. Роль Херсонеса как транзитного порта особенно возросла со времени освоения прямых путей (западного и южного) через Черное море, что, конечно, благоприятно отозвалось и на росте экономики самого Херсонеса. Даже в том случае, если Херсонес непосредственно не участвовал в торговле своими товарами со многими центрами, чьи корабли заходили в город, и не приобретал экспортируемые ими товары, он, подобно Византию, занимавшему примерно такое же положение на Южном Понте, мог предоставлять за плату свою гавань¹⁶⁰ и, возможно, взимал торговую пошлину.

Значение Херсонеса как торгового порта для IV в. до н. э. подкрепляется свидетельством Псевдо-Скилака, который называет его эмпорием¹⁶¹, а для III—II вв. до н. э. — выпуском амфорной тары с клеймом *Ἀθαναίων εἰσεμπόριον*¹⁶². (Отметим, что другого подобного прецедента в керамической эпиграфике пока не известно).

Роль Херсонеса как транзитного пункта сохранилась на протяжении всей античной эпохи, что способствовало оседанию в городе большого количества монет различных центров. Однако это не единственная причина, по которой в Херсонесе оказалось так много иногородней монеты. На разных этапах его истории возникали свои причины, обусловленные не только экономическими, но и политическими факторами.

Все найденные в Херсонесе иногородние монеты можно разделить на три основные хронологические группы.

Первая из них охватывает время с V по третью четверть II в. до н. э., т. е. период от основания города до войн Херсонеса со скифами. К этому периоду относятся 146 монет, чеканенных в 24 центрах. Подавляющую массу составляют монеты городов Северо-Западного и Северо-Восточного Причерноморья — Тирь, Ольвии, подчиненной Херсонесу Керкинитиды, Пантикапея, Феодосии и Фанагории (116 экз.). Остальные монеты в единичных экземплярах представляют города Западного Понта, Пропонтиды, островов Эгейского моря, Сирии, Северной Африки, а также республиканский Рим.

Следует отметить два обстоятельства. Первое: полное отсутствие монет Гераклеи, Синопы и Фасоса и крайне незначительное число монет Родоса — т. е. тех центров, торгующих с которыми, судя по мас-

¹⁵⁹ М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, стр. 156.

¹⁶⁰ В. П. Невская. Византий в классическую и эллинистическую эпоху. М., 1953, стр. 50.

¹⁶¹ Ps.-Scyl., 68.

¹⁶² Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 4, стр. 103, 112, № 4.

совым находкам керамической тары в Херсонесе, была наиболее интенсивной. Столь же незначительны находки монет городов, в которые Херсонес экспортировал свое вино. И вместе с тем имеются монеты целого ряда античных центров, с которыми связи Херсонеса никакими другими материалами не подтверждаются.

И второе: приток монет того или иного центра зачастую не совпал с периодом наиболее активных связей этого центра с Херсонесом, а наоборот, соответствовал времени отсутствия или спада их.

Следовательно, определить экономические связи автономного Херсонеса только на основании монет нельзя. О внешней торговле более полное и правильное представление дает весь комплекс импортных изделий, главным образом керамической тары — самого массового материала, постоянно находимого в городе. Не менее важное значение имеет сопоставление монетных систем и номиналов Херсонеса с монетными системами и номиналами городов, торговля с которыми в тот или иной период была особенно интенсивной. На протяжении почти всего периода независимости — от начала IV и до середины II в. до н. э. — Херсонес одновременно выпускает монеты по двум системам: хиосско-родосской и персидской. Первая получила распространение в Синопе, Амисе, на Родосе и Фасосе, а также с рубежа IV в. до н. э. в Византии и Калхедоне; вторая — в Гераклее Понтийской. Существование двух систем значительно облегчало расчеты при торговых сделках и создавало возможности для возникновения начальных форм безналичного расчета в кредитных операциях. Для этого времени общее количество иногородней медной монеты составляет едва ли 5% по отношению к собственной херсонесской. Это с очевидностью говорит о том, что обращение иногородней монеты в Херсонесе не допускалось, и она подлежала обмену на местную монету (ср. IPE, I², № 24).

Иногороднее серебро также не обращалось в Херсонесе в это время — об этом убедительно говорит чрезвычайная редкость серебряных монет из других центров (всего 4 экз.) и большое количество собственного серебра. Однако это не означает, что поступление его было незначительным. Вероятнее всего, оно использовалось для изготовления херсонесских серебряных монет, так как других возможностей получения серебра Херсонес не имел.

Вторая группа иногородних монет относится к митридатовскому времени и включает 332 монеты из 17 центров. Все эти центры, за исключением Фасоса и Рима, входили в состав Понтийского царства или были зависимы от него. Таким образом, в это время экономические связи Херсонеса были ограничены бассейном Черного моря — «внутреннего моря» Митридата — и не выходили за пределы территории, подвластной понтийскому царю.

Основную массу иногородних монет конца II — середины I в. до н. э. составляют монеты Понта и Пафлагонии (265 экз.). Понтийско-пафлагонская медь заполнила денежные рынки городов Север-

ного Причерноморья¹⁶³, и Херсонес не составляет в этом отношении исключения. Такое положение вызвано было не только экономическими причинами, но, главным образом, явилось результатом политической зависимости Ольвии, Херсонеса и Боспора от Митридата VI. Херсонес потерял свободу раньше других городов Северного Причерноморья. Помимо эпиграфического свидетельства (IPE, I², 352) и сообщения Страбона (VII, 4, 3)¹⁶⁴ это подтверждается большим, чем в других городах, количеством ранних групп понтийско-пафлагонских монет.

Потребности в привозной монете в это время еще не возникло, так как в конце II в. до н. э. денежный рынок Херсонеса был в достаточной степени заполнен собственной монетой. Ко времени скифских войн в городе еще обращались помимо монет II в. до н. э. серебряные и медные монеты IV—III вв. до н. э.¹⁶⁵ В 110—108 гг. до н. э. Херсонес приступил к выпуску новых типов серебряных монет (З. ХХХVI, 12—15), которые перечеканиваются из драхм, дидрахм и гемидрахм III—II вв. до н. э.¹⁶⁶ В это же время интенсивно выпускается медная монета.

Понтийская экспансия отразилась на херсонесской экономике гораздо сильнее, чем на ольвийской и боспорской. Потеряв, видимо, доходы, которые в предшествующий период ему давало положение транзитного пункта на черноморских путях, ограничив свою внешнюю торговлю пределами Черного моря, разоренный войнами, поставками хлеба и уплатой дани Митридату (Strabo, VII, 4, 6), город постепенно приходит в экономический упадок. Этим обстоятельством, а не только ограничением автономии Херсонеса вызвано почти полное прекращение выпуска собственной монеты в митридатовское (и последующее) время и заполнение денежного рынка города понтийско-пафлагонской медью в значительно большей степени, чем в Ольвии (137 экз.) и Боспоре (96 экз.). Собственная монета Херсонеса значительно уступала привозной почти до конца I в. до н. э.¹⁶⁷

---

¹⁶³ К. В. Г о л е н к о. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках, стр. 58 и сл.; П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Денежное обращение Ольвии в конце II и первой половине I в. до н. э., стр. 62 и сл.

¹⁶⁴ Страбон говорит, что Херсонес, «разоряемый варварами, вынужден был выбрать себе в покровители Митридата». Речь, конечно, идет о войнах Херсонеса со скифами, причем бедственное положение города в годы, непосредственно предшествовавшие походу Диофанта, хорошо подтверждается как декретом в честь понтийского полководца, так и археологическими материалами. Около середины II в. до н. э. город потерял ту часть хоры, которая была расположена в северо-западном Крыму. К прибытию Диофанта была уничтожена и ближайшая сельская округа Херсонеса (А. Н. Щ е г л о в. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.— КСИА, 103, 1965, стр. 145).

¹⁶⁵ А. К. Т а х т а й. Два клада херсонесских античных монет 1944 года. — Хсб., IV. Симферополь, 1948.

¹⁶⁶ А. Н. З о г р а ф. Античные монеты, стр. 151.

¹⁶⁷ Подробно об этом см.: К. В. Г о л е н к о. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э.— ВДИ, 1964, № 4.

Оскудение серебряных запасов города¹⁶⁸, которые перестали, как в предшествующий период, пополняться за счет привоза, а также ушли на выплату дани понтийскому царю, привело к тому, что выпуск собственной серебряной монеты носил эпизодический характер и был очень ограниченным¹⁶⁹. Потребности городского рынка удовлетворялись не только привозной медью, но и серебром, хотя поступление его было очень незначительным. Для этого периода нам известны лишь три серебряные иногородние монеты: драхма Горгииппии и две тетрадрахмы Фасоса и Византия (последняя конца III — начала II в. до н. э., но с надчеканкой митридатовского времени). Тетрадрахм Херсонес в это время уже не выпускал, но потребность в крупных номиналах, конечно, существовала.

Ко второй хронологической группе монет примыкает подгруппа из 126 монет Пантикапея и Фанагории второй половины I в. до н. э. Монет других центров в Херсонесе не найдено. Ограниченность круга иногородних монет этого периода — результат политической зависимости Херсонеса от Боспора — является показателем продолжавшегося экономического упадка города.

Третья группа — от начала I в. до начала V в. — самая большая и в количественном отношении (565 монет греческих городов и 3659 — Римской империи) и по числу представленных ею центров (37 греческих городов и Рим).

Начавшийся в конце I в. до н. э. интенсивный выпуск собственной монеты привел к тому, что из денежного обращения Херсонеса вытесняется боспорская медь. Она поступает сюда в гораздо меньшем количестве, чем в предшествующий период, но до середины I в. н. э. составляет главную массу иногородних монет. Со второй половины I в., т. е. с момента ввода римских войск в Херсонес, картина меняется. Теперь наряду с римской монетой (поступленче боспорской продолжалось, но уже в гораздо меньшем количестве) сюда все больше и больше начинают поступать монеты городов, которые входили в состав Римской империи или были подвластны ей. Преобладают монеты тех центров, где были ранее размещены или откуда набирались войска, отряды которых составляли римский гарнизон в Херсонесе, а также городов, стоявших на военно-административном и торговом пути, проходившем через Херсонес и соединявшем провинции Подунавья с Малой Азией. Уже с середины I в. появляются монеты Ольвии и Том, Амастрии и Синопы.

Во II в. преобладают монеты Малой Азии. С одной стороны, это было вызвано оживлением торговли между Херсонесом и малоазийскими центрами, а с другой — тем, что со времени военной реформы

---

¹⁶⁸ Какая-то часть серебра ушла, по-видимому, в клады. О самом большом из них сообщает А. Л. Бертье-Делагард («Несколько новых и малоизвестных монет Херсонеса», стр. 253). Большой клад этих монет найден в Севастополе в 1956 г.

¹⁶⁹ К. В. Г о л е н к о. Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия. — Сообщения ГМИИ, II, 1964.

Адриана в римские войска стали набираться уроженцы провинций, в том числе и Малой Азии ¹⁷⁰.

В III в. в римском гарнизоне Херсонеса наряду с малоазийскими уроженцами появляется большое количество жителей Подунавья и Балкан. И, как видим, это отражается на монетных поступлениях, среди которых монеты Западного Понта преобладают над малоазийскими, хотя число последних увеличивается по сравнению со II в.

С конца III в., когда Херсонес, как и другие греческие города, прекратил собственную чеканку, денежный рынок его вновь заполняется боспорской монетой, а затем, с IV в., ее сменяет римская.

В I в. римских монет меньше, чем греческих, но это объясняется большим притоком боспорских монет первой половины I в. Во второй половине I в. римские и греческие монеты поступают почти в равных количествах. Со II в. количество римских монет возрастает и превышает число греческих ¹⁷¹. Лишь на рубеже III—IV вв. боспорских монет больше, чем римских. Но в течение всего периода с начала I в. и до прекращения херсонесской чеканки в конце III в. общее число иногородних монет не превышает количества собственно херсонесских.

Как уже было сказано, в денежном обращении Херсонеса в это время участвует римская монета, главным образом римское серебро, о чем свидетельствуют данные нумизматики и эпиграфики.

Иначе, видимо, обстояло дело с монетами греческих городов — как медными, так и серебряными. Уверенно можно говорить лишь об обращении в конце III — начале IV в. боспорских монет и возможном их обращении в предшествующее время. Что касается всех остальных монет, то они, вероятно, не участвовали в денежном обращении. Доказательством этому может служить то, что из 119 монет греческих городов I—III вв. (кроме боспорских) 66, т. е. больше половины (в том числе 4 из 7 серебряных), найдено в некрополе (прилож. IV и V). Из 88 боспорских монет этого же времени лишь четвертая часть оказалась в некрополе — 22 экземпляра. Еще меньшая часть из них попала в погребения в конце III и начале IV в. Из 359 экземпляров 13 найдено в некрополе.

Вряд ли это может быть случайным. Даже херсонесские монеты попадали в могилы чаще всего тогда, когда они уже выходили из обращения ¹⁷². Так же поступали и с иногородней монетой, не имев-

---

¹⁷⁰ Оживление связей с Малой Азией в это время наблюдается и в Ольвии. П. О. Карышковский в сводке иногородних монет из Ольвии называет Тий времени Марка Аврелия, Александрию-Трою, Никею и Ассос (ошибочно указывая время Марка Аврелия. Медальон выпущен при Коммодe). Но в I и II вв. в Ольвии преобладают монеты Западного Понта, а в Херсонесе — городов Малой Азии (П. О. Карышковский. Находки монет Римской империи в Ольвии).

¹⁷¹ Аналогичное явление наблюдается в Ольвии. См. П. О. Карышковский и й. Находки монет Римской империи в Ольвии, стр. 62, табл. 2.

¹⁷² На подобные случаи в Ольвии обращает внимание Карышковский (П. О. Карышковский и й. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма. — МАСП, в. 4, 1962, стр. 95).

шей покупательной стоимости, причем последняя обычно попадала в могилы уроженцев тех городов, где ее чеканили. На это в ряде случаев указывает и другой материал из погребений, в которых найдены иногородние монеты.

Прекращение выпуска собственной монеты в конце III в. не означало экономического упадка Херсонеса и натурализации его хозяйства. Наоборот, усиленный приток боспорской монеты, а затем сменившей ее римской говорит о большой потребности в деньгах, вызванной дальнейшим развитием товарно-денежных отношений.

СПИСОК МОНЕТ ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ,
НАЙДЕННЫХ В ХЕРСОНЕСЕ

№ п. п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
1. Тира — 6 экз.				
1	2-я половина IV — конец III в. до н. э.	MT II, 1	1	утр. 1 (р. 1897 г.)
		MT II, 6	1	ГХМ 1 (№ 4542)
2	II в. до н. э. — середина I в. до н. э.	MT III, 11 (?)	1	утр. 1 (р. 1903 г.)
3	Юлия Домна (ум. в 217 г.)	MT IX, 9	1	ГХМ 1 (№ 8788)
4	Александр Север (222—235 гг.)	MT X, 2	1	ГЭ 1 (МИА, 34, стр. 272, № 32)
		MT X, 6	1	ГХМ 1 (№ 4700)
2. Ольвия — 48 экз.				
1	Рубеж 1-й и 2-й четвертей V в. до н. э.	Б. I, 1	1	утр. 1 (р. 1898 г.)
2	1-я половина IV в. до н. э.	З. XXXI, 3	1	утр. 1 (р. 1900 г.)
3	Середина IV в. до н. э.	З. XXXI, 5	3	ГХМ 2 (№ 7745, 7845)
		З. XXXII, 9		ГЭ 1 (№ 231)
4	Конец IV в. до н. э.	Р. IX, 4	4	ГХМ 3 (№ 3402, 4544/2)
		Б. VII, 140		утр. 1 (р. 1903 г.)
5	Рубеж IV в. до н. э.	Б. IX, 215, 220	4	ГХМ 2 (№ 33, 5782)
		З. XXXII, 16		ГЭ 2 (экспоз. АО № 66, 832)
		Р. IX, 13		
6	Начало III в. до н. э.	З. XXXII, 18	2	ГХМ 2 (№ 278, 576)
		Р. IX, 26		
7	Начало 2-й четверти III в. до н. э.	Б. IX, 214—223	4	ГХМ 3 (№ 244, 6728-а, 8638)
		З. XXXII, 14—22		утр. 1 (р. 1900 г.)
8	Середина III в. до н. э.	Б. IX, 214—223	2	ГХМ 2 (№ 4543/2)
9	III в. до н. э.		1	утр. 1 (р. 1904 г.)
10	Рубеж III—II вв. до н. э.	Б. IV, 64—65; V, 67	3	ГХМ 2 (№ 5972, 7846)
		З. XXXIII, 2		утр. 1 (р. 1905 г.)
11	175—150 гг. до н. э.	З. XXXIII, 7	1	ГХМ 1 (№ 8511)
12	120—110 гг. до н. э.	З. XXXIII, 11	1	ГХМ 1 (№ 9011)
13	Конец II в. до н. э.	З. XXXIII, 19	1	ГЭ 1 (№ 934)
		Р. X, 5		
14	Рубеж II—I вв. до н. э.	Б. VI, 105	1	ГЭ 1 (№ 583)
15	Середина I в.	Б. VII, 162	2	ГХМ 2 (№ 4088, 4480)
		З. XXXIV, 6		
		Р. XI, 4	1	ГХМ 1 (№ 3901)
		Р. XI, 5		ГЭ 2 (№ 935, 40/1953 г.)
		З. XXXIV, 7	2	
16	Конец I в.	Б. VII, 164, 165	3	ГХМ 2 (№ 6729, 8922)
		Р. XI, 13—14		утр. 1 (р. 1908 г.)
		З. XXXII, 16—17		
17	1-я половина II в.	Б. VII, 170; VIII, 171, 172	2	ГХМ 2 (№ 2261, 4455)

¹ Принятые сокращения: утр. — монета утрачена, р. — раскопки, * — монета серебряная, пл. — монета плакированная.

№ п.п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
18	2-я половина II в.	Б. VIII, 175, 181, 182	2	ГХМ 1 (№ 242) утр. 1 (р. 1904 г.)
19	Каракалла (211—217 гг.)	Б. VIII, 189	1	ГЭ 1 (№ 518)
20	Александр Север (222—235 гг.)	Б. VIII, 193	1	ГХМ 1 (№ 7886)
21	Неопределенные	З. XXXIV, 19	5	утр. 1* (р. 1908 г.) утр. 4 (р. 1890—1891 гг.)
3. Керкинитида — 30 экз.				
1	Середина III в. до н. э.	З. XXXVIII, 17—18 Б. XIII, 2—8	29	ГХМ 9 (№ 1306, 4407, 5838, 5973, 8916, 8919) ГЭ 11 (№ 916, 928, 936— 940, 3—4/1952 г., 36/1953 г.) утр. 9 (р. 1899, 1904, 1905, 1906 гг.)
2	Середина III в. до н. э.	З. XXXVIII, 20 Б. XIII, 9—10	1	ГХМ 1 (№ 5985)
4. Боспорское царство				
а) Пантикапей (городская чеканка) — 199 экз.				
1	400—375 гг. до н. э.	МДБ III, 37	1	утр. 1 (р. 1905 г.)
2	1-я половина IV в. до н. э.		1	ГЭ 1 (№ 702)
3	340—330 гг. до н. э.	МДБ IV, 51	1	ГЭ 1 (№ 942)
4	330—315 гг. до н. э.	МДБ V, 55	3	ГХМ 2 (№ 4346, 4557) ГЭ 1 (№ 37/1953 г.)
		МДБ V, 57	12	ГХМ 7 (№ 246, 1332, 4569/2, 4570/2, 5691) ГЭ 2 (№ 988, 232/1957 г.) утр. 3 (р. 1892, 1903, 1904 гг.)
5	315—300 гг. до н. э.	МДБ V, 61	10	ГХМ 5 (№ 4270, 4552, 4571/3) ГЭ 2 (экспоз. АО № 69, 70) утр. 3 (р. 1896, 1903 гг.)
6	Начало III в. до н. э.	МДБ V, 62	4	ГХМ 4 (№ 8303, 8304, 8305, 8329)
7	1-я половина III в. до н. э.	МДБ V, 63 МДБ VI, 66	1 10	утр. 1 (р. 1906 г.) ГХМ 8 (№ 4550, 4551/2, 4574, 4575/2, 4906, 6730) ГЭ 1 (№ 703)
8	Середина III в. до н. э.	МДБ VI, 69	4	утр. 1 (Паллас, II, табл. 5) ГХМ 2 (№ 4648, 8330) ГЭ 2 (№ 471, 703)
9	III в. до н. э.		1	ГЭ 1 (№ 53/1959 г.)
10	2-я четверть II в. до н. э.	МДБ VIII, 94	3	ГХМ 1 (№ 1763) ГЭ 1 (№ 613) утр. 1 (р. 1904 г.)

№ п.п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
11	1-я половина и середина II в. до н. э.	МДБ VIII, 95	1	ГХМ 1 (№ 6248)
12	II в. до н. э.	Б. XX, 68	1	утр. 1 (р. 1902 г.)
13	Последняя четверть II в. до н. э.	МДБ VIII, 100	11	ГХМ 9 (№ 1878, 3607, 4577, 4683, 4697, 4799, 5964, 7844, 8479) ГЭ 1 (№ 553) утр. 1 (р. 1901 г.) утр. 2 (р. 1902, 1904 гг.)
14	Около 110 г. до н. э.	МДБ VIII, 101	2	ГХМ 2 (№ 3256, 4576)
15	100—75 гг. до н. э.	3. XLIII, 15 3. XLIII, 18	1 4	утр. 1 (р. 1888—1889 гг.) ГХМ 2 (№ 876, 1290) утр. 2 (р. 1903 г.)
16	79—66 гг. до н. э.	3. XLIII, 22—23	4	ГХМ 4 (№ 799, 1749, 1853, 4698)
17	63—47 гг. до н. э.	Б. XXI, 138	5	ГЭ 5 (№ 945—949)
18	47—45 гг. до н. э.	3. XLIV, 7, 8	9	ГХМ 7 (№ 4234, 4555/4 4578, 6959) ГЭ 2 (№ 60, 61/1961 г.)
19	44—30 гг. до н. э.	3. XLIV, 9	32	ГХМ 20 (№ 4559/11, 4572/2, 4573, 6733, 8264, 8287, 8288, 8626) ГЭ 5 (№ 394, 575, 705, 742, 233/1957 г.) утр. 7 (р. 1900, 1903, 1906 гг.)
		3. XLIV, 10	14	ГХМ 8 (№ 238, 2326, 4553, 4554, 5975, 8297, 8829, 8480) ГЭ 2 (№ 942, 38/1953 г.) утр. 4 (р. 1901, 1906 гг.)
		3. XLIV, 11	6	ГХМ 4 (№ 4235, 4556, 4579 5976) ГЭ 1 (№ 944) утр. 1 (р. 1897 г.)
20	30—18 гг. до н. э.	Б. XXII, 181	3	ГХМ 3 (№ 4558/2, 4800)
21	14—8 гг. до н. э.	3. XLV, 12, 13	34	ГХМ 15 (№ 829, 1030, 2264, 2331, 3409, 3442, 4482, 4549/3, 4651, 4835/2, 5742, 6002) ГЭ 5 (№ 506, 542, 547, 587, 706) утр. 14 (р. 1890, 1891, 1894, 1895, 1897, 1898, 1899, 1904, 1905, 1906 гг.)
		3. XLV, 12—14	6	ГХМ 4 (№ 859, 3131, 39/2) ГЭ 2 (№ 847, 31/1959 г.)
22	Неопределенные		13	утр. 13 (р. 1890, 1891, 1900, 1903, 1904 гг.)
б) Царская чеканка — 448 экз.				
1	Конец I в. до н. э. — I в. н. э.	Б. XXXIV, 22	1	утр. 1 (р. 1905 г.)

№ п. п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
2	Аспург — Рискупорид I (33—37 гг.)	Б. XXVI, 87 З. XLV, 17	2	ГХМ 1 (№ 3140) ГЭ 1 (№ 952)
3 ^a	Митридат III (39—45 гг.)	Б. XXVI, 90—91 З. XLVI, 6	2	ГХМ 2 (№ 5133, 6003)
3 ^b	Гипепирия	Б. XXVI, 94 З. XLVI, 7	2	ГХМ 1 (№ 2232) утр. 1 (р. 1894 г.)
4	Котис I (45—62 гг.)	Б. XXVII, 105	2	ГХМ 1 (№ 5832) утр. 1 (р. 1900 г.)
		Б. XXVII, 108— 111 З. XLVI, 9, 10	7	ГХМ 4 (№ 4045, 4244, 4484, 8006) ГЭ 1 (№ 483) утр. 2 (р. 1899 г.)
		З. XLVI, 12	1	ГХМ 1 (№ 6228)
		ВМС, Pontus, XI, 14	1	ГХМ 1 (№ 6004)
5	Рискупорид II (68—93 гг.)	Б. XXVIII, 23	1	утр. 1 (р. 1899 г.)
6	Савромат I (93—123 гг.)	Б. XXVIII, 152 Б. XXVIII, 165 З. XLVII, 14	2	ГХМ 2 (№ 6227, 8666)
		Изд. не указано	1	ГЭ 1 (№ 554)
		Б. XXIX, 173	1	ГХМ 1 (№ 8027)
7	Котис II (123—132 гг.)	Б. XXIX, 178	1	утр. 1 (р. 1890 г.)
		Б. XXIX, 178	1	ГЭ 1 (№ 593)
		З. XLVII, 16	2	ГХМ 1 (№ 4443) утр. (р. 1900 г.)
		З. XLVII, 17	1	ГЭ 1 (№ 234/1957 г.)
8	Римиталк (131—153 гг.)	Б. XXIX, 186 Б. XXIX, 189	1	утр. 1 (Паллас, II, табл. 5)
		Б. XXX, 222	1	утр. 1 (р. 1905 г.)
9	Савромат II (174—210 гг.)	Б. XXX, 225 Б. XXXI, 244 Б. XXX, 220 сл.	1	ГХМ 1 (№ 277)
		Изд. не указано	1	ГЭ 1 (№ 953)
		ВМС, Pontus, XIII, XIV	2	утр. 2 (р. 1905 г.)
10	II в.	З. XLIX, 10	1	утр. 1 (р. 1906 г.)
		З. XLIX, 11	4	утр. 4 (р. 1894, 1903 гг.)
		Б. XXXI, 272 сл.	1	утр. 1 (р. 1905 г.)
		Изд. не указано	1	ГХМ 1 (№ 6220)
11	Рискупорид III (210— 226 гг.)	З. XLIX, 10	1	ГХМ 1 (№ 4027)
		З. XLIX, 11	2	ГХМ 2 (№ 4935, 8853)
		Б. XXXI, 272 сл.	2	утр. 2 (р. 1900, 1903 гг.)
		Изд. не указано	3	утр. 3 (р. 1904 г.)
12	Котис III (227—233 гг.)	З. XLIX, 14	1	ГЭ 1 (№ 520)
13	Рискупорид IV (233— 234 гг.)	Б. XXXII, 306	1	ГХМ 1 (№ 2316)
14	Ининфимей (234—239 гг.)	З. XLIX, 17 З. XLIX, 18	1	ГХМ 1 (№ 4405)
		Изд. не указано	4	ГХМ 2 (№ 6447, 8903) ГЭ 2 (№ 466, 707)
		Изд. не указано	3	ГХМ 2 (№ 2756, 2771) утр. 1 (р. 1891 г.)
15	Рискупорид V (240— 253 гг.)	Б. XXXII, 306— 308 З. L, 7 З. L, 11—13	1	ГХМ 1 (№ 2138)
		З. L, 11—13	7	ГХМ 2 (№ 4247, 4936) ГИМ 3 (№ 24076/3)*

* Инвентарный номер Херсонесского музея.

№ п.п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
16	Тейран (276 г.)	Кене, МК, табл. XX, 115	1	утр. 2 (р. 1901, 1903 гг.) ГХМ 1 (№ 2342)
17	Фофорс	Г. табл. I, 2	1	утр. 1 (р. 1905 г.)
	583 г. б. э./286 г. н. э.	Г. № 4—7	1	ГХМ 1 (№ 4874)
	588 г. б. э./291 г. н. э.	Г. № 20—22	1	ГХМ 1 (№ 5466)
	590 г. б. э./293 г. н. э.		1	ГЭ 1 (№ 954)
	591 г. б. э./294 г. н. э.	Г. № 25—28	4	ГХМ 3 (№ 1303, 4005, 5547) ГЭ 1 (№ 460)
	592 г. б. э./295 г. н. э.	Г. № 30—35	5	ГХМ 3 (№ 984, 1026, 5031) ГЭ 2 (№ 284, 485)
	594 г. б. э./297 г. н. э.	Г. № 48—50	2	ГХМ 2 (№ 425, 4932)
	596 г. б. э./299 г. н. э.	Г. № 84—96	4	ГХМ 2 (№ 34936, 7758) утр. 2 (р. 1888—1889 гг., 1897 г.)
	597 г. б. э./300 г. н. э.		2	ГХМ 1 (№ 5875) ГЭ 1 (№ 1001)
	599 г. б. э./302 г. н. э.		3	ГХМ 2 (№ 4250, 8290) ГИМ 1 (№ 24074) *
	Год не читается		18	ГХМ 11 (№ 407, 948, 985, 1066, 2045, 3493, 4925, 4934, 5876, 8289, 8331) ГЭ 1 (№ 20/1959 г.) ГИМ 2 (№ 24071, 24075) * утр. 4 (р. 1900, 1903—1905 гг.)
18	Радамсад		1	утр. 1 (р. 1901 г.)
	609 г. б. э./312 г. н. э.		3	ГХМ 2 (№ 4834, 5873) утр. 1 (р. 1905 г.)
	611 г. б. э./314 г. н. э.		1	ГИМ 1 (№ 24073) *
	613 г. б. э./316 г. н. э.		3	ГХМ 2 (№ 1299, 3408) ГЭ 1 (№ 960)
19	Рискупорид VI	3. L, 23	1	ГЭ 1 (№ 866)
	608 г. б. э./311 г. н. э.		1	ГЭ 1 (№ 956)
	610 г. б. э./313 г. н. э.		2	ГХМ 2 (№ 2466, 8333)
	616 г. б. э./319 г. н. э.	Г. рис. 2, № 5	1	ГХМ 1 (№ 3139)
	617 г. б. э./320 г. н. э.		1	ГХМ 1 (№ 2804)
	617—618 гг. б. э./320—321 гг. н. э.		3	ГХМ 3 (№ 1771, 3493а, 5093)
	618 г. б. э./321 г. н. э.		1	ГХМ 1 (№ 4444)
	618—620 гг. б. э./321—323 гг. н. э.		19	ГХМ 13 (№ 1736, 1800, 2049, 2341, 3041, 3199, 3503, 4933, 5134, 5874, 6319, 8505, 8575) ГЭ 3 (№ 957—959) утр. 3 (р. 1901, 1903 гг.)

* Инвентарные номера Херсонесского музея.

№ п.п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
20	621 г. б. э./324 г. н. э.		10	ГХМ 8 (№ 585, 954, 957, 1330, 3355, 4324, 6751, 8028)
	621—622 гг. б. э./324—325 гг. н. э.		1	ГИМ 2 (№ 24070, 24072) * ГХМ 1 (№ 2417)
	622 г. б. э./325 г. н. э.		8	ГХМ 5 (№ 611, 3084, 3937, 4259, 7849) ГЭ 2 (№ 396, 955)
	622—623 гг. б. э./325—326 гг. н. э.		2	утр. 1 (Паллас, II, табл. 5) ГХМ 2 (№ 3493в, 6318)
	623 г. б. э./326 г. н. э.		4	ГХМ 3 (№ 2980, 3493 г, 4312а)
	624 г. б. э./327 г. н. э.		3	ГЭ 1 (№ 284) ГХМ 3 (№ 3437, 4914, 6750)
	Год стерт		35	ГХМ 17 (№ 655, 1038, 1457, 2784, 3356, 3369, 3493д, 4312б, 4433, 5302, 5688а, 6320, 6748, 6749, 8332, 8591, 8789)
				ГЭ 8 (№ 284, 708—711, 39/1953 г., 15/1955 г., 79/1961 г.)
				ГИМ 4 (№ 24068, 24069, 24075) * утр. 6 (р. 1888—1889, 1891, 1897, 1904 гг.)
	Конец III — начало IV в.			ГХМ 9 (№ 1453, 2232, 4275, 8331, 8381, 8501, 8536, 8993, 8994) ГЭ 11 (№ 489, 712, 713, 961, 962, 38—39/1948 г., 235—36/1957 г., 167, 171/1959 г.) ГИМ 10 (№ 24075) * утр. 208 (р. 1891, 1893—1897, 1899—1906 гг.)

5. Феодосия — 2 экз.

1	Середина IV в. до н. э.	МДБ, IX, 109	1	ГХМ 1 (№ 4540)
2	3-я четверть III в. до н. э.	МДБ, IX, 110	1	ГЭ 1 (№ 941)

6. Фанагория — 26 экз.

1	II в. до н. э.	3. XLII, 13	3	ГХМ 2 (№ 4546, 4547) утр. 1 (р. 1899 г.)
2	Конец II — начало I в. до н. э.	3. XLIII, 3	4	ГХМ 3 (№ 245/2, 8512) утр. 1 (р. 1904 г.)

* Инвентарные номера Херсонесского музея.

№ п. п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
3	100—75 гг. до н. э.	З. XLIII, 10	1	утр. 1 (р. 1901 г.)
		З. XLIII, 16	1	ГЭ 1 (КП 583 № 124)
4	47—30 гг. до н. э.	З. XLIV, 13	1	ГХМ 1 (№ 4699)
5	14—8 гг. до н. э.	Б. XIII, 17	16	ГХМ 9 (№ 2993, 3422, 3443, 4230, 4483, 4548, 4650) ГЭ 2 (КП 44а/485, 950) утр. 5 (р. 1899, 1900, 1901, 1905 гг.)
7. Горгиппия — 3 экз.				
1	100—75 гг. до н. э.	З. XLIII, 11	1*	ГХМ 1* (№ 6253)
		З. XLIII, 17	2	ГХМ 1 (№ 4653) ГЭ 1 (№ 583/124)
8. Диоскуриада — 25 экз.				
1	100 г. до н. э.	ВМС, Pontus, I, II	25	ГХМ 15 (№ 1747, 1864, 2332, 3523, 4541/3, 4647, 4688, 4753/2, 5367, 5997, 8216, 8975) ГЭ 3 (№ 546, 991, 41/1948 г.) утр. 7 (р. 1899, 1903, 1904, 1906 гг.)
9. Трапезунт (?) — 1 экз.				
1	?		1	утр. 1 (№ 509/1914 г.)
10. Фарнакия — 4 экз.				
1	80—70 гг. до н. э.	ВМС, Pontus, VII, 2	4	ГХМ 2 (№ 4750, 5819) ГЭ 2 (№ 707, 905)
11. Амис — 192 экз.				
1	120—111 гг. до н. э.	В. — R., VII, 28	4	ГХМ 2 (№ 742, 4258) ГЭ 2 (№ 473, 905)
2	111—105 гг. до н. э.	В. — R., VII, 20, ВМС, Pontus, III, 5	31	ГХМ 25 (№ 1397, 1398, 1400, 1788, 2531, 2624, 4329, 4535, 4560, 4566, 4567, 4580, 5212, 5998, 7875, 8268, 8588) ГЭ 6 (№ 392, 486, 845, 725, 905, 237/1957 г.)
3	111—90 гг. до н. э.	В. — R., VII, № 24	18	ГХМ 18 (№ 281, 1320, 1485, 1915, 2139, 2298, 4535, 4567, 5999, 6252, 6735, 7878, 8483)
4	105—90 гг. до н. э.	ВМС, Pontus, III, 6	7	ГХМ 5 (№ 420, 4532, 4564, 4565, 4567) ГЭ 2 (№ 496, 716)
		В. — R., VIII, 4 ВМС, Pontus, IV, 2	18	ГХМ 14 (№ 1058, 2306, 4536, 4582, 4589, 4842, 6736) ГЭ 4 (№ 393, 905, 930)

№ п.п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
5	90—80 гг. до н. э.	ВМС, Pontus, III, 7—9	4	ГХМ 3 (№ 4568, 4652, 8328) ГЭ 1 (№ 541)
6	80—70 гг. до н. э.	В. — R., VII, 25 ВМС, Pontus, III, 12, стр. 18, № 60—62	19	ГХМ 15 (№ 965, 3740, 4017, 4534, 4563, 6000, 8506) ГЭ 3 (№ 714, 715, 725) утр. 1 (р. 1907 г.)
7	Время Митридата Евпатора		86	утр. 86 (р. 1888—1907 гг.)
8	Полемон II (56 г.)		1*	утр. 1* (р. 1908 г.)
9	Адриан (117—138 гг.)	ВМС, Pontus, IV, 1 В. — R., 62, № 82	3	ГХМ 1* (№ 4759) ГЭ 1* (№ 27) утр. 1 (р. 1907 г.)
10	Каракалла (211—217 гг.)	В. — R., стр. 67, № 116	1	ГЭ 1 (№ 39)
12. Неокесаря — 2 экз.				
1	Гордиан III (242 г.)	В. — R., стр. 93, № 56	1	ГЭ 1 (№ 148)
2	Требониан Галл и Волусиан (251—253 гг.)	В. — R., стр. 94, № 63	1	ГЭ 1 (№ 43/1957 г.)
13. Лаодикея — 1 экз.				
1	80—70 гг. до н. э.		1	ГХМ 1 (№ 3303)
14. Амасия — 2 экз.				
1	120—111 гг. до н. э.	ВМС, Pontus, I, 13	2	ГХМ 2 (№ 1785, 2330)
15. Газиура — 1 экз.				
1	111—105 гг. до н. э.	В. — R., стр. 83, № 6	1	ГЭ 1 (№ 717)
16. Севастополь — Гераклеополь — 1 экз.				
1	Галлиен (253—268 гг.)	В. — R., стр. 105, № 22—24	1	ГЭ 1 (о. с.)
17. Синопа — 66 экз.				
1	До 111 г. до н. э.	В. — R., XXVI, 20, стр. 196, № 71, 72 ВМС, Pontus, XXIII, 5	4	ГХМ 2 (№ 1870, 4248) ГЭ 2 (№ 445, 534)
2	111—105 гг. до н. э.	В. — R., XXVI, 16	9	ГХМ 7 (№ 2137, 3220, 3423, 4481, 4560, 4580) ГЭ 2 (№ 470, 719)
3	111—90 гг. до н. э.	ВМС, Pontus, XXIII, 4	10	ГХМ 10 (№ 1033, 3741, 3741a, 4532, 4533, 4535, 4560, 4580)
4	105—90 гг. до н. э.	ВМС, Pontus, XXIII, 3	1	ГХМ 1 (№ 4649)

№ п.п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
5	80—70 гг. до н. э.	ВМС, Pontus, XXIII, 1—2	12	ГХМ 9 (№ 4539, 4561, 4562, 4581, 6251, 8484)
6	Время Митридата Евпатора		26	ГЭ 3 (№ 573, 725)
7	30 г. до н. э. — 46 г. н. э.		1	ГЭ 1 (№ 50/1961 г.)
8	Калигула (37—41 гг.)	ВМС, Pontus, XXIII, 7	1	ГХМ 1 (№ 4764)
9	Домициан (81—96 гг.)		1	ГХМ 1 (№ 4249)
10	Галлиен (260/261 гг.)	В. — R., XXVIII, 28	1	ГЭ 1 (№ 41/1953 г.)
			1	ГЭ 1 (№ 456)
18. Ионополис — 4 экз.				
1	Антонин Пий (138—161 гг.)	ВМС, Pontus, стр. 83, № 1	2	ГХМ 2 (№ 2266, 4685)
2	Гета (211—212 гг.)	ВМС, Pontus, стр. 83, № 2	1	ГХМ 1 (№ 274)
3	Александр Север (?) (222—235 гг.)		1	ГХМ 1 (№ 70)
19. Амастрия — 14 экз.				
1	111—105 гг. до н. э.		1	ГХМ 1 (№ 4758)
2	105—90 гг. до н. э.		2	ГХМ 1 (№ 4560)
				ГЭ 1 (№ 725)
3	80—70 гг. до н. э.	ВМС, Pontus, XIX, № 80—70	1	ГХМ 1 (№ 4678)
4	I в. н. э.	В. — R., стр. 38, № 24—26	3	ГХМ 3 (№ 3699, 4907, 5795)
5	II в. н. э.	В. — R., стр. 138, № 27—28	2	ГХМ 2 (№ 4537, 4975)
		ВМС, Pontus, XX, 4 (?)		
6	Каракалла (211—217 гг.)	В. — R., 154, № 159	1	ГЭ 1 (№ 718)
7	Императорское время		4	утр. 4 (р. 1890, 1901, 1903 гг.) из них 1*
Понт или Пафлагония — 4 экз.				
1	111—105 гг. до н. э.		3	ГХМ 1 (№ 6334)
2	105—90 гг. до н. э.		1	ГЭ 2 (№ 780, 9/1952 г.)
				ГЭ 1 (№ 10/1955 г.)
20. Тий — 3 экз.				
1	Антонин Пий (138—161 гг.)	В. — R., CVIII, 3	1	ГЭ 1 (№ 516)
2	Марк Аврелий (161—180 гг.)	В. — R., CVIII, 26	1	ГЭ 1 (№ 933)
3	Каракалла	В. — R., CIX, 17	1	утр. 1 (р. 1899 г.)
21. Апамея — 1 экз.				
1	Коммод (180—192 гг.)	В. — R., XXXIX, 3	1	ГХМ 1 (№ 6745)

№ п.п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
22. Гераклея Понтийская — 7 экз.				
1	I — III вв.	В. — R., стр. 357, № 72a	1	ГЭ 1 (№ 56 о. с.)
2	Сабина (ум. в 138 г.)		1	ГХМ 1 (№ 2271)
3	Юлия Домна (ум. в 217 г.)		1	ГХМ 1 (№ 4538)
4	Александр Север (222—235 гг.)	В. — R., стр. 373, № 186	1	ГЭ 1 (№ 741)
5	Гордиан III (238—244 гг.)	ВМС, Pontus, XXXI, 2	2	ГХМ 2 (№ 273, 5855)
6	III в. н. э.		1	ГХМ 1 (№ 4695)
23. Никомедия — 2 экз.				
1	Каракалла (211—217 гг.)	В. — R., стр. 543, № 214	1	ГЭ ?) 1 (р. 1892 г.)
2	Галлиен (253—268 гг.)	В. — R., стр. 572, № 414	1	ГЭ 1 (№ 104a)
24. Никея — 7 экз.				
1	II в. н. э.		1	ГХМ 1 (№ 4008)
2	Элагабал (218—222 гг.)	ВМС, Pontus, стр. 167, № 93	1	ГХМ 1 (№ 4446)
3	Александр Север (222—235 гг.)	В. — R., XXXIII, 9	1	ГЭ 1 (№ 985)
4	Гордиан III (238—244 гг.)	ВМС, Pontus, XXXIII, 15	1	ГХМ 1 (№ 2183)
5	Требониан Галл (251—253 гг.)	(?)	1	ГХМ 1 (№ 2272)
6	III в. н. э.	ср. В. — R., 548, 578, 601	2	ГЭ 2 (№ 42/1948 г., 7/1959 г.)
25. Кий — 1 экз.				
1	203 г. до н. э.	ВМС, Pontus, XXVIII, 17	1	ГХМ 1 (№ 4276)
26. Кизик (Мизия) — 1 экз.				
1	II в. до н. э.	ВМС, Mysia, XXXIX, 159	1	ГЭ 1 (№ 238/1959 г.)
27. Александрия — Троя — 1 экз.				
1	I — III вв.	ВМС, Mysia, IV, 10—12	1	ГХМ 1 (№ 4763)
28. Эфес — 1 экз.				
1	I — III вв.		1	ГХМ 1 (№ 2047)
29. Сиде — 1 экз.				
1	Каракалла (211—217 гг.)	ВМС, Pamphilia, стр. 154, № 84	1	ГХМ 1 (№ 2268)

№ п.п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
30. Сала — 1 экз.				
1	I—III вв.		1	ГХМ I (№ 4826)
31. Кесаря — 5 экз.				
1	Адриан	Syd., стр. 76, № 258	1 *	ГЭ 1 * (№ 720)
2	Гета (211—212 гг.)	Syd., стр. 114, № 498	1 *	ГЭ 1 * (№ 743)
3	Александр Север (227 г.)	Syd., стр. 128, № 595	1	ГЭ 1 (№ 877)
4	Александр Север (228 г.)		1	ГЭ 1 (№ 876)
5	III в. н. э.		1	ГХМ I (№ 4448)
32. Антиохия — 3 экз.				
1	Александр Бала (150— 145 гг. до н. э.)	Вав. Rois..., табл. XVII, 16	1	ГЭ 1 (№ 504)
2	I в. н. э.		1	ГЭ 1 (№ 1/1959 г.)
3	Императорское время		1	ГХМ I (№ 4761)
33. Селевкия — 1 экз.				
1	Адриан (117—138 гг.)		1	ГХМ I (№ 4760)
34. Анкира (?) — 1 экз.				
1	Императорское время		1	ГЭ 1 (№ 985)
35. Византий — 7 экз.				
1	III в. до н. э.	Berl. Samml., т. I, стр. 147, № 50	1	ГИМ I (№ 24079) *
2	II — I вв. до н. э.		1 *	ГХМ 1 * (№ 5789)
3	III в. н. э.	BMC, The Tauric Chersonese, стр. 96, № 38	3	ГХМ 1 (№ 4171) утр. 2 (р. 1888—1889, 1894 гг.)
4	Гета (211—212 гг.)		1	утр. 1 (р. 1903 г.)
5	Неопределенная		1	утр. 1 (р. 1891 г.)
36. Аполлония Фракийская (?) — 1 экз.				
1	Автономная		1	утр. 1 (р. 1892 г.)
37. Месембрия — 1 экз.				
1	Филипп Араб (244—249 гг.)		1	ГХМ I (№ 2343)
38. Одесс — 3 экз.				
1	Конец III в. до н. э.	Pick, табл. IV, 6 и 13	2	ГЭ 1 (№ 700) утр. 1 (р. 1902 г.)
2	Юлия Домна (ум. в 217 г.)		1	ГХМ I (№ 243)

* Инвентарный номер Херсонесского музея.

№ п.п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
39. Маркианополь — 4 экз.				
1	Юлия Домна (ум. в 217 г.)	Pick, стр. 209, № 597	1	ГХМ 1 (№ 6014)
2	Элагабал (218—222 гг.)	Pick, стр. 272, № 941	1	ГЭ 1 (о. с. № 9)
3	Гордиан III (238—244 гг.)	Pick, стр. 304, № 1100	1	утр. 1 (р. 1893 г.)
4	Филипп Араб (244—249 гг.)	Pick, стр. 324, № 1205	1	ГЭ 1 (о. с. № 2)
40. Дионисополь — 1 экз.				
1	Гордиан III (238—244 гг.)		1	утр. 1 (р. 1895 г.)
41. Каллатия — 7 экз.				
1	III—II вв. до н. э.	Pick, табл. I, 23	2	ГЭ 2 (№ 9/1955 г., 228/1957 г.)
2	III—II вв. до н. э.	Pick, табл. I, 22	1	ГХМ 1 (№ 4032)
3	Автономная	Pick, табл. II, 12 (а)	1	ГХМ 1 (№ 4181)
4	II—I вв. до н. э.	Pick, табл. II, 3	1	ГЭ 1 (№ 229/1957 г.)
5	Септимий Север (193—211 гг.)		2	ГМХ 2 (№ 3961, 3963)
42. Томи — 15 экз.				
1	II в. до н. э.	Pick, табл. V, 12	1	ГХМ 1 (№ 415)
2	I в. н. э.	Pick, табл. V, 22	1	ГЭ 1 (№ 658)
		Pick, табл. VI, 4	2	ГХМ 1 (№ 3685) ГЭ 1 (№ 699)
3	Траян (?) (98—117 гг.)	Pick, стр. 626, № 2600 (?)	1	ГХМ 1 (№ 4454)
4	I — начало II в. н. э.	Pick, табл. VI, 9	1	ГХМ 1 (№ 5083)
5	Юлия Домна (ум. в 217 г.)		1	ГХМ 1 (№ 2270)
6	Гета (211—212 гг.)		2	утр. 2 (р. 1901, 1904 гг.)
7	Плавтилла (ум. в 212 гг.)		2	ГХМ 1 (2032) утр. 1 (р. 1904 г.)
8	Каракалла (?) (211—217 гг.)	Pick, стр. 754, № 2914	1	ГХМ 1 (№ 8830)
9	Александр Север (222—235 гг.)	Мушмов, табл. IV, 26	1	ГХМ 1 (№ 4448)
10	Максимиан (235—238 гг.)	Pick, стр. 845, № 3320	1	ГЭ 1 (о. с. № 3)
11	3-я четверть III в. н. э.		1	ГХМ 1 (№ 2273)
43. Истрия — 5 экз.				
1	IV — III вв. до н. э.	Pick, табл. II, 26 (?)	1	ГХМ 1 (№ 8787)
2	Автономная		1	утр. 1 (р. 1897 г.)

№ п. п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
3	Юлия Домна (ум. в 217 г.)	Pick, стр. 174, № 501	1	ГЭ I (№ 455)
4	Каракалла (211—217 гг.)		1	ГЭ I (№ 766)
5	Гордиан III и Транквиллина (238—244 гг.)	Pick, стр. 178, № 524	1	ГХМ I (№ 4694)
44. Никополь-на-Истре — 1 экз.				
1	Гордиан III (238—244 гг.)		1	утр. I (р. 1904 г.)
45. Павталия — 1 экз.				
1	Каракалла (211—217 гг.)		1	ГЭ I (№ 457)
46. Филиппополь — 1 экз.				
1	Коммод (180—192 гг.)		1	ГЭ I (р. 1891 г.)
47. Адрианополь — 1 экз.				
1	Гордиан III (238—244 гг.)	Pick, стр. 135, № 385	1	ГХМ I (№ 8241)
48. Неаполь Фракийский — 1 экз.				
1	Юлий Филипп-сын (244—249 гг.)		1	утр. I (р. 1902 г.)
49. Мароня — 1 экз.				
1	IV в. до н. э.	Grose, стр. 114, № 3975	1	ГЭ I (№ 932)
50. Цела — 1 экз.				
1	Элагабал (218—222 гг.)		1	ГХМ I (№ 8345)
51. Перинф (?) — 1 экз.				
1	III в. до н. э.		1	ГХМ I (№ 4452)
52. Македония — 3 экз.				
1	Филипп II (359—336 гг. до н. э.)	З. XI, 2	1(au)	утр. I (Кене, Истор. Херс. Тавр., стр. 9)
		Мушмов, табл. LVI, 10	1	ГХМ I (№ 4449)
2	III в. до н. э.		1	ГЭ I (№ 230/630)
53. Проконнес — 1 экз.				
1	330—283 гг. до н. э.	BMC, Mysia, табл. XXXV, 12	1	ГХМ I (№ 4696)
54. Фасос — 1 экз.				
1	II — I в. до н. э.	BMC, Thrace, стр. 223, № 74—78	1	утр. (Паллас, II, табл. 5)

№ п.п.	Время выпуска	Тип монет	Кол-во	Место хранения
55. Гистия — 2 экз.				
1	196—146 гг. до н. э.	З. XVII, 18	2 *	ГХМ 1 * (№ 1882) ГЭ 1 * (№ 931)
56. Митилена — 1 экз.				
1	Коммод (?) (180—192 гг.)	Миоплет, стр. 60, № 40 (?)	1	ГЭ 1 (№ 487)
57. Хиос — 1 экз.				
1	I—III вв.		1	ГХМ 1 (№ 2269)
58. Родос — 5 экз.				
1	IV—II вв. до н. э.	ВМС, Caria, табл. XVII, 719	4	ГХМ 4 (№ 1399, 3409, 4531, 4788)
		Ор. Описание монет, стр. 3, № 1	1	утр. 1 (р. 1888—1889 гг.)
59. Эгий (Ахейский союз) — 1 экз.				
1	II в. до н. э.		1 *	утр. 1 * (р. 1893 г.)
60. Египет — 2 экз.				
1	Птолемей II (285—246 гг. до н. э.)	ВМС, Ptolemaic kings, стр. 26, № 20	1	ГХМ 1 (№ 6719)
2	III—II вв. до н. э.		1	ГХМ 1 (№ 7868)
61. Кирена — 1 экз.				
1	2-я половина III в. до н. э.	ВМС, Cyrenaica, табл. XXVII, 16—20	1	ГИМ 1 (№ 24077) *

* Инвентарный номер Херсонесского музея.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

РИМСКИЕ МОНЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ В ХЕРСОНЕСЕ

№ п.п.	Время выпуска	Количество монет				Из них в некрополе
		золото	серебро	медь	всего	
1	2-я половина III в. до н. э.	—	—	1	1	—
2	86 г. до н. э.	—	—	1	1	—
3	Тиберий (14—37 гг.)	1	—	—	1	—
4	Клавдий (41—54 гг.)	—	—	3	3	—
5	Нерон (54—68 гг.)	—	1	2	3	2

№ п. п.	Время выпуска	Количество монет				Из них в некрополе
		золото	серебро	медь	всего	
6	Веспасиан (69—79 гг.)	—	4	1	5	2
7	Тит (79—81 гг.)	—	5	—	5	3
8	Домициан (81—96 гг.)	—	3	—	3	2
9	I в.	—	—	5	5	—
10	Траян (98—117 гг.)	—	7	5	12	3
11	Адриан (117—138 гг.)	—	5	3	8	6
12	Фаустина (ум. в 141 г.)	—	2	3	5	4
13	Антонин Пий (138—161 гг.)	—	7	7	14	9
14	Марк Аврелий (161—180 гг.)	—	1	5	6	3
15	Луцилла (161—169 гг.)	—	1	—	1	—
16	Коммод (180—192 гг.)	—	5	1	6	2
17	II в.	—	4	5	9	3
18	II—III вв.	—	3	23	26	11
19	Септимий Север (193—211 гг.)	—	5	3	8	3
20	Септимий Север и Юлия Домна	—	—	1	1	—
21	Юлия Домна (ум. в 217 г.)	—	10	1	11	5
22	Гета (211—212 гг.)	—	2	—	2	1
23	Плавтилла (ум. в 212 г.)	—	—	3	3	—
24	Каракалла (211—217 гг.)	—	10	4	14	4
25	Макрин (217—218 гг.)	—	1	1	2	—
26	Элагабал (218—222 гг.)	—	2	1	3	3
27	Юлия Соэмия (ум. в 222 г.)	—	2	—	2	2
28	Юлия Меза (ум. в 223 г.)	—	4	—	4	2
29	Александр Север (222—235 гг.)	—	8	1	9	5
30	Юлия Маммея (ум. в 235 г.)	—	1	—	1	1
31	Максимин (235—238 гг.)	—	3	9	12	7
32	Паулина (2-я четверть III в.)	—	—	1	1	—
33	Гордиан III (238—244 гг.)	—	16	9	25	18
34	Филипп Араб (244—249 гг.)	1 (пл)	10	4	15	5
35	Юлий Филипп мл. (244—249 гг.)	—	1	—	1	—
36	1-я половина III в.	—	6	2	8	2
37	Траян Деций (249—251 гг.)	—	7	1	8	3
38	Эгрусцилла	—	3	—	3	1
39	Требониан Галл (251—253 гг.)	—	3	—	3	1
40	Галлиен (253—268 гг.)	—	1	3	4	1
41	Салонина	—	—	3	3	2
42	Тетрик (267—273 гг.)	—	—	1	1	—
43	Клавдий II (посмертная чеканка после 270 г.)	—	—	1	1	—
44	Аврелиан (270—275 гг.)	—	—	12	12	7
45	Северина	—	—	1	1	1
46	Тацит (275—276 гг.)	—	—	1	1	—
47	Проб (276—282 гг.)	—	—	9	9	4

Продолжение

№ п. п.	Время выпуска	Количество монет				Из них в некрополе
		золото	серебро	медь	всего	
48	Кар (282—283 гг.) или Нумериан (283—284 гг.)	—	—	1	1	—
49	2-я половина III в.	—	—	1	1	—
50	III в.	—	—	26	26	9
51	III—IV вв.	—	—	23	23	3
52	Диоклетиан (284—305 гг.)	—	—	27	27	12
53	Максимиан Геркул (286—305 гг.)	—	—	20	20	9
54	Констанций Хлор (293—306 гг.)	—	—	7	7	5
55	Елена	—	—	3	3	2
56	Галерий Максимиан (309—311 гг.)	—	—	5	5	5
57	Валерия Галерия (ум. в 315 г.)	—	—	4	4	2
58	Валерий Север (306—307 гг.)	—	—	1	1	—
59	Максимин II Дая (308—313 гг.)	—	—	3	3	1
60	Лициний-отец (307—323 гг.)	—	—	70	70	22
61	Лициний-сын (ум. в 326 г.)	—	—	2	2	1
62	Константин I (306—337 гг.)	—	—	236	236	48
63	Время Константина I: Рим	—	—	14	14	1
64	» » Константинополь	—	—	14	14	2
65	Посмертная чеканка Константина I	—	—	1	1	—
66	Крисп (ум. в 337 г.)	—	—	2	2	1
67	Далмаций (ум. в 337 г.)	—	—	2	2	2
68	Константин II (335—340 гг.)	—	—	53	53	17
69	Констант (335—350 гг.)	—	—	33	33	10
70	Констанций II (335—361 гг.)	—	—	242	242	84
71	Сыновья Константина I (середина IV в.)	—	—	318	318	113
72	Юлиан (361—363 гг.)	—	—	13	13	2
73	Констанций Галл (361—363 гг.)	—	—	1	1	1
74	Иовиан (363—364 гг.)	—	—	1	1	—
75	Середина IV в.	—	—	60	60	—
76	Валентиниан I (364—375 гг.)	—	—	112	112	65
77	Валент (364—378 гг.)	—	—	27	27	13
78	Прокопий (365—366 гг.)	—	—	1	1	—
79	Грациан (375—383 гг.)	—	—	36	36	15
80	Валентиниан II (383—392 гг.)	—	—	56	56	8
81	Феодосий I (379—395 гг.)	—	—	458	458	153
82	Флацилла (ум. в 381 г.)	—	—	49	49	11
83	2-я половина IV в.	—	—	24	24	—
84	Конец IV в.	—	—	24	24	—
85	IV в.	—	—	605	605	272
86	Аркадий (395—408 гг.)	—	—	251	251	88
87	Гонорий (395—423 гг.)	1	—	88	89	32
88	IV—V вв.	—	—	466	466	30
	Всего	3	143	3515	3661	1167

ОЛЬВИЙСКИЕ «БОРИСФЕНЫ»

П. О. ҚАРЫШКОВСКИЙ

(Одесса)

Бронзовые монеты Ольвии с изображениями головы бородатого и рогатого речного божества и оружия (в дальнейшем, следуя примеру А. Н. Зографа, называем их просто «борисфенами») принадлежат к числу самых распространенных нумизматических памятников античного Причерноморья. Раскопки и случайные находки этих монет постоянно пополняют музейные коллекции, в которых они насчитываются сотнями. В публикациях, начиная с первых лет XIX в., описаны десятки их вариантов. Вместе с тем ольвийские «борисфены» не могут считаться достаточно изученными, хотя исследователи монетного дела Северного Причерноморья обращали внимание на их особое место в денежном обращении Ольвии. Однако не только эта роль «борисфенов» не охарактеризована исчерпывающим образом, но и простая классификация самих монет намечена лишь в общих чертах.

Между тем классификация «борисфенов», представленных десятками однотипных выпусков, отличия между которыми состоят, если оставить в стороне размеры и вес, лишь в особенностях изображительных приемов, применявшихся резчиками штемпелей при воспроизведении облика речного божества, да многочисленных и разнообразных дифферентах (ср. табл. I—X), представляет немалый интерес для истории монетного дела Ольвии. Вместе с тем ясно, что, размещая эти монеты в алфавитной последовательности указанных дифферентов, как это стало традицией нумизматических каталогов с первых десятилетий XIX в., невозможно прийти к сколько-нибудь обоснованным заключениям о характерных чертах этой исключительной для денежного обращения Ольвии серии. Таким образом, четкая классификация «борисфенов», основанная не на внешних и случайных признаках, а на существенных особенностях этих монет, является необходимым предварительным условием их дальнейшего изучения.

Первые опыты классификации «борисфенов» принадлежат нумизматам первой половины XIX в. При сравнительно небольшом количестве известных в ту пору монет Ольвии эти попытки свелись к тому, что в качестве единственного существенного признака, отличающего их выпуски, было принято различие в дифферентах, а монеты располагали в алфавитном порядке последних¹. Действительно, систематически меняющиеся дифференты — буквенные сокращения и разнообразные монограммы (табл. XII) — бросаются в глаза при самом беглом знакомстве с «борисфенами». Дифферентов насчитывается немало. Келер в начале XIX в. знал около двух десятков таких обозначений², П. О. Бурачков в конце того же века — уже 43³; в начале текущего столетия А. Л. Бертье-Делагард насчитывал даже до сотни дифферентов⁴ и, наконец, А. Н. Зограф — свыше 80 вариантов⁵. Нами зарегистрировано лишь 79 графически отличающихся друг от друга дифферентов (7 состоят из одной буквы, 20 — из двух, 8 — из трех, 44 являются лигатурами или сложными монограммами), которые соответствуют, однако, несколько меньшему числу имен. Указанное несоответствие объясняется тем, что в некоторых случаях можно с полной уверенностью указать два-три варианта одного и того же дифферента; с другой стороны, некоторые дифференты повторяются в разных группах и должны быть отнесены к различным лицам. С учетом таких случаев число дифферентов увеличивается до 88 (табл. XII). Из этого ясно, что классификация «борисфенов» по одним дифферентам вообще не может считаться удовлетворительной.

Единственная серьезная попытка научной классификации «борисфенов» принадлежит А. Н. Зографу. Интересующие нас монеты «естественно складываются», по его словам, в группы, «объединенные единством стиля лицевой стороны». Таких групп А. Н. Зограф насчитывает 12. Они располагаются «в порядке вероятной стилистической последовательности», причем в некоторых группах оказывается до двух десятков выпусков, отмеченных различными дифферентами. По весу указанные стилистические группы разбиваются на три категории со средними весами соответственно 10—11 г, около

---

¹ Укажем в качестве примеров известные труды Д. Сестини (D. Sestini. *Lettere e dissertazioni numismatiche*, IV. Firenze, 1818, стр. 21—24, 5—35), И. П. Бларамберга (Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg à Odessa. Paris, 1822, стр. 48—51, № 65—125), Б. В. Кене (Музейн. кн. В. В. Кочубея, I. СПб., 1857, стр. 42—43, № 16—41) и многие другие.

² Н. К. Е. К ö h l e r. *Lettre sur plusieurs médailles de la Sarmatie d'Europe*.—«Nova acta Academiae Petropolitanae», XIV, 1805, стр. 101—103, № 5—12, 14—21.

³ П. О. Бурачков. *Общий каталог монет*, I. Одесса, 1884, стр. 43—45, № 27—36, табл. IX, 14—23.

⁴ А. Л. Бертье-Делагард. *Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э.*—НС, I, 1911, стр. 91.

⁵ А. Н. Зограф. *Античные монеты*.—МИА, 16, 1951, стр. 130.

9 г. и около 5—6 г. При этом монеты ранних групп изготовлены аккуратно, на правильных кружках с ровным, заостряющимся к середине гуртом, а монеты последующих групп имеют смещенные изображения и чеканены на кружках со скошенным гуртом и следами отрубца литников. Ранние группы «борисфенов» А. Н. Зограф относил ко второму и третьему десятилетиям III в. до н. э., средние — ко второй трети, а последние — к 30—20-м годам того же века⁶.

Следует сразу оговориться, что если бы предложенная А. Н. Зографом классификация «борисфенов» была изложена более детально, наши замечания оказались бы, вероятно, излишними. Но свои наблюдения А. Н. Зограф высказал лишь в рамках общего труда о монетах античного мира; понятно, что его замечания предельно сжаты, и целый ряд вопросов остался без ответа. Неясно, например, по каким конкретным признакам разграничены отдельные группы (на таблице помещены изображения лишь 9 монет, т. е. меньше числа групп), какие именно дифференты включены в каждую из 12 групп. Так как труд А. Н. Зографа опубликован посмертно, в соответствующей его части оказались необъяснимые противоречия⁷. В силу этого представляется целесообразным изложить результаты осуществленной нами классификации «борисфенов», подчеркнув, что последняя должна рассматриваться как развитие взглядов А. Н. Зографа. Наша классификация в принципе не расходится с результатами его труда. Добавим, однако, что хотя правильность методики А. Н. Зографа не вызывает сомнений, наблюдения над стилем, фактурой и весом монет значительно дополняются и уточняются выделением среди стилистически близких выпусков экземпляров с различными дифферентами, выбитых общим штемпелем аверса; указанным путем не только объективно контролируется состав стилистических групп, но и устанавливается наиболее вероятная последовательность выпусков с различными дифферентами внутри каждой группы. К сожалению, далеко не все выпуски с различными дифферентами связываются общими штемпелями аверсов, так что и предлагаемая классификация «борисфенов» может в дальнейшем потребовать тех или иных добавлений и исправлений.

Наиболее раннюю группу «борисфенов» представляют крупные монеты без заметных следов литников, с правильным и красивым, но суховатым и лишенным экспрессии изображением речного божества. Ухо последнего полностью открыто, рог поставлен вертикально или слегка отклонен назад, шея обращена книзу. Различие между двумя подгруппами этой группы выражается в моделировке волос и бороды: на монетах группы I A борода свисает параллельными, почти ровными прядями (табл. I, 1—6), на монетах группы I B локоны бороды шире, короче, направлены слегка вперед и перекры-

⁶ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 130—131.

⁷ Например, в одном месте к числу позднейших деградированных выпусков отнесены монеты пяти групп (А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 130), а в других местах — четырех (там же, стр. 131, 132).

вают друг друга (табл. I, 7—11); волосы на затылке и над лбом переданы на более поздних монетах свободнее, но общая схема прически с гребневидными мелкими прядями спереди и с двумя длинными, расходящимися на концах в противоположные стороны локонами, спускающимися из-за уха, сохраняется на монетах всей группы и объединяет ее. К группе I A относятся «борисфены» с дифферентами № 1—6, к группе I B — с дифферентами № 7—11 (табл. XII).

Стилистические наблюдения подтверждаются наличием нескольких общих штемпелей, соединяющих различные выпуски: известны монеты с дифферентами № 1 и 2, 2 и 3, 3 и 4, 5 и 6, 10 и 11, чеканенные общими штемпелями аверсов.

Вторая группа «борисфенов» отличается сложностью своего состава, и образующие ее подгруппы могли бы рассматриваться в качестве самостоятельных групп. Общим стилистическим признаком всех монет этой группы является то, что ухо речного божества (за исключением одного штемпеля, табл. II, 4) полностью прикрыто волосами, рог обращен вперед и лишь в немногих случаях приближается к вертикальному положению; крупные широкие локоны волос и бороды причудливо и на первый взгляд беспорядочно разбросаны, шея обращена назад, подбородок выпячен вверх так, будто резчики пытались придать божеству положение пловца⁸. Внутри этой группы выделяется подгруппа II A, отличительным признаком которой являются мелкие спиралевидные завитки на концах прядей бороды, змеевидно изогнутый локон темени и ряд параллельных прядей, опускающихся наискосок от виска к затылку в виде широкого валика (дифференты № 12 и 13, табл. II, 1—3); эта последняя деталь схематизирована и напоминает опушку меховой шапки на редких монетах с дифферентом № 14, составляющих подгруппу II B (табл. II, 4). Наконец, монеты с дифферентами № 15, 16, 17, которые должны быть выделены в особую подгруппу II C, отличаются особенно пышной прической речного божества, приобретающего несомненное сходство с быком⁹ (табл. II, 5—15).

Среди монет второй группы двумя общими штемпелями аверса связываются монеты с дифферентами № 12 и 13, а для монет с дифферентами № 16 и 17 можно указать не менее трех таких общих штемпелей.

На монетах описанных выше групп прослеживается также некоторая эволюция изображений на реверсе: на монетах групп I и II A—B обух секиры снабжен рядом шиповидных выступов, подчеркивающих парадное назначение этого оружия (табл. I, 1—11; II, 1—4); на монетах группы II C обух по-прежнему отогнут кверху, но лишен упомянутых выступов (табл. II, 5—7, 11—12). Добавим,

⁸ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 131.

⁹ О быкоподобности греческих речных богов см. W a s e r. Flußgötter. — RE, VI, 1909, стб. 2780—82. Дж. Хирст ошибочно приписывает ольвийскому божеству бычьи уши (Д ж. Х и р с т. Ольвийские культы. — ИАК, в. 27, 1908, стр. 142).

что на монетах группы I А показаны тупые концы стрел, выступающие из наружного горита (табл. I, 1 и сл.); на монетах группы I В они воспроизводятся просто как ряд точек (табл. I, 7 и сл.), а на монетах второй группы исчезают и точки. Не лишено значения, наконец, и то, что на всех монетах группы I—II секира расположена так, что ее обух приходится против тетивы выдвинутого из горита лука.

Следующую группу «борисфенов» составляют монеты с дифферентами № 18—23 (табл. XII). Голова речного бога трактуется на них довольно свободно: ухо то покрыто волосами (табл. III, 1—2, 6—8), то выступает из-под них (табл. III, 3—5), рог также не занимает строго определенного положения; прическа и борода представлены более упорядоченными локонами, один из которых обычно отделяет основание рога от лба (табл. III, 5—8); лицо в целом приобретает более спокойное и очеловеченное выражение. Секира на реверсе лишь на одном штемпеле (табл. III, 1) расположена так же, как на предыдущих монетах, т. е. против тетивы лука, а во всех остальных случаях отодвинута к нижнему краю горита, так что ее сравнительно небольшой обух приходится против верхнего края последнего (табл. III, 2—8). Некоторые из монет данной группы чеканены на кружках со скошенным гуртом и грубо обрубленными литниками.

Все выпуски третьей группы «борисфенов» тесно объединяются общими штемпелями аверса: здесь имеются три общих штемпеля монет с дифферентами № 18 и 19, два — с дифферентами № 22 и 23, а также по одному общему штемпелю для монет с дифферентами № 20-21-22 и 21-22-23.

Характеристика следующих групп «борисфенов» затрудняется тем, что многочисленные штемпеля, которыми чеканены весьма обильные монетные выпуски этих групп, исполнялись одновременно несколькими мастерами, трактовавшими, в частности, волосы и бороду речного божества достаточно непринужденно, если не сказать небрежно (табл. V и сл.). В результате стилистические признаки отдельных групп не всегда с полной отчетливостью выражены каждым из известных штемпелей. Кроме того, монеты с одинаковыми дифферентами в некоторых случаях должны быть отнесены к разным стилистическим группам (табл. IV, 12 и V, 1; табл. VIII, 2, 4 и 3; 6 и 7; 9 и 10). С другой стороны, многие штемпеля употреблялись в это время сравнительно долго и связывают не только смежные выпуски, но и целые ряды последних, и притом с пропусками. Это усложняет выявление точной последовательности выпусков внутри каждой группы. Наконец, имеются и такие выпуски, которые вовсе лишены общих штемпелей с другими и как бы разрывают ряды других выпусков (таковы, например, монеты с дифферентами № 29 или 56). Поэтому грани между подгруппами внутри четвертой и особенно внутри пятой группы представляются несколько условными и при накоплении материала могут быть уточнены.

Четвертая группа «борисфенов» по стилю и фактуре монет ближе к самой ранней группе I A, чем к последующим, хотя некоторые детали сближают ее с группами II C и III. В качестве примеров укажем на отсутствие уха у речного бога на одном из ранних штемпелей этой группы (табл. III, 10) и на характерное положение отогнутого кверху обуха секиры (против тетивы лука) на нескольких штемпелях реверса (табл. III, 9—10). Рог поставлен здесь вертикально, реже с небольшим отклонением назад; шея соответствует положению сидящего или стоящего, но не плывущего человека; борода широка и сравнительно невелика, а прическе придан волнообразный изгиб, так что отдельно переданы пряди, прикрывающие верхнюю часть головы до темени, и отдельно — локоны, расположенные на затылке (табл. IV). Голова божества в целом приобретает на этих монетах, несмотря на существенные отличия в деталях трактовки бороды и отчасти шевелюры, черты сходства с изображениями скифов на памятниках искусства из Северного Причерноморья¹⁰.

По стилю изображений внутри интересующей нас группы «борисфенов» различаются две подгруппы. К одной (IV A) принадлежат монеты с дифферентами № 24—29 (табл. III, 9—11; IV, 1—5), а также крайне редкий выпуск без всяких следов дифферента (табл. III, 12); к другой (IV B) — с дифферентами № 30—35 (табл. IV, 6—12). Различие между указанными подгруппами невелико: борода, весьма небольшая вначале, становится более пышной и окладистой, упрощается прическа (в частности, вместо ряда последовательно расположенных небольших локонов, окаймляющих заднюю часть головы, появляется одна тонкая и длинная прядь).

Монеты четвертой группы чеканены многими общими штемпелями аверса, которые тесно связывают не только обе ее подгруппы, но и всю эту группу со следующей¹¹.

Переход от четвертой стилистической группы к пятой приходится на выпуск, отмеченный дифферентом № 35: часть монет с этим дифферентом связывается общими штемпелями с монетами предыдущих выпусков с дифферентами № 31—34 (табл. IV, 12), а другая часть — с монетами последующих выпусков с дифферентами № 36—38 (табл. V, 1). Новым стилистическим признаком является трактовка волос над ушами и на затылке широкими, сравнительно редкими и причудливо изгибающимися прядями; рог при этом часто отгибается вперед, ухо крупнее, с четко выделенной мочкой.

Однако новая прическа речного божества складывается не сразу, и в соответствии с ее эволюцией можно выделить внутри пятой группы «борисфенов» стилистические подгруппы V A (дифференты

¹⁰ А. П. И в а н о в а. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953, стр. 100; ср. Д ж. Х и р с т. Ольвийские культы, стр. 141 и сл.

¹¹ Известны общие штемпеля среди монет с дифферентами № 24 = 25, 26 = 27 (2), 27 = 30, 28 = 30, 28 = 31, 30 = 31 = 32, 31 = 32 (2), 31 = 33 = 35, 32 = 33, 32 = 33 = 34 = 35, 32 = 33 = 35 и 33 = 34 (2).

№ 35—45; табл. V), V B (№ 46—55; табл. VI) и V C (№ 56—63, 66, 68—71; табл. VII; VIII, 2, 5, 6, 8, 9). Для первой из этих подгрупп характерно отсутствие точно фиксированного положения двух крупных локонов, лежащих над ухом речного бога: их концы загибаются то кверху (табл. V, 2, 10, 11), то книзу (табл. V, 1, 6—8). Для большинства штемпелей подгруппы V B типично наличие четко проведенного рубежа между локонами, огибающими верхнюю часть головы, и прядями, свисающими с затылка (табл. VI, 2 и сл.); весь тип приобретает в этой подгруппе черты некоторого схематизма, шаблонности. Чрезвычайно близкие друг к другу штемпеля подгруппы V C различаются лишь тем, что на более ранних выпусках основание рога обычно отделяется снизу крупным, направленным назад локоном, параллельно которому размещены развевающиеся волнистые пряди на макушке (табл. VII, 4, 8; VIII, 6), тогда как на монетах более поздних выпусков изображение головы становится меньше, а изогнутые пряди волос вдоль заднего края контура головы оформляются в виде крючкообразных завитков (табл. VII, 12; VIII, 2, 5).

Как отмечено выше, монеты пятой группы связаны с монетами предыдущей общностью по крайней мере одного дифферента (№ 35; табл. IV, 12; V, 1). Следует добавить, что общими штемпелями аверса здесь связаны подгруппы V A и V B, да и вообще такие штемпеля встречаются среди монет данной группы сравнительно часто¹².

Шестая группа «борисфенов» отличается от всех прочих прежде всего тем, что значительная часть входящих в нее монет отмечена теми же дифферентами, которые уже встречались на последних выпусках предыдущей группы (эти выпуски образуют особую подгруппу V C₁): в группе VI представлены монеты с дифферентами № 64—67, 69, 71—73 (табл. VIII, 1, 3, 4, 7, 8, 10—12), причем монеты с дифферентами № 66 и 70—71 известны в группе V C₁ (табл. VIII, 2, 6, 9). Весьма существенно, что некоторые из монет с аверсами, принадлежащими к группам V C₁ и VI, объединяются общими штемпелями реверса. Другими словами, мастера ольвийского монетного двора одновременно пользовались штемпелями с изображениями речного божества, выполненными в совершенно различных художественно-образительных традициях. Что касается стилистических особенностей монет шестой группы, то для последних характерны небольшие красивые лица речного божества с маленькими, порой полностью скрытыми ушами (например, табл. VIII, 10); прическа трактована беспорядочно разбросанными, тонкими и короткими локонами,

¹² Общие штемпеля аверсов известны среди монет с дифферентами № 35 = 36, 35 = 36 = 37 = 38, 36 = 37, 37 = 39, 38 = 39 = 41 (2), 38 = 42, 39 = 41 (2), 41 = 42, 43 = 44 = 45, 44 = 46 (подгруппа V A); 46 = 47 = 48, 48 = 49 = 50, 48 = 50, 49 = 50, 48 = 51, 51 = 52, 51 = 52 = 53, 52 = 53 (2), 54 = 55 (подгруппа V B); 57 = 58 = 59, 57 = 60, 57 = 60 = 62, 60 = 61 = 62 = 63, 60 = 61 = 62, 60 = 61 = 63, 62 = 63 (3), 63 = 69 (подгруппа V C); 66 = 68 = 70, 66 = 69, 69 = 71 (3) (подгруппа V C₁, одновременная монетам шестой группы; см. в тексте).

несколько напоминающими моделировку шевелюры на монетах, отнесенных выше к группе II, С (табл. II, 5 и сл.), но без свойственной им манеры передачи волос широкими прядями, прорезанными внутри глубокими бороздками. Вместо этого теперь появляются петлеобразные изгибы мелких завитков прически, а борода передается узкими, слегка изогнутыми прядями (табл. VIII, 1, 3).

Среди монет, входящих в шестую стилистическую группу, также можно указать ряд общих штемпелей аверса, связывающих между собой выпуски с различными дифферентами¹³.

При переходе к рассмотрению остальных «борисфенов» бросаются в глаза резкое уменьшение их размера и возрастающая небрежность исполнения штемпелей. Среди этих монет отчетливо различаются четыре группы, объединяющие соответственно монеты с дифферентами № 74—76 (табл. IX, 1—3), 77—84 (табл. IX, 4; X, 4), 85—86 (табл. X, 5—7) и 87—88 (табл. X, 8—13).

Монеты седьмой группы очень близки к рассмотренным выше монетам шестой группы общим характером трактовки волос недлинными, сильно изогнутыми прядями, но позднейшие штемпеля выполнены на гораздо более низком художественном уровне. На монетах восьмой группы эта манера передачи волос мелкими листовидными локонами окончательно вырождается, и снова появляется традиционное воспроизведение прически длинными, тонкими, слегка волнистыми прядями, расположение которых становится делом индивидуальных склонностей резчиков штемпелей. Зато монеты девятой группы строго подчиняются единой изобразительной схеме: крупное ухо, небольшой, отогнутый назад рог, две горизонтальные пряди волос над лбом, три-четыре округлые пряди с изгибающимися концами на голове, небольшая борода — повторяются с незначительными отклонениями на всех штемпелях этой группы (табл. X, 5—7). Наконец, внутри монет десятой группы наблюдается совершенно оригинальная стилистическая манера: борода и волосы трактуются как более или менее правильно расположенные ряды коротких, широких, сильно изогнутых завитков (табл. X, 8—9, 12); эти последние затем удлиняются, постепенно выпрямляются и передаются в конце концов в виде графической схемы, сохраняющей лишь весьма отдаленное сходство со своим прототипом (табл. X, 10, 13, 14).

Общая небрежность исполнения штемпелей прослеживается и при изучении реверса: уже среди монет восьмой группы немало экземпляров, на которых обух секиры расположен не против верхней части горита, как это было правилом для монет третьей группы (табл. III, 2), а против тетивы находящегося в последнем лука (табл. IX, 4), подобно тому, как это имело место на самых ранних «борисфенах» (табл. I, 1). Кроме этого, на монетах двух последних групп лезвие секиры, неизменно сохранявшее прежде луновидную

¹³ Общие штемпеля объединяют монеты с дифферентами № 64 = 66, 65 = 67 (2), 65 = 67 = 69, 69 = 71, 69 = 71 = 73, 69 = 73, 71 = 73, 72 = 73.

форму, становится узким, клинообразным (табл. X, 5—9, 11, 13).

Среди монет последних четырех групп также можно отыскать экземпляры, принадлежащие к выпускам, отмеченным разными дифферентами, но выбитые общими штемпелями аверса¹⁴.

Последовательность описанных выше стилистических групп «борисфенов» лишь незначительно отклоняется от той схемы, которая была выдвинута А. Н. Зографом. Порядок изображений девяти монет в книге указанного автора показывает, что он считал монеты, отнесенные выше к группе II А, более древними, чем монеты группы I; с другой стороны, монета группы V В (дифферент № 50) поставлена после монет, отнесенных нами к группам V C₁ и VI (дифференты № 65—66)¹⁵. Представляется, однако, что нельзя просто поменять местами указанные группы. Например, во втором случае изучение общих штемпелей показывает, что группы V C₁ и VI могли бы предшествовать группе V В только тогда, когда все подгруппы пятой группы имели бы обратную последовательность, а это приходится считать исключенным из-за тесной и неразрывной связи двух первых ее подгрупп между собой, и в особенности первой из них, с монетами четвертой группы. Нельзя не отметить в этой связи также стилистической близости монет шестой и седьмой групп (табл. VIII—IX)¹⁶.

Разделив «борисфены» по их размерам, стилю и фактуре на ряд последовательно сменяющих друг друга групп, объединяемых в большинстве случаев также общими штемпелями аверса, следует сопоставить их веса (табл. I).

Из приведенных в таблице данных видно, что хотя средние веса «борисфенов», указанные А. Н. Зографом, не подтвердились в точности при сопоставлении 1780 индивидуальных весов, общая тенденция эволюции их весовых показателей была им намечена правильно: вес этих монет, первоначально несколько превосходящий 10 г, очень скоро падает примерно на 10%, а затем, после сравнительно небольшого понижения, долго и устойчиво находится на уровне примерно 8,8 г (средний вес 1084 экземпляров групп II В—VI составляет 8,78 г). После этого начинается быстрое и неуклонное падение, и в последней группе средний вес не достигает даже половины первоначального (4,55 г вместо 10,1 г).

Важным отличительным признаком «борисфенов» является, как указывалось, наличие в них особых дифферентов (табл. XII). По всему смыслу чекана в них видят сокращения имен ежегодно сме-

---

¹⁴ Таковы выпуски с дифферентами № 74 = 75 = 76, 74 = 76 (группа VII); 77 = 78 = 79 = 80, 77 = 79 (3), 78 = 79, 81 = 83 (2), 82 = 83, 83 = 84 (4) (группа VIII); 85 = 86 (5) (группа IX); 87 = 88 (3) (группа X).

¹⁵ А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXII, 14, 15; 19—21. Изображенные монеты идут в такой последовательности: дифференты № 12, 5, 17, 18, 33, 66, 55 и 88.

¹⁶ Соображения, не позволяющие считать монеты группы II А самой ранней серией «борисфенов», изложены ниже (прим. 32).

нявшихся ольвийских магистратов¹⁷, и с этим приходится соглашаться, оставив открытым вопрос о том, принадлежали ли эти дифференты городским эпонимам или должностным лицам, непосредственно ведавшим монетным делом. Нельзя считать исключенным, что эти предположения могут быть примирены в том смысле, что архонтам-эпонимам принадлежало также право чеканки¹⁸.

Таблица 1

Вес ольвийских «борисфенов» (по группам)

Группа, дифферент	Количество взвешенных монет	Вес, г			Падение среднего веса
		средний	максимальный	минимальный	
I A (1 — 6)	94	10,10	12,66	6,77	100
I B — II B (7 — 14)	110	9,20	13,17	6,30	92
II C (15 — 17)	142	8,69	11,95	6,23	86
III (18 — 23)	116	8,86	11,82	6,20	88
IV (24 — 35)	213	8,87	13,54	6,05	88
V A (36 — 45)	114	8,74	11,65	6,13	86
V B (46 — 55)	191	8,59	12,11	5,92	85
V C (56 — 63)	163	8,78	12,09	5,80	87
V C ₁ — IV (64 — 73)	141	8,85	12,80	5,51	88
VII (74 — 76)	26	6,78	10,02	4,32	67
VIII (77 — 84)	184	6,06	9,10	3,10	60
IX (85 — 86)	94	5,80	8,01	3,42	57
X (87 — 88)	192	4,55	6,63	2,47	45

Весьма существенно было бы определить, скольким магистратам принадлежали дифференты на «борисфенах», или, другими словами, какова была продолжительность выпуска этих монет. При этом следует отметить, что почти во всех деталях совпадающие дифференты повторяются в разных группах: таковы дифференты № 3 (I A) и 61 (V C), 4 (I A) и 66 (V C₁ и VI), 16 (II C) и 43 (V A), 21 (III) и 46 (V C), 28 (IV) и 37 (V A), 30 (IV), 45 (V A) и 87 (X), 31 (IV) и 86 (IX), 47 (V B) и 80 (VIII), 50 (V B) и 77 (VIII). Из всех этих повторяющихся дифферентов только № 28 и 37 отделены друг от друга таким небольшим числом промежуточных выпусков, что можно с некоторым основанием предполагать вторичное исполнение должности одним и тем же лицом. Во всех же остальных случаях подобные предположения беспочвенны.

С другой стороны, устанавливая близкое соседство выпусков с незначительно различающимися между собою дифферентами (причем часто некоторые варианты известны лишь благодаря уникаль-

¹⁷ В этом не сомневались А. Н. Зограф (Античные монеты, стр. 131), А. Л. Бертье-Делагард (Относительная стоимость монетных металлов, стр. 91), П. О. Бурачков (Общий каталог монет, стр. 43) и др.

¹⁸ В. В. Лаатышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 266 и сл.

ным экземплярам монет) и принимая во внимание наличие в таких случаях общих штемпелей аверса для нескольких вариантов одного дифферента, трудно воздержаться от предположения, что перед нами разные сокращения имени одного лица. Это представляется несомненным в таких сочетаниях, как № 10—11 (табл. I, 10, 11), 24—25 (табл. III, 9, 10), 35—36 (табл. IV, 12; V, 1, 2), 48—49 (табл. VI, 3, 4), 57—59 (табл. VII, 2—4), 65—67 (табл. VIII, 2—4), 70—71 (табл. VIII, 8—10), 77—78 (табл. IX, 4—6) или 81—82 (табл. IX, 10—12). Вполне вероятно также, что дифференты № 26—27 (табл. IV, 1, 2), 30—31 (табл. IV, 6—8), 39—40 (табл. V, 5, 6), 75—76 (табл. IX, 2, 3) и 79—80 (табл. IX, 7—9) являются разными вариантами одного сокращения. Труднее было бы настаивать на том, что дифферент № 34 (табл. IV, 11) представляет собой сокращение дифферентов № 35—36 (табл. IV, 12; V, 1, 2), а дифференты № 81—82 (табл. IX, 10—12) — соответственно только более развернутую форму дифферентов № 79—80 (табл. IX, 7—9), но это все-таки возможно.

Наконец, о тождестве дифферентов № 68 и 65—67 (табл. VIII, 2—5), 72 и 70—71 (табл. VIII, 8—10, 12) или 86 и 87 (табл. X, 7—9) можно высказать только предположения. С учетом этих наблюдений нетрудно сосчитать, что 79 графически различных дифферентов на «борисфенах» относятся самое меньшее к 67, а самое большее — к 79 годичным выпускам. Наиболее вероятным представляется распределение этих монет между 70 последовательными годовыми выпусками¹⁹.

Предшествующими замечаниями устанавливается минимальный срок выпуска «борисфенов»: он не мог составлять менее семи десятилетий. Представляется, что нет оснований для значительного увеличения этого периода: вряд ли можно предполагать, что в дальнейшем будут открыты монеты с десятками неизвестных в настоящее время дифферентов. С другой стороны, перерывы в чеканке возможны только между группами I, II, III и IV; группа V связана с предшествовавшей общностью штемпелей, а входящие в ее состав выпуски не только почти всегда связаны между собой таким же образом, но и объединяются близостью стиля; равным образом и группа VII тесно примыкает к группе VI, которая, в свою очередь, совпадает по времени чеканки с заключительными выпусками группы V, а первые выпуски группы VIII представляют непосредственное продолжение предыдущей группы.

Таким образом, новые перерывы становятся возможными, говоря строго, лишь между группами VIII, IX и X. Но не во всех случаях, где перерывы в чеканке «борисфенов» следует признать возможными, они действительно существовали и были сколько-нибудь продолжительными, так что не приходится говорить, что «борисфены» выпу-

---

¹⁹ Считаем в соответствии со сказанным в тексте принадлежащими одним и тем же магистратам дифференты № 10—11, 24—25, 26—27, 30—31, 34—36, 39—40, 48—49, 57—59, 65—67, 70—71, 75—76, 77—78 и 79—82.

скались «чрезвычайно долго, более века»²⁰ или будто они «были производимы во все времена существования Ольвии»²¹. Даже при наличии ряда непродолжительных перерывов (последние, на наш взгляд, вполне вероятны между первыми четырьмя группами и даже внутри второй группы) чеканка «борисфенов» не продолжалась более восьми-девяти десятилетий и никоим образом не выходила за рамки столетия²².

Относительно абсолютной датировки «борисфенов» высказывались разные мнения. Так, П. Гарднер относил их к первой половине IV в. до н. э. («до Александра»)²³, В. Д. Блаватский — ко II в. до н. э.²⁴, согласно А. Л. Бертье-Делагарду, их выпуск начался еще во второй половине IV в. до н. э.²⁵, а согласно А. Н. Зографу — лишь во втором десятилетии III в. до н. э.²⁶ Нам представляется, что ни стиль «борисфенов», ни палеографические признаки помещенных на них надписей не позволяют относить эту серию к промежутку между 290 и 225 г. до н. э.²⁷

Не повторяя здесь замечаний, изложенных в другом месте²⁸, необходимо подчеркнуть, что ранние «борисфены» тесно связаны с крупными бронзовыми монетами Ольвии, на которых изображены голова Деметры и орел с поднятыми крыльями, держащий в лапах

²⁰ А. Л. Бертье-Делагард. Указ. соч., стр. 91.

²¹ П. О. Бурачков. Указ. соч., стр. 44.

²² Еще Б. В. Кене, знавший всего 26 дифферентов на «борисфенах», полагал, что они выпускались в течение столетия (Музей Кочубея, I, стр. 44); по А. Н. Зографу, их выпуск продолжался только 60—65 лет (Античные монеты, стр. 131).

²³ BMC. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia. London, 1877, стр. 11.

²⁴ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 18.

²⁵ А. Л. Бертье-Делагард. Указ. соч., стр. 91.

²⁶ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 131.

²⁷ Такова точка зрения А. Н. Зографа, аргументированная ссылками на сходство «борисфенов» группы II A (табл. II, 1—3), с изображениями на ранней меди Птолемея или на монетах Эпира и Акарнании. Сходство, однако, далеко не так велико, чтобы служить достаточным основанием для датировки: крупные, плавно изгибающиеся локоны Зевса — Аммона на монетах Птолемея I (например, R. S. Poole, BMC. Ptolemaic Kings. London, 1883, табл. III, 3) находят, на наш взгляд, аналогии скорее среди некоторых «борисфенов» группы V C (табл. VII, 11), а пышная шевелюра и борода Зевса на эпирских тетрадрамах Пирра, трактованные в виде множества мельчайших, затейливо изогнутых завитков (например, P. Gardner, BMC. Thessaly to Aetolia. London, 1883, табл. XX, 10), вообще не находят сколько-нибудь близких параллелей на монетах Ольвии. Что касается, наконец, положения шеи и подбородка плывущего Ахелоя на акарнанийских монетах середины III в. до н. э. (там же, табл. XXVII, 2), то эта «реалистическая черта» встречается на греческих монетах с изображениями речных божеств по крайней мере с конца V в. до н. э. (многочисленные примеры см. в специальных работах на соответствующую тему. Например, F. Imhof-Baumert. Fluss- und Meergötter auf griechischen und römischen Münzen. — RSN, XXIII, 1924; S. Miron. Les divinités fluviales représentées sur les monnaies antiques de la Sicile. — RN, XXI, 1918).

²⁸ П. О. Карышковский. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. — ВДИ, 1957, № 2, стр. 141 и сл.; ср. П. И. Карышковский. З історії Ольвії в IV ст. до н. е. — Праці ОДУ, т. 146, 5, 1956, стр. 167 и сл.

дельфина²⁹. Известны «борисфены» с дифферентами № 5, 7, 9 и 12, перечеканенные на указанных монетах без предварительного уничтожения прежних типов (табл. XI, 6, 7). Крупные монеты с Деметрой, в свою очередь, связываются общностью типов, стиля и по крайней мере двух магистратских имен с серебряными статерами и драхмами, выпускавшимися в Ольвии в третьей четверти IV в. до н. э.³⁰ При этом более ранние статеры с сокращениями АΡΙΣ и ΜΟΣΧ находят себе соответствия среди бронзовых монет с Деметрой³¹, а более поздние серебряные статеры и уникальный золотой отмечены дифферентами, значительная часть которых встречается на «борисфенах», как это показано на табл. 2 (ср. табл. I, 1, 5, 6, 10, 11; табл. XI, 1—4)³².

Таблица 2
Общие сокращения на золотых, серебряных и бронзовых монетах Ольвии (вторая половина IV в. до н. э.)

Дифферент	Дата (до н. э.)	Металл, номинал			
		золото	серебро		бронза
		статер	драхма	Деметра	«борисфен»
ΑΡΙΣ ΜΟΣΧ	} ок. 340 — 330 гг.		+		+
			+		+
Ε (№ 1)	} ок. 330 — 320 гг.	+	+	+	+
Θ (№ 5)			+		+
ΓΕ (№ 6)			+		+
Ϝ (№ 10)			+		+
Ϛ (№ 11)					+

Все эти совпадения трудно признать случайными. Вполне вероятно, что «борисфены» пришли на смену бронзовым монетам с изображением Деметры и часть этих ранних монет была перечеканена вскоре после их выпуска. Не исключено также, что вся эта крупная

²⁹ А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXII, 4; П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. V, 77; VI, 137; VII, 138, 139.

³⁰ Об этих монетах и их хронологии см.: П. О. Карышковский. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э.— КСИИМК, 66, 1956, стр. 69 и сл.; ср. П. И. Карышковский. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії.— «Археологія», XI, 1957, стр. 45 и сл.; е го же. Доповнення до історії монетної справи в Ольвії наприкінці IV ст.— МАСП, III, 1960, стр. 234 и сл.

³¹ П. И. Карышковский. З історії монетної справи... , табл. I, 7—8; ср. В. П і с к. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien, I. Berlin, 1898, табл. IX, 3; G. F. H i l l. Greek coins acquired by the British Museum in 1929.— NC, X, 1930, табл. XIX, 3.

³² Следует подчеркнуть, что совпадение дифферентов на серебряных статерах и «борисфенах» доказывает, что первая группа «борисфенов» действительно является самым ранним их выпуском.

монета представляла один номинал; во всяком случае, весовые данные не противоречат такому предположению (табл. 3).

Таблица 3
Вес бронзовых монет Ольвии (вторая половина IV в. до н. э.)

Тип, дифферент	Количество взвешенных монет	Вес, г		
		средний	максимальный	минимальный
Деметра — орел и дельфин	31	9,36	12,05	7,40
«Борисфен», №1	27	10,08	12,60	7,12
То же, № 2	28	9,82	12,66	6,77
То же, № 3—4	24	9,98	12,00	7,42
То же, № 5—7	30	10,03	12,50	6,38
То же, № 8	30	9,80	12,25	6,79
То же, № 9	14	8,94	11,83	6,45
То же, № 10—11	27	8,23	11,24	6,30
То же, № 12	15	10,26	13,17	7,40
То же, № 13—15	10	8,96	10,77	6,83
То же, № 16	75	8,60	11,01	6,23
То же, № 17	66	8,91	11,25	6,25
То же, № 18—19	24	9,45	11,22	6,30
То же, № 20	32	8,70	11,15	6,51
То же, № 21—23	60	8,71	11,87	6,20

Из данных табл. 2 следует, что начало чеканки «борисфенов» приходится на то же время, когда на ольвийском монетном дворе была впервые в истории города предпринята чеканка золотых статов и серебряных драхм; другими словами, изменение типов самого крупного номинала чеканенной бронзовой монеты являлось составной частью монетной реформы, осуществленной незадолго до начала последней четверти IV в. до н. э. Стиль ранних «борисфенов» не препятствует такой датировке, а отмеченная А. Н. Зографом трактовка волос речного бога широкими плоскими прядями, прорезанными глубокими бороздками (табл. I и особенно табл. II), сближает эти монеты не только с серебряными статерами Ольвии (табл. XI, 1—4), но и с золотыми, серебряными и медными монетами Пантикапея, отнесение которых к последней трети IV в. до н. э. не вызывает сомнений³³.

Относя начало выпуска «борисфенов» приблизительно к 330—325 гг. до н. э., необходимо датировать их регулярную, быть может, строго ежегодную чеканку последней четвертью IV в. до н. э. и по крайней мере всей первой половиной III в. до н. э. Учитывая количество годовых выпусков в каждой группе и возможность небольших пере-

³³ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 131, 176 и сл., табл. XL, 11, 12, 18, 30, 31; XLI, 1, 2; ср. Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 87 и сл., 94 и сл., табл. III, 33, 34; V, 54, 57, 58, 60, 61.

рывов между первыми четырьмя группами, можно со значительной степенью вероятности наметить хронологические рамки каждой группы в пределах между 330 и 240 гг. до н. э. (табл. 4).

Таблица 4

Время выпуска ольвийских «борисфенов» и интенсивность чеканки (по группам) ³⁴

Группа, дифферент	Количество учетных монет	Количество годовых выпусков	Примерная хронология (до н. э.)	Интенсивность чеканки
I A—B (1—11)	230	10	ок. 330 — 320 гг.	100
II A—B (12—14)	24	3	} ок. 320 — 310 гг.	35
II C (15—17)	191	3		277
III (18—23)	148	6	ок. 310 — 300 гг.	116
IV (24—35)	295	} 16	} ок. 300 — 275 гг.	} 120
V A (36—45)	146			
V B (46—55) 252	252	9	} ок. 275 — 260 гг.	122
V C (56—63)	183	6		
V C ₁ —VI (64—73)	204	7		
VII (74—76)	26	2	} ок. 260 — 250 гг.	56
VIII (77—84)	249	4		
IX (85—86)	96	2		
X (87—88)	261	2		250
				567

Выше уже упоминалось, что наиболее авторитетные нумизматы обратили внимание на особое место «борисфенов» в денежном обращении Ольвии ³⁴. Действительно, продолжительность чеканки, последовательно осуществленный принцип снабжения каждого выпуска отдельным дифферентом (свидетельство тщательного контроля, под которым находились эти монеты при изготовлении), долго сохранявшаяся стабильность веса с последующим быстрым падением его (табл. 1) — все это делает чеканку «борисфенов» совершенно исключительным явлением в монетном деле Северного Причерноморья. К сказанному необходимо добавить, что в период относительной устойчивости веса этих монет их выпуск по годам был также примерно одинаковым, а при резком падении веса стал катастрофически увеличиваться (см. рис. 1). Очевидно, это можно объяснить только тем, что падение курса привычных монет пытались задержать или ослабить увеличением их количества. Однако эта попытка оказалась тщетной, о чем свидетельствуют клейма, которыми надчеканивались «борисфены», причем не только монеты по-

³⁴ В последней графе таблицы сопоставлены для наглядности данные об интенсивности чеканки «борисфенов»: для этого количество монет каждой группы разделено на соответствующее число годовых выпусков; для группы I A—B полученное частное принято за 100, для остальных показатели вычислены пропорционально.

³⁵ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 131—132; А. Л. Бертье-Делагард. Указ. соч., стр. 91—92.

ниженного веса, принадлежащие к последним группам, но и монеты средних групп (табл. XI, 10—13).

Клеймение «борисфенов» заслуживает специального рассмотрения. За исключением крайне редких и, по-видимому, случайных надчеканок штемпелями, применявшимися для клеймения других ольвийских монет (см. ниже), на «борисфенах» известны лишь однотипные клейма, налагавшиеся одновременно на аверс и на реверс (штемпеля были, очевидно, соединены шарниром): обращенный

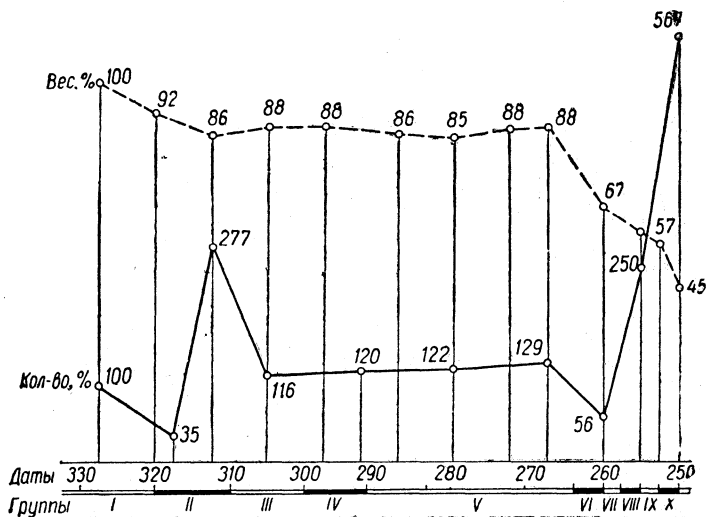

Рис. 1.

влево дельфин в круглом углублении на одной стороне и восьмилучевая звезда (или солярный символ) в более или менее ясно обозначенном кругу — на другой. Верхним (ударным) штемпелем при этом всегда был тот, на котором изображен дельфин, однако монеты поступали под штемпеля без всякого определенного порядка, так что изображение дельфина встречается и на аверсе и на реверсе первоначального типа (табл. XI, 10—13).

Клейменные экземпляры составляют лишь небольшую часть всех дошедших до нас «борисфенов» (197 монет из 2310 учтенных) и распределяются они среди различных групп неравномерно. Наиболее ранние клейма с дельфином и звездой известны на монетах группы II С (дифференты № 16 и 17), затем на монетах групп IV А, IV В и V А (с дифферентами № 24, 28, 31, 38, 42, 43, ср. табл. XI, 10); из монет других подгрупп V группы они зарегистрированы по несколько раз на монетах с дифферентами № 46, 48—49, 50, 51, 53 (ср. табл. XI, 11). В группах VI и VII клейменные монеты нам не известны, однако начиная с группы VIII и далее уже нет таких годичных выпусков, среди которых не было бы надчеканенных монет,

а среди монет X группы, особенно с дифферентом № 88, они становятся обычными и составляют около 17% всех учтенных экземпляров (табл. XI, 12, 13).

В качестве редчайшего исключения можно указать два случая клеймения «борисфенов» другой парой сопряженных штемпелей с изображениями головы Гелия в лучистом сиянии на одной стороне и соединенных протом его коней на другой (табл. XI, 9)³⁶. Такие клейма обычны на серии ольвийских бронзовых монет с изображениями голов Деметры и Афины на аверсе и горита с секирой на реверсе (табл. XI, 8). Находка группы этих последних монет совместно с «борисфенами»³⁷ заставила нас высказать сомнение в правильности заключения А. Н. Зографа, согласно которому монеты с двойным изображением богинь на аверсе и оружия на реверсе датируются второй половиной II в. до н. э., а клеймение их изображениями Гелия и коней — предпоследним десятилетием II в. до н. э.³⁸ Поскольку, однако, клейма с дельфином и восьмилучевой звездой попали на «борисфены» уже после того, как последние были надчеканены изображениями Гелия и коней (табл. XI, 9)³⁹, искусственность предположения А. Н. Зографа становится очевидной: ведь его допущение означало бы, что на «борисфены» наложены обычные клейма с изображениями дельфина и звезды не ранее конца II в. до н. э. Вероятнее всего монеты с двумя богинями и оружием следовали непосредственно за прекращением выпуска «борисфенов», затем подверглись надчеканке изображениями Гелия и коней, под которую лишь случайно попадали отдельные экземпляры «борисфенов», и лишь после этого началось регулярное клеймение последних изображениями дельфина и звезды. Впрочем, указанному клеймению подверглись не все «борисфены», находящиеся в обращении, — значительное понижение веса их заключительных выпусков подорвало, надо полагать, традиционный курс этих монет, так что вскоре было признано целесообразным выпустить новую разновидность того же номинала с другими изображениями, что и было, очевидно, сделано⁴⁰.

³⁶ Второй экземпляр был опубликован И. П. Бларамбергом (*Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia*, табл. XII, 136). Голова Гелия приходится здесь на аверс первоначального типа.

³⁷ П. И. К а р и ш к о в с ь к и й. Ольвийські монети, знайдені поблизу Одеси. — Праці ОДУ, т. 149, в. 7, 1959, стр. 138 и сл.

³⁸ А. Н. З о г р а ф. Указ. соч., стр. 135—136, табл. XXXIII, 9—11; ср. П. О. Б у р а ч к о в. Указ. соч., табл. III, 25—31; VI, 102—104.

³⁹ Это совершенно очевидно на публикуемом экземпляре, ввиду чего описание Бларамберга, утверждавшего, будто на его монете клеймо с изображением коней надчеканено «на прежнем реверсе с контрамаркой в виде рыбы» (*Choix de médailles*, стр. 52, № 136), не внушает особого доверия; рисунок у Бларамберга допускает различные истолкования.

⁴⁰ В этом смысле — но только в этом — представляется приемлемым утверждение А. Н. Зографа, полагавшего, что на смену «борисфенам» пришла серия бронзовых монет с сокращением ВЗЕ (А. Н. З о г р а ф. Указ. соч., стр. 132, 133; табл. XXXIII, 1—4).

Из сказанного следует, что «борисфены» находились в обращении после прекращения их выпуска довольно долго, так как за это время были отчеканены бронзовые монеты других типов (например, с изображением двух богинь и оружия)⁴¹. Зато в течение значительной части периода регулярной чеканки «борисфенов» они являлись, судя по всему, единственным выпускавшимся сортом бронзовой монеты (это справедливо по крайней мере по отношению к «борисфенам» IV—VI групп). Рассмотрение затронутого вопроса во всем его объеме увело бы нас далеко от темы настоящей работы, но нельзя не подчеркнуть, что из всех разновидностей ольвийской разменной меди лишь монеты с изображениями Деметры в стенной короне и лучника⁴² могут рассматриваться как одновременные с тремя первыми группами «борисфенов»⁴³. Этого, однако, нельзя доказать, так как сокращения на указанных монетах с лучником не позволяют выделить выпуски, в точности современные тем или иным выпускам «борисфенов». Так же обстоит дело и с серебряными монетами первой половины III в. до н. э.⁴⁴: они выпущены в то же время, что и «борисфены» IV—VI групп, но даже те из серебряных драхм, сокращения имен на которых можно с известной натяжкой сопоставить с некоторыми дифферентами на «борисфенах»⁴⁵, располагаются, как показывает изучение этого серебра по штемпелям, в совершенно иной последовательности. Можно ли на этом основании утверждать, что чеканка «борисфенов» находилась под контролем особых магистратов — не тех, которые ведали выпуском меди с изображением Деметры в стенной короне или серебряных монет, либо следует ожидать, что приращение нумизматического материала позволит в дальнейшем отыскать среди «борисфенов» выпуски, в точности одновременные серебру, — решать не беремся; первое предположение не представляется, однако, исключенным, — ведь «борисфены» и так занимают совершенно особое место среди монет Ольвии. Это подтверждается и их типологией, на которой в связи со сказанным следует остановиться.

Первые исследователи ольвийских монет видели в изображении на аверсе занимающей нас серии Сатира или Пана⁴⁶, что было,

⁴¹ К этому периоду относятся также монеты, чеканенные от имени коллегии Семи, что не может, впрочем, быть аргументировано в рамках данной статьи.

⁴² А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXIII, 21; П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. VII, 152—161.

⁴³ М. Б. Парович. Про датування ольвійських монет із зображенням голови Тіхи. — Археологія, XI, 1957, стр. 157 и сл.; ср. П. О. Карышковский. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма. — МАСП, IV, 1962, стр. 87 и сл.

⁴⁴ П. И. Карышковский. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії, табл. IV, 1—17.

⁴⁵ В связи с этим следует признать неверными соответствующие наши замечания (П. О. Карышковский. Заметки по нумизматике, стр. 143).

⁴⁶ Н. К. Е. К ö h l e r. Lettre sur plusieurs médailles de la Sarmatie, стр. 101, N 1; J. de Bl a g a m b e r g. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia, стр. 48, № 65; А. С. У в а р о в. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, в. 1. СПб., 1851, стр. 62, 109—110.

однако, справедливо поставлено под сомнение уже Д. Сестини, который узнал в изображении речного бога, а именно Гипанида⁴⁷. Впрочем, относительно того, представлен ли на ольвийских монетах Гипанид или Борисфен, мнения специалистов разделились: С. И. Шодуар, Н. Н. Мурзакевич, Б. В. Кене, А. М. Подшивалов высказались в пользу первого⁴⁸, а П. Гарднер, Б. В. Хэд, Ф. Имгоф-Блумер, А. Н. Зограф — в пользу второго предположения⁴⁹, тогда как А. В. Орешников, А. Заллет, А. Л. Бертье-Делагард, Э. Миннз предпочли воздержаться от определенного суждения⁵⁰. Наконец, особого взгляда придерживался П. О. Бурачков. Он считал, что на монетах изображен скифский Посейдон и притом «в образе бога рек и источников», а лицо его «попеременно с кротким или грозным выражением и приподнятыми вверх клоками волос» выражает «представление о временах благоприятных или неблагоприятных для плавания»⁵¹. Эти путаные рассуждения никого не убедили, но вопрос о том, представлен ли на монетах Гипанид или Борисфен, не принадлежит к числу легких.

Хотя наиболее осведомленные из античных авторов твердо знали, что Ольвия находится на берегу реки Гипанида⁵², в представлениях большинства она размещалась на Борисфене и даже носила его имя⁵³. Затруднение еще более возрастает, если принять во внимание керамические надписи, содержащие посвящения обоим речным богам — Гипаниду и Борисфену⁵⁴, а также учесть, что в среде

⁴⁷ D. S e s t i n i. Descrizione d'alcune medaglie greche del museo di Chaudoir Firenze, 1831, стр. 32, № 28, nota; Б. В. К е н е. Музей Кочубея, I, стр. 44.

⁴⁸ S. de C h a u d o i r. Corrections et additions a l'ouvrage de Sestini. Paris, 1835, стр. 41, № 25; N. M u r z a k e w i c z. Descriptio musei publici Odessani, I. Odessae, 1841, стр. 15, № 87; Б. В. К е н е. Музей Кочубея, I, стр. 42, № 16; А. М. П о д ш и в а л о в. Московский публичный и Румянцевский музей. Нумизматический кабинет, I. М., 1884, стр. 3, № 13.

⁴⁹ P. G a r d n e r. BMC. The Tauric Chersonese, стр. 11, № 4; B. V. H e a d. Historia numorum. Oxford, 1911, стр. 272; F. I m h o o f - B l u m e r. Fluss-und Meergötter, стр. 218, № 107; А. Н. З о г р а ф. Указ. соч., стр. 130.

⁵⁰ А. В. О р е ш н и к о в. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, в. VII. М., 1887, стр. 9, примечание; е г о ж е. Описание монет, принадлежащих Московскому университету. М., 1891, стр. 18, № 150; A. von S a l l e t. Königliche Museen zu Berlin, Beschreibung der antiken Münzen, I. Berlin, 1888, стр. 24, № 85; А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д. Указ. соч., стр. 91; E. H. M i n n s. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 485. Ср. замечания Вазера (W a s e r. Flussgötter, стб. 2795, 2800).

⁵¹ П. О. Б у р а ч к о в. Указ. соч., стр. 25, 44—45, 46—47. На вклейке между стр. 80 и 81 автор узнает на монетах уже Борей в образе речного бога Борисфена.

⁵² Н е г. IV, 18, 1; 53, 6; Dio Chrys. XXXVI, 1.

⁵³ Достаточно, пожалуй, напомнить, что такое ошибочное мнение разделяли Страбон (VII, 3, 17 С 306) и Птолемей (III, 5, 14). Ср.: В. Л а т ы ш е в. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, стр. 33 и сл.; С. А. Ж е б е л е в. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 291 и сл., 338, прим. 1.

⁵⁴ А. С. К о ц е в а л о в. Эпиграфические памятники из ольвийских раскопок в 1935 и 1936 гг.— В сб.: «Ольвия», т. I. К., 1940, стр. 271; ср. А. С о с е в а л о в. Die antike Epigraphik der euxeinischen Kolonien in den letzten Jahren.— «Würzburger Jahrbücher», 1948, стр. 265.

Табл. I. Ольвийские «борисфены».

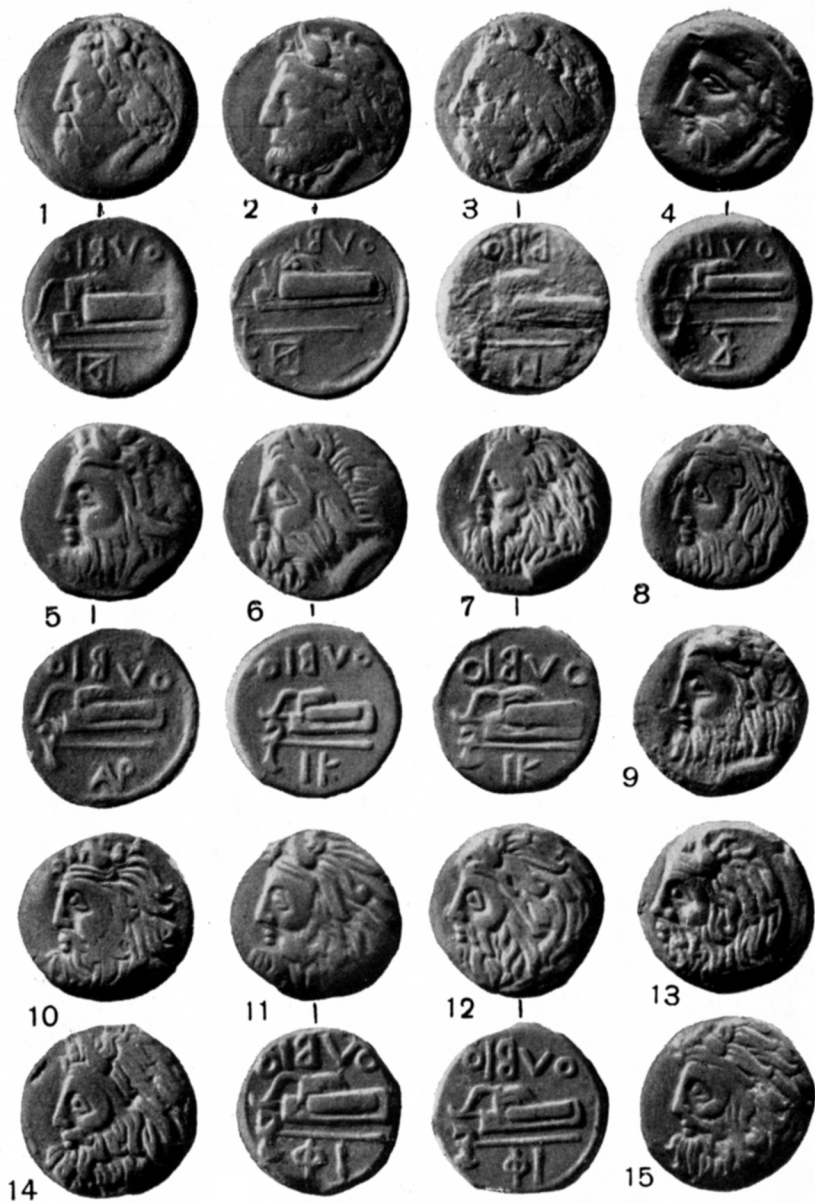

Табл. II. Ольвийские «борисфены».

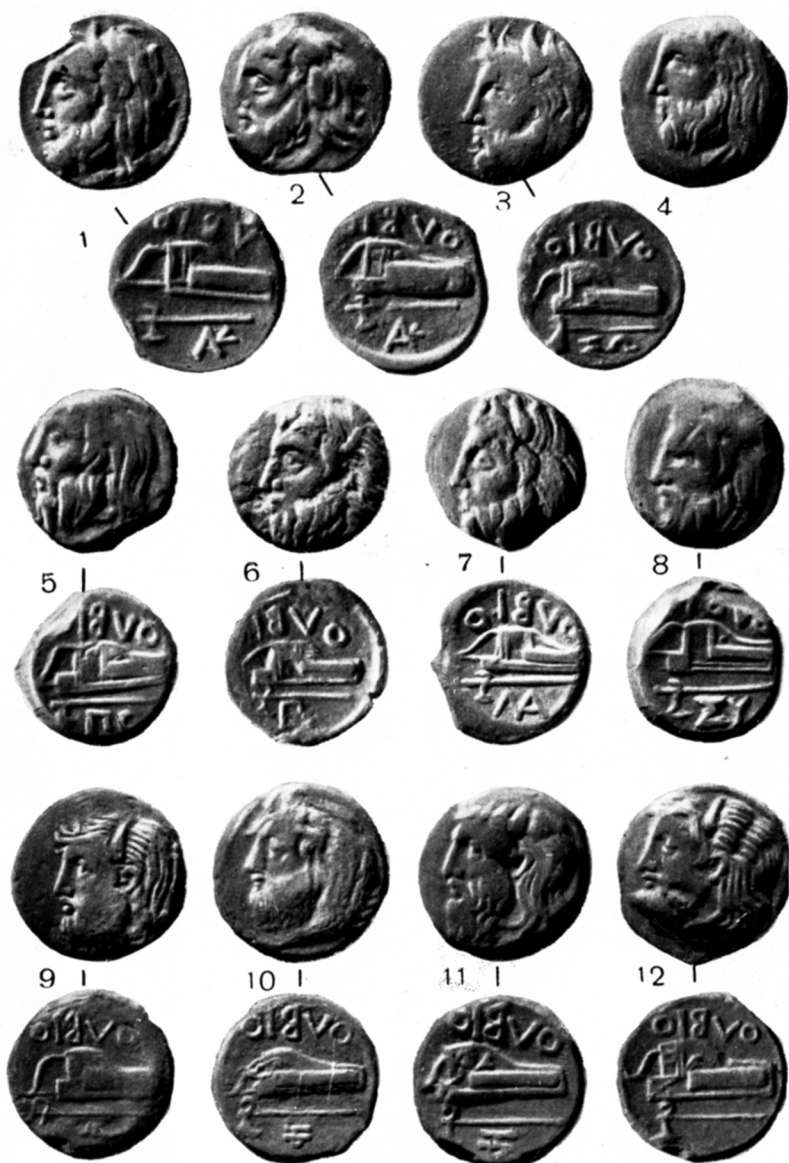

Табл. III. Ольвийские «борисфены».

Табл. IV. Ольвийские «борисфены».

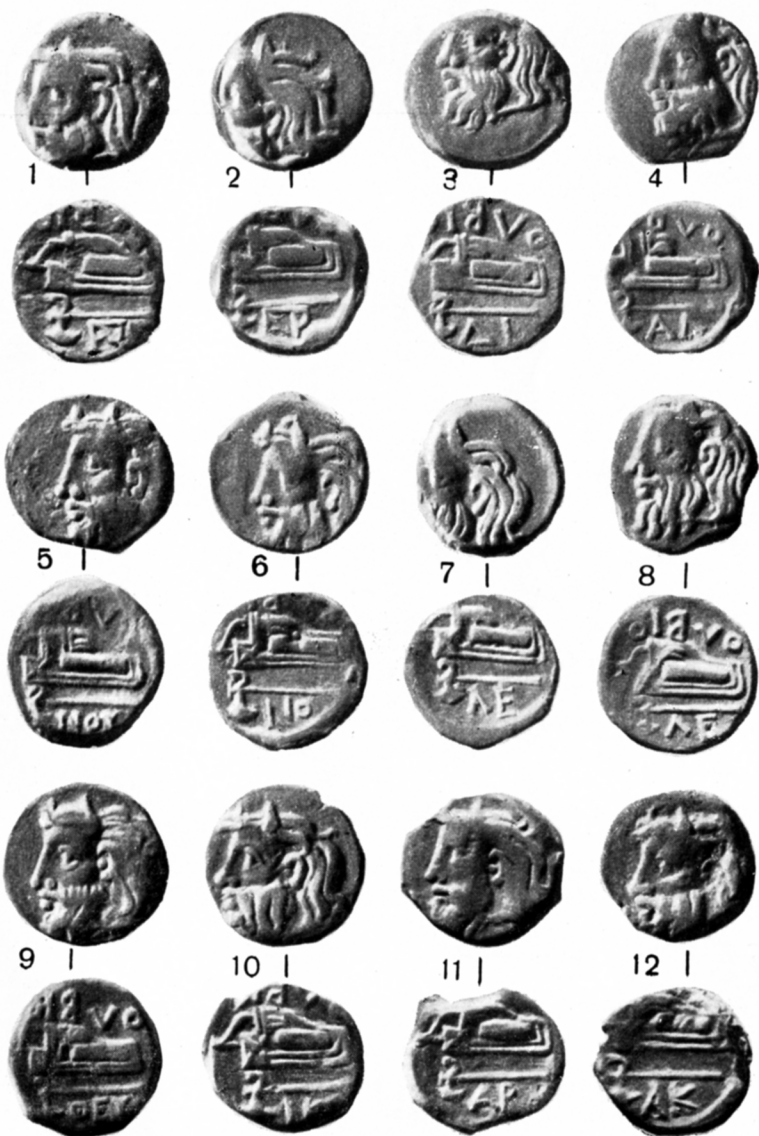

Табл. V. Ольвийские «борисфены».

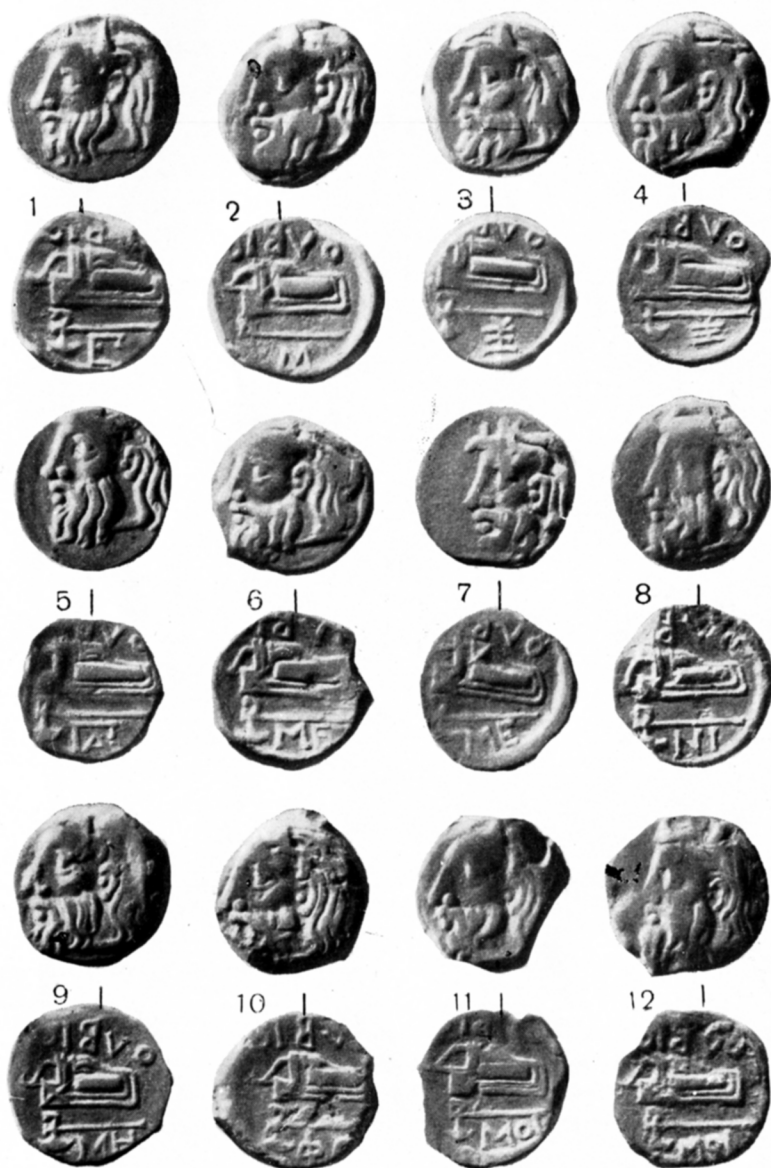

Табл. VI. Ольвийские «борисфень».

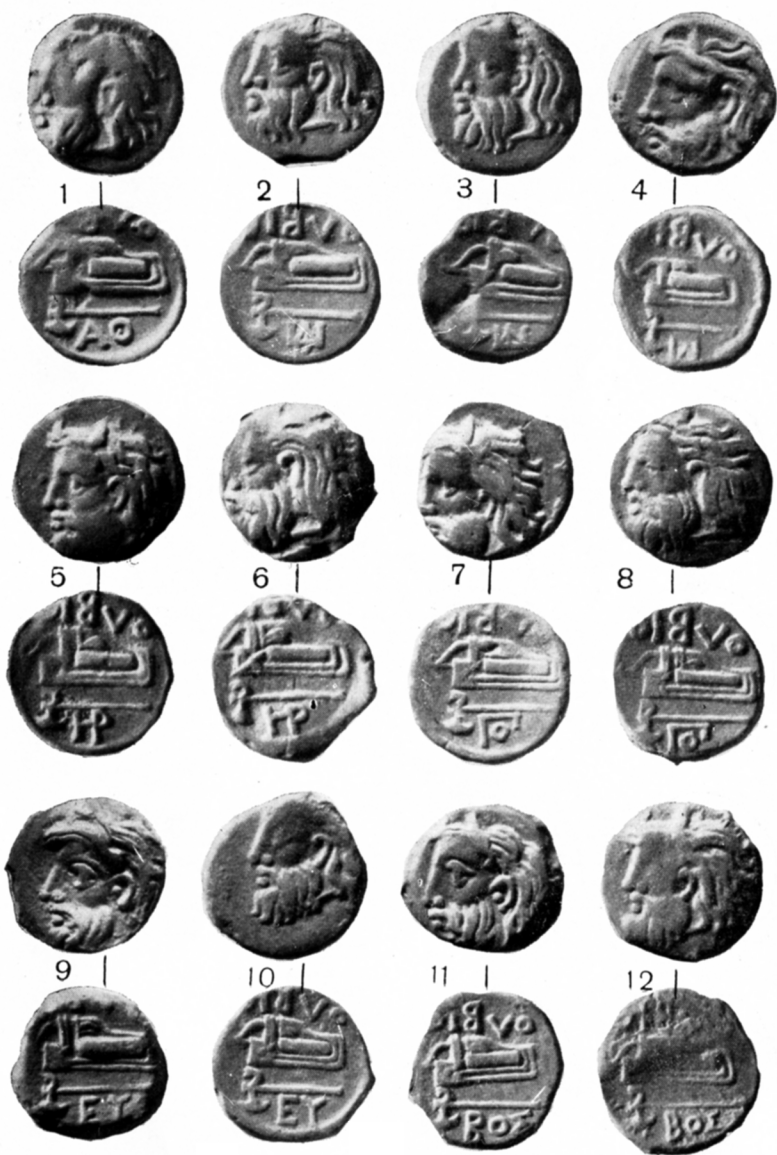

Табл. VII. Ольвийские «борисфены».

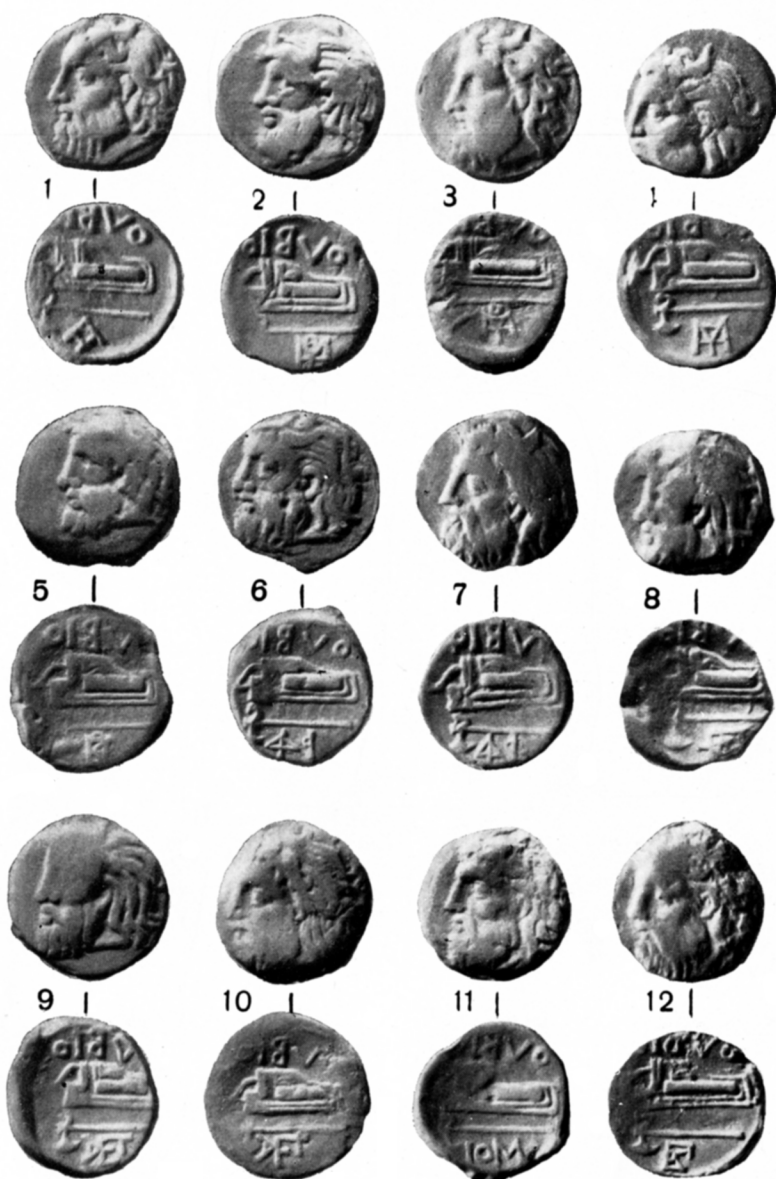

Табл. VIII. Ольвийские «борисфены».

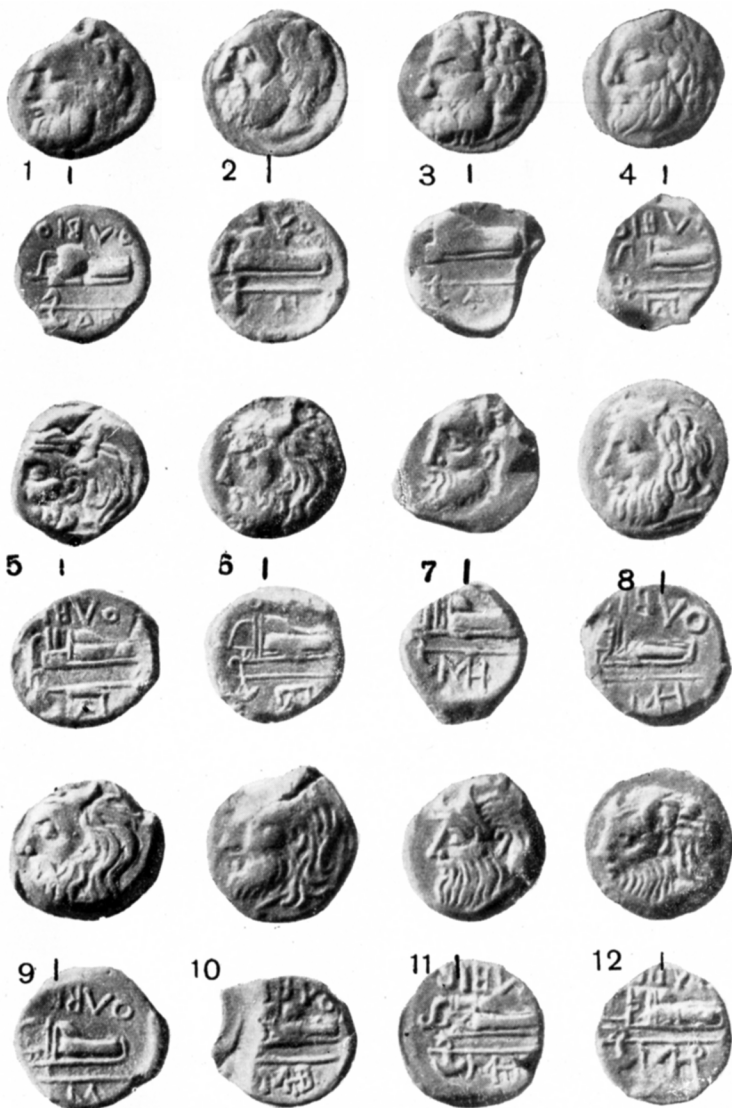

Табл. IX. Ольвийские «борисфень».

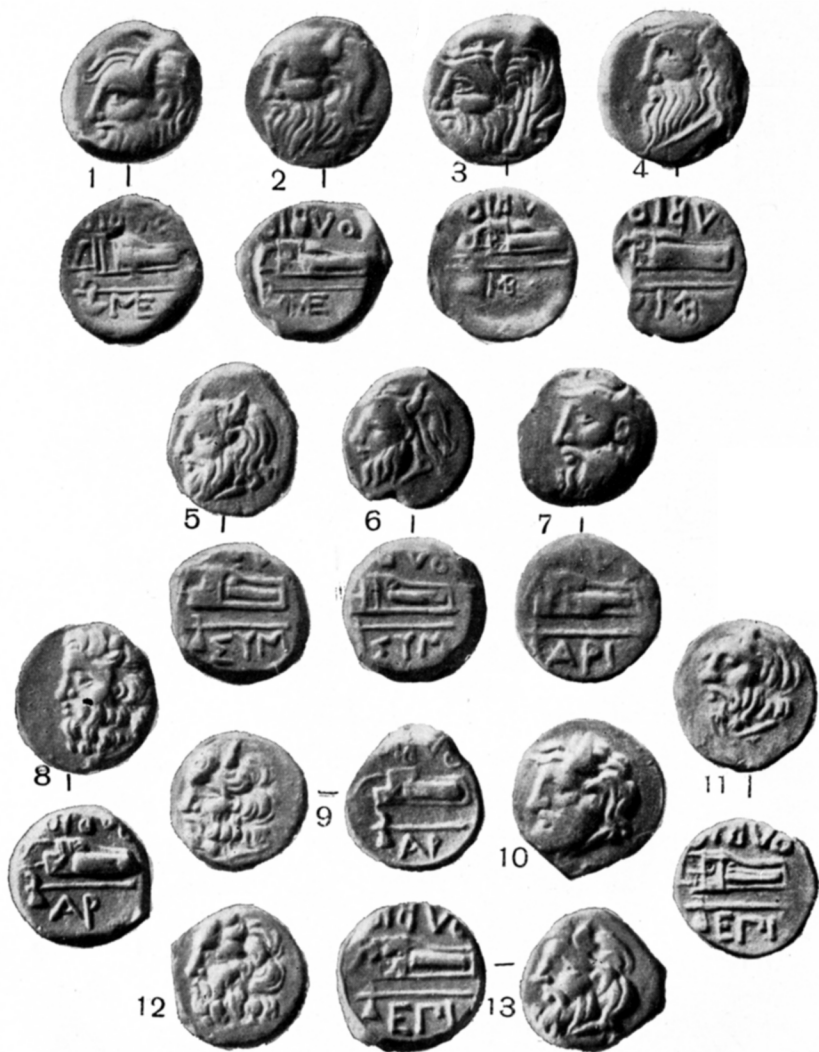

Табл. X. Ольвийские «борисфены».

Табл. XI. Ольвийские «борисфены».

1	Ε	2	Φ	3	Γ	4	ΑΑ	5	Θ	6	ΓΕ
7	Ξ	8	Ρ	9	Δ	10	ΖΚ	11	Ζ	12	Β
13	Ν	14	Ϟ	15	ΑΡ	16	ΙΚ	17	ΦΙ	18	Α
19	ΣΩ	20	ΠΟ	21	Ε	22	ΛΑ	23	ΣΥ	24	Ϟ
25	Ϟ	26	Α	27	Θ	28	ΔΙ	29	ΕΚ	30	ΑΡ
31	ΑΡΙ	32	ΘΕ	33	Η	34	Γ	35	ΑΤ	36	ΑΡ
37	ΔΙ	38	ΑΛ	39	ΝΟΥ	40	ΝΟ	41	ΛΕ	42	ΘΕΥ
43	ΙΚ	44	ΑΚ	45	ΑΡ	46	ΕΤ	47	Μ	48	Ξ
49	Ξ	50	Α	51	ΜΕ	52	ΝΙ	53	ΜΗ	54	ΦΟ
55	ΜΟΙ	56	ΑΘ	57	Ω	58	Ω	59	Ω	60	ΗΡ
61	Τ	62	ΕΥ	63	ΒΟΣ	64	Α	65	ΑΑ	66	ΑΑ
67	ΑΑ	68	Β	69	Α	70	Ε	71	Ε	72	Β
73	ΙΟΜ	74	ΔΗ	75	ΑΙ	76	Α	77	Α	78	Α
79	ΜΗ	80	Μ	81	ΜΒ	82	ΜΒ	83	ΜΕ	84	ΜΒ
	85	ΣΥΜ	86	ΑΡΙ	87	ΑΡ	88	ΕΠΙ			

Табл. XII. Монограммы, встречающиеся на ольвийских «борисфенах».

ольвиополитов засвидетельствовано личное имя Гипанид (IRE, I², № 134). Представляется, однако, что распространенное наименование Ольвии Борисфеном, эмпорием или городом борисфенитов при полном отсутствии попыток связать ее название с рекой, на берегу которой она в действительности располагалась, а также имеющиеся сведения о речном боге Борисфене, дочь которого была в одном из записанных Геродотом вариантов скифской этногонической легенды праматерью скифов (Her. IV, 5, 1), позволяют присоединиться к тем, кто считает речного бога на монетах Ольвии Борисфеном. При этом нельзя забывать и обрывок другого причерноморского мифа, в котором сын Борисфена Тоант характеризуется как царь местных кочевников⁵⁵. На наш взгляд, он дает некоторое право для предположения, что и Борисфен мыслился как царь какого-то из причерноморских племен, а отсюда становится возможным и понимание смысла помещенных на обороте «борисфенов» предметов вооружения.

На реверсе «борисфенов» помещены изображения лука в горите и секиры, в которых со времен Кене видят скифское оружие⁵⁶. Значение лука как основного наступательного оружия скифов не вызывает сомнений, и хотя луком пользовались и ольвиополиты (IRE, I², № 195), на монетах представлен скифский горит с боковым отделением для стрел⁵⁷. Что касается секиры, которую такой знак северочерноморских древностей, как Миннз, назвал при случае «странной»⁵⁸, то перед нами, по-видимому, не боевой топор рядовых воинов, а секира как знак власти или достоинства. В самом деле, в курганных погребениях находят либо клиновидные топоры с небольшим обухом, либо узкие клевцы с удлиненным, слегка изогнутым клинком и с небольшим обухом, имеющим на конце шишковидное утолщение, либо, наконец, топоры-молоты; последние являются основной разновидностью этого вида оружия у древних обитателей Скифии и делятся на три типа, ни один из которых, впрочем, не находит соответствия на монетах⁵⁹. Здесь тщательно изображена секира с широким, луновидно изогнутым лезвием и длинным, сильно отогнутым кверху обухом, который украшен рядом прямых выступающих вверх отростков. Хотя эти последние отчетливо показаны только на самых ранних «борисфенах» (табл. I, 1—11), но даже на самых последних, стилистически деградированных выпусках, где клинок секиры приобретает трапециевидные очертания, сближаясь этой чертой с топорами-молотами третьего типа, длинный, отогнутый кверху обух всегда налицо (табл. X, 5—9, 11, 13). Подобный обух различается на секире сидящего скифа на воронежском сосу-

⁵⁵ N i k a n d r. K o l o r h o n. Фрагмент 58 Schneider = SC, I, 2, стр. 445.

⁵⁶ Б. В. К е н е. Указ. соч., I, стр. 44.

⁵⁷ А. И. М е л ю к о в а. Вооружение скифов. — САИ, Д 1—4, 1964, стр. 32—33.

⁵⁸ Е. Н. М и н н з. Указ. соч., стр. 485.

⁵⁹ В. А. І л л і н с ь к а. Скіфські сокири — Археологія, XII, 1961, стр. 31.

де ⁶⁰; им снабжен клевец в руках скифа, изображенного на золотой бляшке из кургана у с. Аксютинцы ⁶¹, и, насколько можно судить, топор или клевец на монетах Керкинитиды, где на него, как и в предыдущих случаях, опирается сидящий скиф ⁶². Бронзовый топорик с обращенным вверх обухом известен из находок близ Смелы ⁶³, но на других бронзовых топориках этой группы удлинённый обух отогнут вниз.

М. И. Ростовцев считал секиру или клевец с резко отогнутым обухом знаком царской власти, с чем согласен и Б. Н. Граков; однако В. А. Ильинская пришла к заключению, что такое декоративное оружие являлось скорее знаком достоинства начальников небольших подразделений скифского войска ⁶⁴. Нельзя не согласиться, впрочем, что при наличии сравнительно незначительного числа известных погребений с такими бронзовыми топориками вопрос этот трудно решить ⁶⁵. Несомненно, во всяком случае, что в скифской среде эти секиры и клевцы являлись не столько реальным боевым оружием, сколько атрибутом военачальников. Особая роль секиры подтверждается, как нам кажется, и тем вариантом скифской этнографической легенды, согласно которому среди золотых регалий, доставшихся младшему из скифских братьев, находилась секира (Нер. IV, 5, 3; 7, 1). О том, что боевой топор, принадлежавший, как полагают, к числу мало распространенных предметов скифского вооружения ⁶⁶, сохранил немалую роль в религиозных представлениях скифов, свидетельствует сообщение Геродота о том, что при заключении договоров скифы погружают в чашу с вином среди других видов оружия также и секиру (Нер. IV, 70).

В силу сказанного трудно воздержаться от предположения, что на монетах секира с отогнутым и часто орнаментированным гребневидными выступами обухом является знаком власти Борисфена, которому принадлежит и горит с луком. Если добавить, что Борисфена часто изображают с ярко выраженными чертами скифского этнического типа на лицевой стороне тех же монет, можно прийти к выводу, что особенностью типологии «борисфенов» является ее локальный характер. Этими чертами «борисфены» существенно отличаются от всех прочих ольвийских монет IV в. до н. э., в типоло-

⁶⁰ М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд.— МАР, 34, 1914, табл. III, 5; IV, 1.

⁶¹ В. А. Ильинская. Указ. соч., стр. 43, рис. 10.

⁶² А. В. Орешников. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, стр. 8—9, табл. I, 3—9.

⁶³ В. А. Ильинская. Указ. соч., стр. 46, № 10, рис. 11, 1; ср. А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 21, рис. 24.

⁶⁴ М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, в. 49, 1913, стр. 8—9; е го же. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 419, 517; Б. Н. Граков. Скифский Геракл.— КСИИМК, в. 34, 1950, стр. 11; ср. В. А. Ильинская. Указ. соч., стр. 46—47.

⁶⁵ А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 68.

⁶⁶ Там же, стр. 66.

гии которых почти безраздельно господствуют изображения Де-метры и варьирующейся в разных видах городской эмблемы — орла с дельфином в лапах⁶⁷.

Таким образом, особый характер «борисфенов» подчеркнут и в типологическом плане. Но в чем же состояла специфическая роль этих монет в денежном обращении Ольвии? Нам представляется, что эту роль уловил еще А. С. Уваров, утверждавший, — впрочем, без всякой аргументации, — что они «заменяли древние ассы»⁶⁸. Эта догадка получила дальнейшее развитие в трудах А. Л. Бертье-Делагарда и А. Н. Зографа. Первый считал их непосредственными преемниками литых ассов; «борисфены», по его мнению, дихалки, чеканенные после своеобразной триантальной редукции полноценной меди; они были в ходу еще во времена Протогена, и выражение «из четырехсот» в декрете (IRE, 1², № 32, A-71, B-43/44) означает, что весовое отношение стоимости меди и золота, равное первоначально 1200 : 1 (точнее, 1240 : 1), стало в результате упомянутой редукции выражаться отношением 400 : 1⁶⁹. Это остроумное, но непрочное построение было подвергнуто А. Н. Зографом вполне убедительной критике. Не пересказывая здесь замечаний последнего, следует лишь указать, что, по его мнению, «борисфены» обязаны своим происхождением еще более сложной редукции: сначала вес литых монет был уменьшен в пять раз (на этом этапе были выпущены небольшие ассы с изображениями горгонейона и городской эмблемы)⁷⁰, затем еще вдвое.

«Борисфены», таким образом, легче своих первоначальных полноценных прототипов не в три, а в десять раз. По номиналу они являются, однако, не дихалками, а оболами. Слова «из четырехсот» в Протогеновом декрете А. Н. Зограф понимает как выражение чисто счетного, а не весового отношения золотых статеров к меди, которое сложилось еще до окончательной редукции ассов. «Борисфены» пришли на смену литым оболам, входившим в серию ольвийского серебра эгинской системы; таких медных оболов на драхму аттической системы должно было приходиться не шесть, а только четыре, т. е. 80 на один золотой статер, равный 20 драхмам. Так как первая из предполагаемых А. Н. Зографом редукций уменьшила вес литых монет в пять раз, то золотой стал разниться на 400 медных оболов. Почему счетное отношение не изменилось и после второй редукции, когда уменьшившиеся литые монеты были заменены чеканенными «борисфенами», А. Н. Зограф не пытается объяснить⁷¹.

По поводу этих соображений приходится сделать несколько замечаний. Искусственность взглядов А. Л. Бертье-Делагарда в до-

⁶⁷ См., например, А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIII, 1—13.

⁶⁸ А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 110.

⁶⁹ А. Л. Бертье-Делагард. Указ. соч., стр. 86—93.

⁷⁰ А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXI, 5.

⁷¹ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 128, 129—133.

статочной мере показана А. Н. Зографом, но в основе его собственных выводов лежит гипотеза о двух ступенях редукции полноценной меди, которую также нельзя считать доказанной. Те небольшие литые ассы с горгонеионом, которые А. Н. Зограф считает результатом первой редукции, по-видимому, предшествовали большим ассам с изображениями Деметры и городской эмблемы⁷², а не следовали за ними. Так полагали многие ученые⁷³, и в пользу их мнения можно привести целый ряд аргументов⁷⁴. С другой стороны, известный ольвийский декрет о денежном обращении (IPE, I², № 24) доказывает, что еще во время чеканки серебряных статеров ассы с изображением Деметры, являющиеся, таким образом, самой поздней серией полноценных литых монет Ольвии, выпускались либо, по крайней мере, находились в обращении; об их одновременности говорит также сходство типов и стили. Однако для ряда серебряных статеров можно указать современные им чеканенные монеты с профильным изображением той же богини и несколько видоизмененной городской эмблемой (на статерах и на ассах орел стоит на дельфине, повернув голову назад и развернув крылья по сторонам, тогда как на чеканенной меди он низко склонился над дельфином, держа поднятые крылья параллельно туловищу)⁷⁵.

Отсюда не следует, строго говоря, что указанные чеканенные монеты пришли на смену ассам, но такое предположение подкрепляется тем, что они подверглись перечеканке типами «борисфенов», появление которых связано с попыткой ольвиополитов начать чеканку собственной золотой монеты. Если «борисфены» действительно являются представителями того же номинала, которым были ранее полноценные литые ассы, то редукция последних имела место незадолго до начала чеканки золота и выпуска первых «борисфенов». Эти монеты, связанные с золотом уже при своем появлении, сразу же приобрели, надо полагать, твердый курс и в дальнейшем, особенно после прекращения чеканки серебра по эгинской системе, служили на ольвийском рынке основным и излюбленным платежным средством. Длительность выпуска «борисфенов», оригинальность и устойчивость их типов, строгий контроль за изготовлением, отсутствие младших номиналов — все это подтверждает правильность общего заключения А. Н. Зографа о том, что эти монеты представляли «кособый,

⁷² А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXI, 4.

⁷³ Б. В. Кене. Указ. соч., стр. 37; А. Л. Бертье-Делагард. Указ. соч., стр. 72; В. В. Голубцов. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг. — ИАК, в. 51, 1914, стр. 80—81; Е. Н. Миппс. Указ. соч., стр. 482—483; А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. — ИРАИМК, I, 1921, стр. 223—224; Л. П. Харко. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг. — В сб. «Ольвия. Теменос и агора». М.—Л., 1964, стр. 332—335.

⁷⁴ П. О. Карышковский. Заметки о монетах Ольвии. — СА, 1960, № 3, стр. 305 и сл.; ср. П. Й. Карышковский. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. — Праці ОДУ, т. 149, в. 7, 1959, стр. 48, 55 и сл.

⁷⁵ А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXI, 4; XXXII, 2—4.

самостоятельный ряд денежных знаков, обращавшихся на отличных от других чеканенных монет основаниях и имевших номинальную стоимость, значительно превышавшую их фактическую металлическую ценность»⁷⁶.

Действительно, если «борисфены» пришли на смену крупным литым ассам, то они были представителями того же номинала, т. е. являлись, по-видимому, бронзовыми оболами, входившими в состав серий серебра, чеканившегося в ту пору по эгинской системе⁷⁷. Между тем в эпоху Протогенового декрета золотой статер (несомненно, аттической системы) разменивался на «борисфены» по курсу 1 : 400, из чего видно, что номинал этих монет не имел точного названия ни в одной из существовавших в догетской Ольвии монетных систем: в эгинской его тогдашняя стоимость составляла $\frac{1}{5}$ обола, в аттической — $\frac{3}{10}$ обола и, наконец, в родосской — около $\frac{1}{3}$ обола (точнее, $\frac{8}{25}$). Не следует, однако, забывать, что к этому времени выпуск «борисфенов» был прекращен, так что речь должна идти об их обращении уже после того резкого падения веса при одновременном увеличении объема чеканки, которыми характеризуются последние их группы.

---

⁷⁶ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 131.

⁷⁷ П. О. Карышковский. Заметки о монетах Ольвии, стр. 301—305.

ДАТИРОВКА НЕКОТОРЫХ МОНЕТ ХЕРСОНА

И. В. СОКОЛОВА

(Ленинград)

Одним из самых сложных разделов нумизматики средневекового Херсона является чеканка императоров Константина VII (913—959 гг.), Романа I (920—944 гг.) и Романа II (959—963 гг.). Этот период представляет большие трудности для датировки монет из-за хронологической чересполосицы правлений императоров с одинаковыми именами¹. Во-первых, сам Константин VII дважды царствовал единолично: в 919—920 гг.— в период между изгнанием его матери-регентши Зои и коронацией Романа I Лакапина и в 944—945 гг.— после низложения сыновей Романа I. В оба эти момента в Херсоне (как и в Константинополе) могли выпускать монеты только от его имени. Во-вторых, тот же Константин имел по очереди двух соправителей с одинаковыми именами: Романа I Лакапина, тестя, и Романа II, сына, и трудно определить, кто из них представлен на монете². Эти обстоятельства привели к тому, что херсонские монеты этого времени не всегда удавалось сразу и точно определить.

Одна группа херсонских монет, относящаяся к начальному периоду царствования Константина VII и Романа I (913—924 гг.), была уже рассмотрена нами³. По поводу того, какие монеты выпускались в следующий двадцатилетний период (924—944 гг.), в настоящее время нет единого мнения. Издатель каталога визан-

¹ Даты этого периода византийской истории даются по кн.: Г. О с т р о г о р с к и. Историја Византије. Београд, 1959, стр. 256, 261.

² До недавнего времени монеты Романа II константинопольского монетного двора не были известны нумизматам. В настоящее время опубликованы две его номисмы, хранящиеся в коллекции Думбартон Окс (The Dumbarton Oaks research library and collection Harvard university. Vol. № 1, 1940—1950. Washington, 1950, табл.). В книге приведены лишь изображения монет.

³ И. В. С о к о л о в а. Херсонские монеты X в. с портретами императоров.— НЭ, V. М., 1965, стр. 116—120.

тийских монет Британского музея У. Рос относил к правлению Романа I две группы монет: с монограммами Ϡ и Ϡ на лицевой стороне. Из русских нумизматов только Н. П. Бауэр следовал определениям У. Роса, все остальные принимали классификацию, зафиксированную в статьях А. В. Орешникова: монеты с монограммой Ϡ относили к Роману I, а монеты с монограммой Ϡ — к Роману II. В атрибуции данных монет А. В. Орешников следовал Ж. Сабатье и Ф. де Сольси. Этим авторам не были известны более ранние публикации обоих типов, принадлежащие Л. Вакселю и Х. К. Келеру. Последний, в частности, читал монограммы Ϡ и Ϡ как сокращение слова ΡΩΜΑ — «Новый Рим», т. е. Константинополь⁴, однако такая расшифровка не была принята нумизматами.

Ф. де Сольси издал монету с монограммой Ϡ и приписал ее Роману II на том основании, что монограмма на монете составлена в форме креста, как на монетах преемников Романа II — Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия⁵. Монету с монограммой Ϡ с принятым позднее А. В. Орешниковым определением Ж. Сабатье издал в своем первом труде, посвященном римским, византийским и кельтиберийским монетам⁶. Монеты с монограммой Ϡ были отнесены им в этой книге ко времени Романа III (1028—1034 гг.). Впоследствии в получившем мировое признание каталоге византийских монет Ж. Сабатье принял атрибуцию де Сольси⁷.

Накопленный в настоящее время материал о находках херсонских монет в кладах и раскопках вновь ставит вопрос об их датировке.

В свое время У. Рос, учитывая отсутствие монет Романа II, чеканенных в Константинополе, не мог допустить, что в Херсоне за то же время успели выпустить четыре типа монет, причём три из них — за четыре месяца единоличного правления Романа. Из этих соображений он и приписал монеты с монограммой Ϡ Роману I⁸. Доводы У. Роса не убедили А. В. Орешникова, который считал, что один император (Роман I) не имел необходимости «выпускать монеты столь разных типов, тем более, что имеются среди монет Романа I монеты всех величин»⁹. Высказанное А. В. Орешниковым предположение нельзя считать серьезным уже хотя бы по-

⁴ Н. К. Е. К ö h l e r. Serapis, Teil I, SPb., 1850, стр. 21, 22 (посмертное издание. Рукопись относится к началу двадцатых годов XIX в.).

⁵ F. de Saulcy. Essai de classification des suites monétaires byzantines. Metz, 1836, табл. XXI, 7.

⁶ J. S a b a t i e r. Ikonographie d'une collection choisie de cinq mille médailles romaines, byzantines et celtibériennes. SPb., 1847.

⁷ J. S a b a t i e r. Ikonographie ..., табл. XVII, 17; е г о ж е. Description générale des monnaies byzantines, т. II, стр. 125, табл. XLVI, 7—9.

⁸ W. W r o t h. Catalogue of the Imperial byzantine coins in the British Museum, т. II. London, 1908, стр. 457—458, табл. LII, 13—14.

⁹ А. В. О р е ш н и к о в. Херсоно-византийские монеты. (Дополнение). — НС, I. М., 1911 (далее — О р. Д о п.), стр. 111.

тому, что в отношении монет Романа II он не придерживался того же принципа.

В статье А. М. Гилевич собраны данные, позволяющие ей подкрепить новыми фактами логические заключения У. Роса¹⁰. Количество находок и интенсивность выпуска монет с монограммой (при атрибуции их Роману II), приведенные в работе А. М. Гилевич, превышают во много раз те же данные относительно монет других императоров X в. и не находят объяснения в исторической обстановке того времени. Принятие атрибуции У. Роса устраняет этот непонятный скачок.

Помимо доказательств, приводимых А. М. Гилевич, в пользу датировки монет с монограммой временем Романа I говорит еще следующий факт. Обратная сторона этих монет отливалась в формах, изготовлявшихся с помощью лишь двух штампов¹¹. На одном из них — крест с дефектным, загнутым книзу правым концом, на другом — без этого дефекта (табл. I, 1, 2)¹². Формы с изображением обоих крестов были употреблены и для литья монет Константина VII (табл. I, 3)¹³. Причем на всех без исключения просмотренных нами монетах Константина дефектный крест был большей изношенности, чем на монетах с монограммой , а крест с полным перекрестием на правом конце имеет следы либо такой же изношенности, либо большей, чем на монетах с монограммой . Отсюда можно сделать вывод, что монеты Константина VII с крестом на одной из сторон либо одновременны монетам с монограммой , либо выпущены после них. Монеты Константина VII выпускались до коронации Романа II, т. е. до 945 г., следовательно, и монеты с монограммой выпускались до 945 г., т. е. в правление Романа I.

¹⁰ А. М. Гилевич. Новый клад херсоно-византийских монет.— ВВ, т. XXIV. М., 1964, стр. 150—158.

¹¹ В последнее время в печати стал подниматься вопрос о технике литья херсонских монет (см. статью В. И. Кадеева, А. А. Солнцева, А. Д. Фомина «Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов».— СА, 1963, № 1, стр. 48). Монеты с монограммой дают интересный материал для изучения этой проблемы. На первый взгляд кажется, что их обратная сторона отливалась только в двух формах, вследствие чего и имеются два различных изображения креста. Однако, как можно судить, например, по расположению литников, монеты с дефектным крестом лились в нескольких формах. Если бы данные монеты отливались в твердых формах, где для каждой из них нужно было вновь вырезать изображение, резчик вряд ли стал бы, а главное, вряд ли смог бы многократно и абсолютно точно повторить свою ошибку. Появление совершенно одинаковых «дефектных» крестов, отлитых в разных формах, могло произойти лишь вследствие употребления общей основы — штампа с рельефным изображением, на котором утраченную или испорченную деталь трудно восстановить. Применение штампа для оттискивания изображений предполагает, что сама форма делается из мягкого материала, скорее всего из глины, а затем обжигалась.

¹² А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты.— Труды МНО, т. III. М., 1905 (далее — О р.), табл. X, 51—53; а также О р. Д о п., стр. 111, табл. В, 15.

¹³ О р. X, 47; О р. Д о п., табл. В, 17.

Отвлекаясь от основной темы, нужно заметить, что выявленная последовательность выпусков указанных монет позволяет датировать не только монеты с монограммой Ϡ , но и оба типа монет Константина VII. Коронация Романа II и выпуск монет с его именем определяют верхнюю границу, после которой монет с именем одного Константина VII ожидать трудно. Как и в Константинополе, в Херсоне вряд ли был возможен выпуск монет с именем одного Константина VII до низложения Романа I. Но даже если такой одновременный выпуск и имел место, то лишь в конце правления Романа I, когда уже было отлито значительное количество его монет с монограммой Ϡ и «дефектным» крестом. Скорее всего, однако, монеты с начальными буквами имени Константина на лицевой стороне и крестом на оборотной отливались в промежуток времени между удалением Романа Лакапина и возведением на престол сына Константина Порфирородного, т. е. в период единоличного правления Константина VII в 944—945 гг. Монеты Константина VII с погрудным изображением на лицевой стороне и буквами Ϡ на оборотной не имеют общих форм или общего штампа (для стороны с буквами) с монетами вышеописанного типа. Аналогия с константинопольской чеканкой и тип лицевой стороны (погрудное изображение императора), характерный для херсонских монет начала X в., позволяют предположить, что данные монеты выпускались в период единоличного царствования Константина в 919—920 гг.

Итак, Роману I приписываются следующие типы монет: 1) монеты с монограммой Ϡ и изображением императора¹⁴, 2) монеты Романа и Христофора, 3) монеты с монограммами Ϡ и Ϡ ¹⁵ и крестом на оборотной стороне, 4) девять типов монет с монограммой Ϡ .

К первому типу последних относятся крупные монеты с монограммой Ϡ на лицевой стороне и крестом на Голгофе на оборотной, наиболее многочисленные среди этой группы. Средний вес их 7,9 г, размер — 25 мм¹⁶ (табл. I, 4).

Во второй тип следует выделить монеты с такими же изображениями, но меньшего диаметра и веса¹⁷. Известный нам экземпляр из собрания ГИМа имеет диаметр 22 мм, вес 4,12 г (табл. I, 5). В собрании Эрмитажа и Херсонесского музея такие монеты выделить не удалось.

Третий тип составляют многочисленные монеты с монограммой Ϡ на лицевой стороне и гладкой оборотной¹⁸. Средний вес их 3,1 г, диаметр — 21 мм (табл. I, 6).

¹⁴ И. В. Соколова. Указ. соч., стр. 120.

¹⁵ Очень заманчиво оставить монеты с монограммой Ϡ (О р. X, 53) за Романом II, однако пока нет никаких оснований отделять их от монет с монограммой Ϡ .

¹⁶ О р. IX, 34, 35.

¹⁷ О р. IX, 36.

¹⁸ О р. IX, 37.

Четвертый тип представлен единственным экземпляром из собрания Эрмитажа. На лицевой стороне помещена монограмма $\mathfrak{L}$, на оборотной — буква X. Вес монеты 2,24 г, диаметр 20 мм (табл. I, 7).

Пятый тип составляют монеты, лицевая сторона которых подобна предыдущему типу, а на оборотной помещен цветок лилии¹⁹. Средний вес их 3,67 г, диаметр 23 мм (табл. I, 8).

Следующие четыре типа также довольно редки в находках. Всех их объединяет особое начертание монограммы на лицевой стороне ($\mathfrak{L}$). Наиболее распространенными среди них являются крупные монеты с крестом на голгофе на оборотной стороне. Они составляют шестой тип всей группы («с монограммой $\mathfrak{L}$ »). Вес их чуть больше 8 г, диаметр 25 мм²⁰ (табл. II, 1).

Монеты с монограммой $\mathfrak{A}$ на оборотной стороне образуют седьмой тип, насчитывающий всего несколько экземпляров. Вес трех из них 7,82; 6,63 и 6,28 г, диаметр 25 мм²¹ (табл. II, 2—4). К восьмому типу относятся монеты с монограммой $\mathfrak{L}$ и гладкой оборотной стороной²², а последний — девятый тип — составляют маленькие монетки с подобной монограммой на лицевой стороне и крестом на голгофе на оборотной²³. Вес такой монеты 2,27 г, диаметр 15—17 мм (табл. II, 5).

Как видно из описания, монеты с монограммой $\mathfrak{L}$ ²⁴ в метрологическом отношении составляют замкнутую группу с тремя различными номиналами. К первому, крупному, номиналу можно отнести монеты I, IV, VII типов с диаметром 25 мм, весом 7—8 г. Ко второму, среднему, следует отнести монеты III, V и, возможно, VIII типов весом в 3,13—3,6 г и диаметром 21—23 мм. Особо, как третий номинал, следует выделить монеты IX и, по-видимому, IV типа.

Сходную группу из трех номиналов составляют монеты начальных выпусков IX в. К самому крупному можно отнести монеты Василия I и Константина²⁵. Средний вес их 8,86 г, диаметр 22—23 мм. Средний номинал составляют монеты с буквой $\mathfrak{B}$ на лицевой стороне и крестом на голгофе на оборотной, весом 3,5 г, диаметром 17—19 мм²⁶. Наименьший представляют монеты с буквами $\mathfrak{B}^+$ на лицевой и $\mathfrak{H}^x$ на оборотной сторонах²⁷. Следует, однако, оговорить, что выпуск этих монет не был одновременным. Наиболее ранними, безусловно, являются монеты с буквами $\mathfrak{B}^+$ — $\mathfrak{H}^x$. Можно

¹⁹ О р. IX, 38.

²⁰ О р. IX, 33.

²¹ О р. IX, 32.

²² О р. IX, 39.

²³ О р. IX, 40—41.

²⁴ В дальнейшем для упрощения изложения вся группа будет именоваться «монеты с монограммой $\mathfrak{L}$ ». Относительная хронология внутри самой группы в данной статье не рассматривается.

²⁵ О р. IX, 23.

²⁶ О р. IX, 20—22.

²⁷ О р. IX, 18—19.

допустить одновременный выпуск монет одного Василия I (с крестом на оборотной стороне) и его же с Константином. Полнейшее молчание источников не дает возможности проверить это предположение. Но даже если все три типа монет выпускались как один последовательно реформировавшийся номинал²⁸, одновременное обращение всех трех неизбежно должно было привести к установлению их стоимости относительно друг друга в зависимости от количества содержащегося в них металла. Монеты с буквой $\mathfrak{B}$ на лицевой и крестом на оборотной стороне оказались, по-видимому, наиболее удобными в обращении, так как почти все последующие монеты IX—X вв. выпускались приблизительно по их стандарту.

Хотя монеты с монограммой $\mathfrak{L}$ и выделяются в метрологическом отношении, все же они могут быть приравнены к номиналам Василия I. Однако ни одна из них не встречается в кладах совместно с другими херсонскими монетами. На эту их особенность обратила внимание А. М. Гилевич при публикации клада 1960 г. Изданный ею клад 1960 г., найденный в стене дома X в. на северном участке Херсонеса и состоявший из 37 экземпляров, содержал наряду с обычными (Василия I, Константина VII, Константина VII и Романа II, Романа I с монограммой $\mathfrak{L}$, Иоанна Цимисхия, Василия II) и редкие монеты Романа II и Василия II. Клад 1949 г., насчитывавший 68 экземпляров, помимо тех, которые были перечислены в составе предыдущего клада, включал также монеты Льва VI и Никифора Фоки. Небольшие клады 1909, 1911, 1928 и 1960 гг. (в помещении «Б») были составлены из наиболее обильных выпусков IX—X вв.²⁹ Клад из 16 монет, найденный у стены северного нефа в базилике 1932 г., аналогичен предыдущим: в нем представлены монеты Василия I (3 экз.), Романа I с монограммой $\mathfrak{L}$ (3 экз.), Константина VII (1 экз.), Константина VII и Романа II (2 экз.), Никифора Фоки (1 экз.) и Василия II (6 экз.)³⁰.

При сравнении составов всех херсонских кладов выясняется отсутствие в них помимо монет с монограммой $\mathfrak{L}$ также монет Михаила III и Василия I, Константина VII и Зои, Александра, Романа I с монограммой $\mathfrak{L}$, Романа I и Христофора. Однако понять данное явление нетрудно. Монеты перечисленных типов, за исключением монет Михаила III и Василия I, редки, в музеях они имеются в единичных экземплярах. Кроме того, по весу все они отличаются от обычных для кладов монет, а формирование сокровищ из монет преимущественно одного достоинства — явление закономерное и распространенное не только в Херсонесе. Для него эта закономерность подтверждается кладом, составленным исключительно из монет Василия I и Константина, найденным под плитами «водопр-

²⁸ Сохранение номинала при изменении размеров и веса монеты — явление очень распространенное, особенно для медных монет.

²⁹ А. М. Гилевич. Указ. соч., стр. 155—157.

³⁰ Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. — МИА, 4, 1941, стр. 231—232.

вода» у крестового храма в 1897 г.³¹ Тем не менее клад 1912 г., в состав которого входила и одна монета Василия I и Константина³², показывает, что в сокровища могли включаться монеты разной ценности. Нужно обратить внимание еще и на то, что все отсутствующие монеты выпускались в конце IX— начале X в., а клад датируется концом X в. За столетие монеты редких (Александр, Роман I и Христофор) и «нестандартных» (Михаил III и Василий) эмиссий вышли или были вытеснены из обращения.

Отсутствие в кладах X в. монет с монограммой L не может быть объяснено ни их редкостью (выпуск монет первого типа столь же обильен, как и монет Василия I), ни различием веса, так как среди них имеются все три бытовавшие в Херсоне номинала. Единственно допустимое объяснение заключается в том, что эти монеты не участвовали в денежном обращении X в., а следовательно, и не выпускались в течение этого столетия.

Правильность такого предположения подтверждают находки херсонских монет в раскопках городищ Саркела и Тмутаракани, куда попадали монеты наиболее распространенных выпусков.

Саркел, как известно, начал строиться в конце 30-х годов IX в., а был покинут жителями и разрушен в конце XI — начале XII в. Таким образом, время его существования приходится на весь период средневековой чеканки Херсона. Саркел поддерживал связь с Херсоном, и монеты последнего были найдены при раскопках этой хазарской крепости. За сезоны 1949—1952 гг. там были обнаружены следующие монеты: Василия I — 6 экземпляров, Константина VII — 2, Романа I (с монограммой L) — 9, Константина VII и Романа II — 7, Романа II и Василия — 1, Никифора Фоки — 2, Иоанна Цимисхия — 1 и Василия II — 4 экземпляра. Помимо этого были найдены византийские монеты константинопольской чеканки X—XI вв. и среди них — Романа I³³. Однако херсонские монеты с монограммой L среди находок на городище в эти сезоны и в раскопках других лет не встречались. Так, при раскопках В. И. Сизова в 1883 г. найдены чеканенные в Константинополе византийские монеты Василия I, Романа I, Никифора Фоки, а также литая херсонская монета Романа I с монограммой L ³⁴. В 1887 г. при раскопках Н. И. Веселовского найдены херсонские монеты Василия I и Константина VII с Романом II³⁵. Таким образом, на саркельском городище в разные годы найдены херсонские монеты наиболее обильных выпусков IX—X вв., за исключением чрезвычайно многочисленных в самом Херсоне монет с монограммой L . Саркел, безусловно, имел свои особенности денежного об-

³¹ ОАК за 1897 г., стр. 97.

³² А. М. Гилевич. Указ. соч., стр. 157.

³³ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. — САИ. М., 1962, стр. 48, № 89а. Сведения дополнены автором.

³⁴ Там же, стр. 27, № 85 и 86.

³⁵ Там же, стр. 27, № 87.

ращения, однако состав попадавших в него херсонских монет определялся главным образом особенностями денежного обращения в Херсоне.

Время расцвета другого города, где также находят херсонские монеты, — Тмутаракани — приблизительно совпадает со временем существования Саркела. При раскопках Тмутаракани в 1952 и 1953 гг. найдены херсонские монеты Василия I, его же с Константином, Романа I (с монограммой Ϡ) и Василия II, а также три византийские монеты XI в.³⁶ В 1954 г. экспедицией Б. А. Рыбакова там же были найдены херсонские монеты Василия I, Романа I (с монограммой Ϡ), Константина VII, Василия II, а также византийский фоллис XI в.³⁷ Таким образом, и здесь, в городе, несомненно поддерживавшем связь с Херсоном до конца XI — начала XII вв., в течение трех сезонов не найдено ни одной монеты с монограммой Ϡ .

С другой стороны, в 1961 г. на городище Изяславля, гибель которого датируется 1237 г., экспедицией М. К. Каргера была найдена монета с монограммой Ϡ . находка была необъяснимой загадкой для археологов, так как кроме этой монеты на городище не было найдено ни одного предмета древнее XII в.³⁸

Таким образом, находки херсонских монет в раскопках Саркела, Тмутаракани и Изяславля подтверждают сделанный на основании кладового материала вывод об отсутствии монет с монограммой Ϡ в X в. и дают дополнительно две даты: конец XI — начало XII в., когда этих монет еще не было, и начало XIII в., когда одна из них оказалась уже далеко за пределами своего ареала. Эти даты и являются пока единственными, на основании которых можно судить о времени выпуска монет с монограммой Ϡ . Вероятнее всего, это XII—XIII вв.

К сожалению, для проверки этого предположения сами монеты можно использовать лишь в очень ограниченной мере. Монограмма лицевой стороны ничего не дает для наших целей: в ней невозможно видеть ничего, кроме лигатуры двух букв: ρ и ω. Такая лигатура встречается на византийских монетах начиная с XII в. Однако это сравнение отнюдь не дает оснований относить монеты с монограммой Ϡ к XII в., так как типология херсонских монет очень специфична, а эволюция монограмм на них хотя и имеет некоторые закономерности, но не настолько определена, чтобы за крестообразной монограммой нельзя было допустить появления просто начальных букв имени³⁹. В расшифровке данной монограммы нельзя пока предложить ничего нового. Можно, следуя Х. К. Келеру, читать ее как название Византийской империи — Романия или, следуя Ж. Сабатье, видеть

³⁶ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР.— САИ. М., 1962, стр. 23, № 29 и 29а. Сведения дополнены автором.

³⁷ В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 23, № 30.

³⁸ Сообщено в докладе М. К. Каргера на сессии ЛОИА в 1962 г.

³⁹ Ср., например, О р. X, 57—60 и 61—62.

в ней имя одного из правителей. И то, и другое чтение имеет под собой основания: первое — в анонимной византийской чеканке XI—XII вв., второе — в традиции херсонских монет IX—X вв.

Толкование изображений оборотной стороны, так же, как и монограммы лицевой, может быть и в пользу X в., и в пользу более позднего времени. Так, крест, помещенный на подавляющем большинстве монет большого диаметра (типы I, II и IV) и на самых маленьких монетах (тип IX), выполнен точно так же, как и на монетах заведомо IX—X вв.: Василия I с Константином и Льва VI ⁴⁰. Тип IV — с буквой X — может быть истолкован двояко. Если видеть в монограмме лицевой стороны имя Романа, то в букве X можно усмотреть имя его сына Христофора, однако при любом чтении монограммы X букву X можно рассматривать и как начальную букву названия города (как на анонимных херсонских монетах середины IX в.) ⁴¹.

Однако два других изображения оборотной стороны говорят больше в пользу XII—XIII вв. По поводу одного из них А. В. Орешников писал, что это «изображение предмета, напоминающего виноградную кисть», а К. К. Косцюшко-Валюжинич видел в нем «крест в форме цветка» ⁴². Самая близкая аналогия этому символу находится на монетах XIII—XIV вв. — лилия, изображенная в виде цветка с тремя лепестками ⁴³ (табл. I, 9—11). Изображение лилии как государственного символа, впервые появившееся на монетах никейских императоров ⁴⁴, склоняет нас отнести херсонские монеты с таким же изображением к XIII в.

Монограмму X на монетах VII типа обычно разлагают на буквы δ , ϵ , σ , λ , τ и читают как $\delta\epsilon\sigma\lambda\tau\eta\varsigma$. Иногда же встречается такое начертание монограммы, в котором при чтении ее как «деспот» остаются лишние элементы. Монограмму X можно еще рассматривать как родительный падеж от $\delta\epsilon\sigma\lambda\tau\eta\varsigma$ (табл. II, 3), но элемент «Г» в монограмме X (табл. II, 4) уже не позволяет этого сделать. Именно поэтому А. В. Орешников отказался от принятого чтения всех подобных монограмм, хотя и не мог предложить что-либо новое ⁴⁵. Нам кажется, что разъяснение их можно отыскать в византийских монетах XIII—XIV вв. (Андроника и Мануила Палеологов). Монограммы родового имени на них имеют много общих элементов с монограммой на монете Херсона (табл. II, 6—8) ⁴⁶.

⁴⁰ О р. IX, 23 и 26.

⁴¹ О р. IX, 17.

⁴² О р., стр. 369.

⁴³ С р. T. Bertelè. L'imperatore alato nella numismatica bizantina. Roma, 1951, табл. I, 9—10.

⁴⁴ V. Laurent. L'Embleme du lis dans la numismatique byzantine et son origine. — Centennial publication of the American Numismatic Society. New York, 1962, стр. 417—423.

⁴⁵ А. В. Орешников. Херсоно-византийская монета Романа I. — НС, I, 1911, стр. 303—304.

⁴⁶ W. Wroth. Указ. соч., II, стр. 638, № 14—16; T. Bertelè. Monete bizantine inedite o rare. — ZfN, XXXVI, H. 1/2, стр. 23, № 71—76, табл. III.

Полную же аналогию представляет монограмма, заключающая имя Палеолог, на сосуде, принадлежавшем Михаилу VIII⁴⁷. Монограммы настолько схожи, что не будь других датирующих признаков, не оставалось бы никаких сомнений в атрибуции монет данной группы. Более всего затрудняет датировку всех монет с монограммой Ϟ более поздним, чем X в., временем сама фактура их, ничем не отличающаяся от фактуры несомненных монет X в. Однако и большинство других металлических изделий пока не может быть поделено между X и XII вв. на основании каких-либо особенностей производства. Возможно, что известная замкнутость Херсона и консервативность техники в средние века столетиями удерживали неизменными приемы литья.

К сожалению, материалы раскопок Херсона лишь в очень незначительной степени могут быть использованы для проверки высказанной гипотезы. Дело в том, что многие памятники Херсона датируются на основании монет, в частности монет с монограммой Ϟ , которые всегда относили к X в. Вследствие этого проверка даты монет с помощью даты памятника в большинстве случаев становится полной бессмысленностью. Кроме того, при многослойности остатков города, жизнь которого продолжалась без перерыва не одно столетие, неизбежно перемешивание слоев, перемещение вещей из слоя в слой. В частности, херсонские монеты X в. постоянно встречаются в слоях XIII—XIV вв. вместе с татарскими и монетами с монограммой Ϟ . Наконец, фиксация находок почти всегда недостаточно точна, что еще больше затрудняет задачу послыонного размещения монет в раскопках и тем самым проверки их даты. Можно привести бесконечное множество подобных примеров. Вот три из них.

В описи монет из раскопок Р. Х. Лепера, составленной Л. Н. Беловой, под № 1, 2, 3 перечисляются монеты, найденные 9 июля 1908 г. в базилике: № 1 — византийская анонимная монета, № 2 — монета с монограммой Ϟ , № 3 — херсонская Василия I⁴⁸. Анонимные византийские монеты выпускались в течение двух столетий, начиная с правления Иоанна Цимисхия. Поскольку в публикации не указан тип монеты, ее дату нельзя установить. Но допустим, что она принадлежала самому раннему типу: конца X — начала XI в. Остается неизвестным, найдены ли две другие монеты вместе с ней или отдельно, на одном уровне или на разных, связываются ли они как-то с датой раскапываемого памятника или оказались там случайно.

В другом месте на полу сгоревшего дома XII—XIII вв. в южном помещении найдена монета с монограммой Ϟ . Однако в северном по-

⁴⁷ D. Talbot Rice. Byzantine glazed pottery. Oxford, 1930, стр. 77, № 11—12, рис. 6.

⁴⁸ Л. Н. Белова. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1908—1912 гг.— Хсб., вып. III. Севастополь, 1931, стр. 145.

мещении того же дома (тоже на полу?) оказалась позднебоспорская монета ⁴⁹. Последняя никак не может датироваться XIII в., а это ставит под сомнение и возможность датировки монеты с монограммой Ϛ временем слоя.

Наиболее подробными и точными являются отчеты экспедиции Г. Д. Белова. Но и в них в большинстве случаев фиксация недостаточно точна для того, чтобы можно было с уверенностью относить интересующие нас монеты к определенному слою. Например, помещение 1 в квартале XVII (раскопки 1940 г.) является одним из немногих, где, по словам авторов, прослеживается стратиграфия позднесредневековых слоев ⁵⁰. На глубине 21 см от уровня поздне-средневекового пола обнаружен пол, который датируется X в. В засыпи между ним и полом XIII в. найдены монеты Романа I с монограммой Ϛ (в отчете — Роман II) и Василия I и обломки белоглиняной поливной посуды. В том же помещении на уровне 57 см от позднесредневекового пола обнаружен раннесредневековый пол VI в. Засыпь между ним и полом X в. содержала монеты Романа I (с монограммой Ϛ) и Льва VI, т. е. того же времени, что и над полом X в. Судя по отчету, среди них не было монет с монограммой Ϛ , что, казалось бы, подтверждает высказанную гипотезу о дате последних. Однако в описании монет, приложенном к отчету, упоминаются еще следующие монеты из того же помещения: Василия I и Константина (под черепичным завалом), Константина VII и Романа II (под черепичным завалом, у юго-западной стены), Василия I (ниже уровня подошвы на 90 см. Следовательно, ниже пола VI в.? — И. С.), Льва VI и Никифора Фоки (там же), Константина VII (2-й слой) и семь экземпляров монет с монограммой Ϛ (по отчету — Романа I), которые все записаны просто во 2-й слой ⁵¹. Возникает вопрос, куда относить монеты с монограммой Ϛ , помеченные «2-й слой»? Ведь обычно в отчетах Г. Д. Белова этим термином обозначались слои IX—XIII вв. Если, судя по отчету, в слоях IX—X вв. монет не было, то значит они принадлежат более позднему времени? К сожалению, отчет не дает ответа на этот вопрос.

Повторяем, неточности отчетов затрудняют проверку высказанной гипотезы. Тем важнее немногие бесспорные данные, свидетельствующие в пользу датировки монограммы Ϛ XII—XIII вв. Клады этих монет прежде всего происходят из слоев, относящихся к последним векам существования города: небольшой клад в могиле № 23 в храме 1897 г. ⁵², находка кладового характера в могиле

⁴⁹ Л. Н. Белова. Описание монет, найденных при раскопках северовосточной части Херсонеса в 1908—1912 гг. — Хсб., вып. III. Севастополь, стр. 150.

⁵⁰ Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Квартал XVII (отчет о раскопках). — МИА, 34. М., 1953, стр. 124—125.

⁵¹ Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 124—125, 136—140, 269—271.

⁵² ОАК за 1897 г., стр. 97.

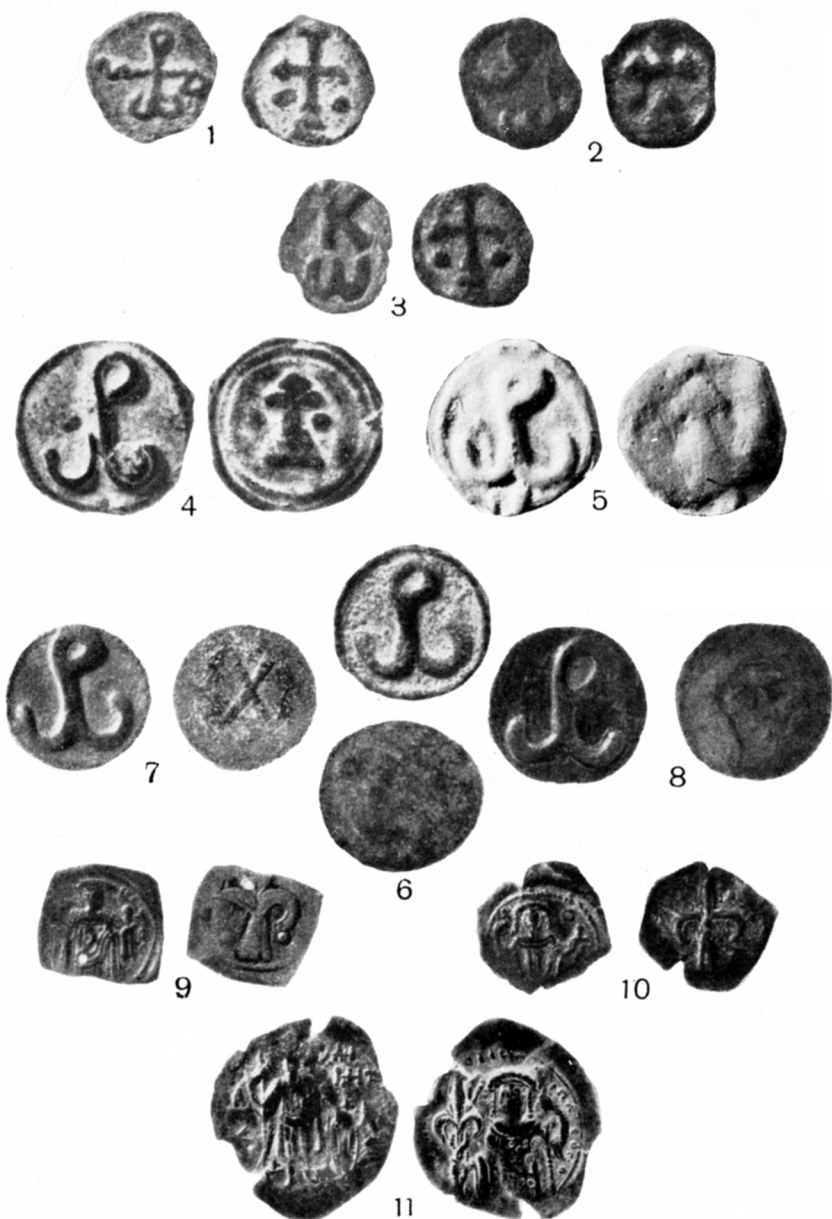

Табл. I. Монеты Херсона и Византии.

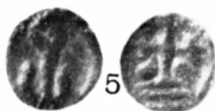
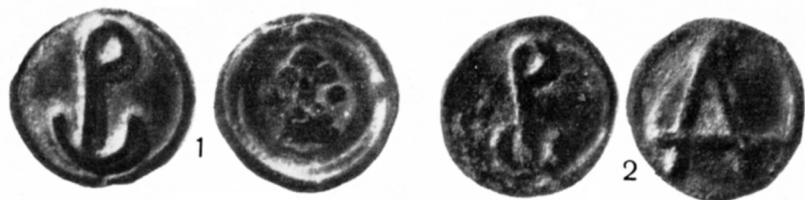

Табл. II. Монеты Херсона и Византии.

храмика XII в. (раскопан экспедицией Херсонесского музея в 1964 г.)⁵³. Особенно замечательны два других клада. Первый найден при раскопках 1893 г. на северном берегу моря близ монастырского кладбища в подвале большого здания XIII в. с террасой. Он содержал 192 монеты с монограммой $\mathfrak{L}$, средней величины, одного типа⁵⁴. Другой был обнаружен во время раскопок Г. Д. Белова в 1955 г. и состоял из семи монет, лежавших стопочкой в углу помещения XIII—XIV вв.⁵⁵

В редчайших случаях счастливые для археолога обстоятельства создали условия, когда слой X в. был отделен от последующих насыпью, не потревоженной интенсивной застройкой более позднего времени. Такое залегание слоев было обнаружено на участке экспедиции Г. Д. Белова в 1931—1932 гг. На участке 1931 г. «стены помещений 9а, 12а и 21а оказались настолько глубоко засыпанными, что совершенно не были видны на поверхности» к началу следующего строительного периода. «Поэтому в следующий строительный период распланировка новых зданий произведена была иногда заново, например, переулок прошел над помещением 9а на высоте 2 м от его пола»⁵⁶. На полу помещения 9а, датированного VI—X вв., найдено 74 монеты: 1 — с изображением Асклепия и Гигиены, 1 — позднехерсонесская III в., 2 — Константина II, 1 — Константина II; херсонские: 15 — Василия I, 1 — Льва VI, 16 — Романа I с монограммой $\mathfrak{L}$ (Роман II «Отчета»), 20 — Константина VII и его же с Романом II, 1 — Иоанна Цимисхия и 6 — Василия II. Монеты аналогичного состава — Василия I, Льва VI и Александра, Константина VII, Романа I (с монограммой $\mathfrak{L}$), Василия II найдены на полу в помещении 12а⁵⁷. В цистерне «И», целиком заполненной насыпью второго слоя, на дне было найдено 75 монет Херсона: Михаила III и Василия, Льва VI, Льва VI и Александра, Константина VII и его же с Романом II, Романа I (с монограммой $\mathfrak{L}$), Иоанна Цимисхия и Василия II⁵⁸. Приведенные списки хорошо иллюстрируют заключение автора отчета, что «монеты, найденные в большом количестве на полу помещений 9а, 12а и других, относятся к IX—X вв., более поздних монет не найдено»⁵⁹. Действительно, помещения 9а, 12а и цистерна «И» продемонстрировали весь набор херсонских монет IX—X вв., включая и отсутствующие в кладах монеты Михаила III и Василия, однако среди них не нашлось ни одной с монограммой $\mathfrak{L}$. Развивая заключение автора «Отчета», нужно сделать вывод, что монеты с монограммой $\mathfrak{L}$ не относятся к X в.

⁵³ Сообщение Л. Г. Колесниковой. Автор пользуется случаем выразить ей свою благодарность.

⁵⁴ ОАК за 1893 г., стр. 3.

⁵⁵ Хсб., вып. V. Симферополь, 1959, стр. 31.

⁵⁶ МИА, 4, 1941, стр. 208.

⁵⁷ Там же, стр. 207.

⁵⁸ Там же, стр. 208, 270—272.

⁵⁹ Там же, стр. 208.

Совершенно иная картина открывается в помещениях следующего периода, располагавшихся на том же участке над описанными выше помещениями. В доме 3 (1-й слой, помещение 3) найдены монеты с монограммой Ϛ и Иоанна Цимисхия. В колодце дома 4 найдены монеты Василия I и с монограммой Ϛ . В помещении 15 дома 6 на полу кладовой найдены монеты Василия I, Льва VI, Романа I (с монограммой Ϛ), Константина VII, Иоанна Цимисхия и с монограммой Ϛ . В кладовой дома 7 (помещение 14) найдено по одной монете Лициния, Константина II и Льва V, 3 — Василия I, по одной монете Константина Порфирородного и Романа I (с монограммой Ϛ) и 15 монет с монограммой Ϛ ⁶⁰.

Очень интересный материал дает цистерна под помещением V в раскопках 1932 г. Заброшенная уже в VI в., она в течение последних шести-семи столетий служила для свалки мусора. В верхней части она содержала обломки поливной посуды белой и розовой глины с «акварельным орнаментом» и монеты: Василия I — 1, Константина VII — 3, Романа I — 3, Василия II — 1, с монограммой Ϛ — 13 и одну монету Мануила Комнина константинопольского монетного двора. Цистерну перекрывала насыпь, содержащая монеты Василия I, Константина VII, Романа I и монеты с монограммой Ϛ ⁶¹. Монета Мануила I Комнина (1143—1180 гг.) точно датирует слой, содержавший монеты с монограммой Ϛ . Это тот же самый XII в., который определили для этих монет раскопки Саркела, Тмутаракани и Изяславля. Если вспомнить, что известно девять типов монет с монограммой Ϛ , то можно допустить, что начатый в XII в. выпуск их продолжался и в XIII в.

Таким образом, существуют бесспорные археологические свидетельства о разнообразности монет IX—X вв. и монет с монограммой Ϛ и о принадлежности последних XII—XIII вв. Для того, чтобы прочно утвердить за монетами с монограммой Ϛ дату XII—XIII вв. и, вероятно, название анонимных, чтобы установить последовательность выпуска различных типов этой группы, нужны новые, точно фиксированные находки. Можно не сомневаться, что они появятся, но и сейчас уже нельзя игнорировать материал кладов и раскопок перечисленных выше городищ и самого Херсона и относить данные монеты к Роману I или к какому-либо другому императору IX—X вв.

---

⁶⁰ МИА, 4, 1941, стр. 211—216.

⁶¹ Г а м ж е, стр. 222—224.

ОБЗОР МОНЕТНОГО ДЕЛА СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

В. А. АНОХИН

(Киев)

В конце III в. н. э. античный Херсонес прекращает выпуск собственной монеты. В Херсонес устремляется поток римских медных монет общеимперского образца. В течение двух столетий (конец III — конец V в.) потребности внутреннего денежного обращения Херсонеса, или Херсона, как он стал называться в средние века, по-видимому, полностью удовлетворялись привозной монетой, и лишь с конца V в. город возобновляет чеканку.

Новый период монетного дела Херсона можно расчленить на два этапа. На раннем этапе (конец V — середина VII в.) город выпускал монеты нерегулярно; основным методом производства монет являлась чеканка; типы монет соответствовали общевизантийскому образцу. Поздний этап монетного дела Херсона охватывает в основном рамки середины IX — начала XI в. Однако точные даты начала и конца периода, равно как и датировка отдельных групп в пределах его, еще подлежат уточнению. Монеты на позднем этапе выпускались регулярно из правления в правление и в больших количествах.

Основным методом производства монет являлась групповая отливка в глиняных формах. Производство монет способом отливки не позволяло воспроизводить изображения с большим количеством деталей, поэтому типология монет позднего этапа чрезвычайно проста: одна-две начальные буквы имени императора на лицевой стороне и крест или монограмма титула на оборотной стороне. В целом херсоно-византийские монеты позднего этапа имеют совершенно неповторимый облик, резко отличающий их от продукции других монетных дворов Византии.

Ранний этап херсоно-византийской чеканки начинается особым типом монет Зенона (474—491 гг.), выделенным Л. Н. Беловой из

общей массы монет этого императора *rag provenance*¹. На монетах не указано место чеканки, что, с одной стороны, не препятствует предположению о выпуске их херсонским монетным двором, но, с другой стороны, не позволяет утверждать это с полной уверенностью.

Следующая серия монет уже бесспорно может считаться продукцией херсонского монетного двора. При Юстиниане (527—565 гг.) в Херсоне были выпущены мелкие монеты достоинством 5 нуммий (пентануммий) двух типов с общим для обоих изображением на лицевой стороне бюста императора и на оборотной — монограммой, заключающей в себе название города², или изображением воина в полный рост и надписью VICTOR или VICTORIA AVGGGE³. Каждый тип пентануммия имеет большое количество вариантов, что может свидетельствовать о продолжительности или большом объеме чеканки.

Последняя уверенно определяемая и хорошо датируемая группа херсоно-византийских монет раннего этапа была выпущена при императоре Маврикия (582—602 гг.). Поскольку все монеты Маврикия херсонской чеканки имеют на оборотной стороне изображение Феодосия — сына Маврикия, родившегося в 683 г. и коронованного в 589 г., их выпуск следует отнести к 589—602 гг.⁴

Херсонские монеты Маврикия можно разделить на три серии. К первой, хронологически, по-видимому, более ранней, относятся монеты в 40 нуммий (фоллисы) общеимператорского образца с изображением императора, его жены Константины и надписью *Χερσωνος*⁵ на лицевой стороне и уже упомянутым изображением Феодосия с посохом и цифрой М (40) на оборотной стороне⁶. Младшим номиналом в этой серии является известный только по литературе единственный экземпляр полуфоллиса, имеющий те же изображения и надпись, что и фоллис, но с цифрой К (20)⁷. Фоллисы первой серии немногочисленны.

¹ Л. Н. Белова. Неизданные монеты Херсонеса. — СА, VII, 1941, стр. 327, № 2, табл., 2—3.

² А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты. — Труды МНО, т. III, вып. 2. М., 1905 (далее — О р.), стр. 362—363, № 1—3, табл. VIII, 1—3; И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. IV. СПб., 1913, табл. 26, № 519 (две), 520.

³ Л. Н. Белова. Указ. соч., стр. 327—328, № 3—4, табл., 4—6; И. И. Толстой. Указ. соч., вып. IV, табл. 26, № 514—515.

⁴ О р., стр. 363. Несколько иные даты рождения Феодосия (584 г.) и начала чеканки (596—597 гг.) этих монет дает W. W o t h (Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum, t. I. London, 1908, стр. XXII).

⁵ Ж. Сабатье (Description générale des monnaies byzantines, т. I. Paris, 1862) дает рисунок такого же экземпляра, но с надписью DN MAV PPAV (стр. 249, табл. XXVI, 2I). В существовании такой монеты совершенно обоснованно сомневался И. И. Толстой (указ. соч., вып. V. СПб., 1913, стр. 566). До настоящего времени монет с буквой М и такой надписью не обнаружено.

⁶ О р. VIII, 4; И. И. Толстой. Указ. соч., вып. V, табл. 40, № 327—328.

⁷ С. Реноп. Médailles Byzantines inédites. — RNB, т. VI, 1892, стр. 186, табл. VIII, 5.

Ко второй и третьей сериям принадлежат монеты таких же типов, что и к первой, с той, однако, разницей, что старший и младший номиналы, представляющие соответственно те же фоллис и полуфоллис, обозначены цифрами Η (8) и Δ (4). В основе номиналов обеих серий лежит единица, равная пентануммию⁸. Вторая и третья серии различаются по надписи лицевой стороны. На монетах второй серии стоит DN MAVRIC PP AVG⁹, на монетах третьей серии — ΧΕΡΣΟΝΟΣ¹⁰. В одновременности второй и третьей серий вряд ли можно сомневаться, однако их относительная хронология неясна и в значительной степени условна.

В пользу относительного старшинства монет третьей серии говорит, казалось бы, то, что они имеют общую с монетами первой серии надпись лицевой стороны (ΧΕΡΣΟΝΟΣ). Однако именно монеты третьей серии встречаются с надчеканками времени Ираклия. Последнее обстоятельство кажется более весомым, тем более, что и название города писалось в обоих случаях по-разному: на монетах первой серии — через омегу, на монетах третьей серии, как правило, — через омикрон.

Обычно считается, что после Маврикия в деятельности херсонского монетного двора наступает продолжительный перерыв до 866 г.¹¹ Есть, однако, ряд нумизматических фактов, которые позволяют несколько сократить этот перерыв. Как уже упоминалось, среди фоллисов Маврикия третьей серии встречаются монеты с надчеканкой в виде монограммы, составленной из букв Η (H) и Ρ¹². Монограмма читается всеми исследователями как имя императора Ираклия (ΙΕΡΑΚΛΙΟΥС), правившего в 610—641 гг. Эти надчеканенные фоллисы обычно описываются среди монет Маврикия, хотя, вне всякого сомнения, их следует относить к царствованию Ираклия. Можно, таким образом, распространить деятельность монетного двора Херсона и на правление Ираклия, при котором в Херсоне надчеканивались фоллисы Маврикия. Аналогичные события имели место и в Сицилии, где при Ираклии местный монетный двор надчеканивал не только фоллисы ранее царствовавших императоров (Анастасия, Юстина I, Юстиниана), но и самого Ираклия¹³.

Неоспоримый факт возобновления при Ираклии деятельности херсонского монетного двора после восьмилетнего перерыва в правление Фоки, на что ранее не было обращено должного внимания,

⁸ Это мнение было высказано впервые П. Ламбросом (Bulletin de l'École française l'Athènes, 1868, стр. 80) и никем с тех пор не оспаривалось.

⁹ И. И. Т о л с т о й. Указ. соч., вып. V, стр. 567—569, № 330—338, табл. 40 (фоллис), № 344—345, табл. 41 (полуфоллис).

¹⁰ О р. VIII, 5—10 (фоллис), 11—12 (полуфоллис); И. И. Т о л с т о й. Указ. соч., вып. V, стр. 568—570, № 339—343, табл. 41 (фоллис), № 346—348, табл. 41 (полуфоллис).

¹¹ О р., стр. 360.

¹² О р. VIII, 8; И. И. Т о л с т о й. Указ. соч., вып. V, табл. 41, № 343.

¹³ W. W g o t h. Указ. соч., стр. XXV, 237—240, табл. XXVIII.

подкрепляет херсонскую атрибуцию незаслуженно забытого особго типа фоллиса этого императора. На монетах помещены изображения трех фигур в полный рост: Ираклия, его сына Константина на лицевой стороне (вокруг изображений легенда — DDNNHETHEPACON) и жены императора — Мартины — на оборотной. Слева от Мартины цифра Н¹⁴. Н. Мурзакевич и И. И. Толстой не сомневались в херсонском происхождении монет такого типа, тогда как А. В. Орешников оставлял вопрос открытым до тех пор, пока таковые не будут найдены в самом Херсонесе¹⁵. Эта осторожность кажется не лишней, поскольку оба известных экземпляра были приобретены за границей (один — в Константинополе, другой — в Вене), хотя с чисто нумизматической стороны нет возражений к тому, чтобы считать их чеканенными в Херсоне. Не говоря уже о том, что типологически они весьма близки к херсонским монетам Маврикия, об их херсонском происхождении свидетельствует знак номинала — Н. А. В. Орешников остерегался приписать эти монеты Херсону, равно как и монеты Маврикия с титулом и именем императора (вторая серия)¹⁶, на том основании, что аналогичный знак ценности (Н) встречается на монетах Фессалоники. Следует сказать, однако, что смешивать эти цифры нельзя, поскольку, во-первых, Н как знак ценности встречается в Фессалонике лишь при Юстиниане, и, во-вторых, там эта цифра означает 8 нуммий, т. е. $\frac{1}{5}$ фоллиса, а в Херсоне — 40 нуммий, т. е. фоллис¹⁷. По размерам те и другие монеты соответствуют обозначенным на них номиналам. Безусловно, факт находки подобных монет на городище Херсонеса подкрепил бы мнение об их херсонском происхождении, однако с точки зрения методики исследования ему нельзя придавать решающего значения, так как в Херсонесе могут быть найдены монеты различных монетных дворов. Впрочем, независимо от атрибуции вышеописанных монет, деятельность херсонского монетного двора при Ираклии может быть признана неоспоримым фактом.

Совершенно особую группу херсоно-византийских монет составляют литые полуфоллисы, повторяющие типы чеканенных полуфоллисов Маврикия. Эти монеты были изданы А. В. Орешниковым¹⁸ и Л. Н. Беловой¹⁹. А. В. Орешников относил монету к правлению Маврикия, Л. Н. Белова видела в изображениях на монетах фигуры Маврикия, его жены и сына. С этим нельзя не согласиться, поскольку

¹⁴ Н. Мурзакевич. Херсонская монета императора Ираклия I. — ЗООИД, т. XI. Одесса, 1879, стр. 316, рис.; И. И. Толстой. Указ. соч., вып. VI. СПб., 1914, стр. 700, № 371, табл. 51.

¹⁵ О р., стр. 360.

¹⁶ О р., стр. 360, прим. 2 и 3.

¹⁷ О том, что цифры Н и Δ в Херсоне обозначали бóльшую стоимость, чем в Фессалонике, писал еще Б. Кене (Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848, стр. 157).

¹⁸ А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты. (Дополнение). — НС, I, 1911 (далее — О р. Д о п.), стр. 108, № 2, табл. В, 2.

¹⁹ Л. Н. Белова. Указ. соч., стр. 328, № 5, табл., № 7.

ку факт копирования монет Маврикия не вызывает сомнений, однако относить эти монеты ко времени Маврикия нельзя. Чеканка Маврикием на протяжении всего 13 лет — 589—602 гг., а по мнению W. Wroth'a, и того менее — 596/7—602 гг. — трех серий монет с большим количеством вариантов каждой серии (особенно второй и третьей) не оставляет ни малейшей возможности допустить выпуск монет совершенно иной техники — литья — в те же годы. Более того, как показано выше, техника чеканки продолжала существовать и при Ираклии. Таким образом, нижнюю дату литых монет нельзя относить ко времени ранее середины VII в. Верхней датой для них является, строго говоря, начало выпуска литых херсоно-византийских монет IX в., хотя, конечно, они не могут заполнить всю лакуну. Наиболее вероятным временем выпуска литых полуфоллисов следует считать вторую половину VII в., хотя точная дата может быть установлена лишь при анализе возможно большего числа групповых находок монет, которые содержали бы и эти полуфоллисы.

После бурных событий начала VIII в., когда население Херсона стало объектом жестокой мести со стороны Юстиниана II, город попал в зависимость от хазар, чем, видимо, и следует объяснить прекращение собственной чеканки. Возвращение Херсона под власть Византийской империи в начале IX в. должно было, естественно, привести к оживлению деятельности херсонского монетного двора.

Вопрос о том, в какие годы Херсон возобновил выпуск своей монеты после длительного перерыва, или, иными словами, вопрос о начале позднего этапа в истории херсоно-византийского монетного дела, был решен без каких-либо особых сомнений и дискуссий. Самыми ранними монетами позднего этапа были признаны монеты небольшого размера с буквами МВ на лицевой и ꝥх на оборотной стороне ²⁰. Б. Кене отнес их выпуск ко времени совместного правления Михаила III и Василия (866—867 гг.), расшифровав буквы лицевой стороны как инициалы имен обоих соправителей ²¹. С этим определением они прочно вошли в нумизматическую литературу. Между тем вопрос об атрибуции этих монет не настолько прост и очевиден, как это кажется на первый взгляд.

Буквы лицевой стороны могут быть прочитаны и иным образом — как начальные буквы имени Михаила и его титула (ΒΑΣΙΛΕΥΣ). Б. Кене не допускал возможности такой расшифровки на том основании, что этот титул не встречается на херсонских монетах ²². Это обстоятельство не является решающим по ряду причин.

Во-первых, техника литья, применявшаяся в Херсоне, не позволяла разместить более одной-двух букв на сравнительно небольшой площади монетного кружка, поэтому обычно ставились начальные буквы имени императора. Лишь в X в. на херсонских монетах

²⁰ О р. IX, 13—16.

²¹ Б. К е н е. Указ. соч., стр. 184.

²² Т а м ж е.

появляется титул — ΔΕΣΠΟΤΗΣ — в виде монограммы. Если же говорить о практике константинопольского монетного двора, то там постановка титула ΒΑΣΙΛΕΥΣ рядом с именем на византийских монетах этого времени соблюдалась неукоснительно.

Во-вторых, для начального выпуска, каковым являются монеты с буквами ΜΒ, когда типология монет еще только вырабатывалась, употребление титула рядом с именем императора можно признать вполне оправданным. Более того, если датировать эти монеты временем единоличного правления Михаила (842—866 гг.), то следует признать обязательной постановку какого-то дополнения к начальной букве имени императора, поскольку одна буква Μ могла быть принята за цифру, неизменно помещавшуюся на монетах константинопольского и других монетных дворов начиная с эпохи Анастасия.

И, наконец, в-третьих, сомнение вызывает то, что в качестве исходного пункта позднего этапа монетного дела Херсона взят момент коронования Василия в соправители. Как ознаменование начала совместного правления двух императоров такой выпуск был бы объясним и понятен, однако в таком случае трудно поверить в совпадение коронации Василия с резким изменением политики по отношению к такому важному для империи пункту, как Херсон. Этот факт не находит объяснения ни в личности Василия и обстоятельствах его прихода к власти, ни в истории Херсона. Если уж искать поворотный пункт в истории города в IX в., то им могут быть только события, связанные с миссией Петроны и последовавшей вслед за нею в 834—835 гг. организацией херсонской фемы.

Следует отметить, что весьма заманчивая перспектива связать возобновление деятельности херсонского монетного двора с восстановлением византийской власти в Херсоне при императоре Феофиле (829—842 гг.) и организацией фемы прельщала еще и Б. Кене, однако монеты, которые можно было бы приписать императору Феофилу, тогда отсутствовали²³. Имеется, однако, не приуроченная до сих пор херсонская монета, которая с большой долей вероятности может быть отнесена к правлению Феофила. Эта небольшая литая монета, изданная Л. Н. Беловой²⁴, имеет на лицевой стороне надпись .Ν/ΤΗ, расположенную в двух строках, а на оборотной — ΠΛ. В надписи оборотной стороны следует видеть скорее всего обычную для монет Михаила аббревиатуру ΠΧ (смысл которой заключен, вероятно, в словах ΠΟΛΙΣ ΧΕΡΣΟΝΟΣ), что делает несомненным смежность выпуска тех и других. Ввиду того, что за монетами с буквами ΜΒ, относимыми мной к правлению Михаила (842—867 гг.), следуют подобные им монеты с одной буквой Β, т. е. Василия (866—886 гг.), описываемая монета может только предшествовать монетам Михаила.

²³ Б. В. Кене. Указ. соч., стр. 182.

²⁴ Л. Н. Белова. Указ. соч., табл., рис. 8.

Еще более определенное заключение позволяет сделать анализ легенды лицевой стороны. Сложившаяся в Херсоне в IX в. практика позволяет утверждать, что на лицевой стороне монет помещалось имя императора, представленное одной-двумя буквами. Учитывая относительную хронологию описываемой монеты, единственно возможной, на мой взгляд, была бы дешифровка букв лицевой стороны как титула и начальных букв имени императора Феофила — DN TH [EOFILUS].

Несколько устаревшим для IX в. выглядит использование вместо греческого латинского языка, вышедшего из употребления в Византии с 70-х годов VIII в., однако мы не знаем, каково было положение на этот счет в Херсоне, не говоря уже о том, что передача латинским алфавитом греческих слов и букв и вообще употребление латинских форм все еще практиковались в это время резчиками константинопольского монетного двора²⁵.

Суммируем вышеизложенное. Рассмотренные в совокупности монеты с буквами MB и · NTH позволяют предположить, что возобновление херсонского монетного дела в IX в. произошло не при совместном правлении Михаила и Василия, а при Феофиле, скорее всего в заключительные годы его правления, и связано оно с восстановлением власти Византии в Херсоне и организацией херсонской фемы. Выпуск монет при Феофиле был, видимо, незначительным. Гораздо интенсивней монетный двор работал при Михаиле, выпуская небольшие монетки примерно такого же вида, что и при Феофиле, но с буквами MB. Во время совместного правления Михаила и Василия, по моему мнению, херсонский двор монет не выпускал, что согласуется с отсутствием монет Михаила и Василия в чеканке меди других провинциальных монетных дворов.

К единоличному правлению Василия I (867—886 гг.) относят три различных типа монет: небольшого размера, повторяющих тип монет Михаила, но более аккуратных по виду и с буквой В на лицевой стороне²⁶; большего размера и с иными изображениями: В — на лицевой стороне, крест — на оборотной²⁷; и еще более крупного размера с буквами кВѡ на лицевой стороне, которые считаются выпущенными от имени Василия I и его старшего сына Константина²⁸. Атрибуция монет первого типа вряд ли может вызвать возражения. Их полная идентичность с монетами Михаила не оставляет никаких сомнений в смежности выпуска тех и других.

Наличие на этих монетах и монетах следующего типа буквы В свидетельствует о принадлежности обеих групп одному правителю. Отмеченные особенности определяют и относительную хронологию

²⁵ Ср. И. И. Толстой. Указ. соч., вып. IX. Петроград, 1914, стр. 982, прим., стр. 966, № 3.

²⁶ О р. IX, 18—19; О р. Д о п., табл. В, 5.

²⁷ О р. IX, 20—22; О р. Д о п., табл. В, 8—11.

²⁸ О р. IX, 23.

обеих групп — первая является, несомненно, более ранней, о чем писал уже Б. Кене ²⁹, и относится к начальному периоду правления Василия, вторая — более поздней, охватывающей заключительный период его царствования.

Абсолютные датировки херсоно-византийских монет Василия, предложенные Ж. Сабатье ³⁰ и принятые в значительной своей части другими исследователями, построены на чисто византийском материале — чеканке константинопольского монетного двора — и для Херсона неприемлемы. Из монет, выпущенных от имени императора и его сыновей-соправителей (а именно на этом основано хронологическое членение чеканки Василия), для монетных серий Херсона можно отметить лишь один вышеупомянутый третий тип — с инициалами якобы Василия I и Константина. Между тем принадлежность этих монет Василию I весьма спорна, а на мой взгляд, — мало вероятна.

Какие же факты дают основание отрицать принадлежность монет с буквами кВω Василию I? Это прежде всего данные анализа кладов херсоно-византийских монет. Всего известно 11 кладов и групповых находок монет в помещениях, сокрытие которых с полным основанием связывается с осадой и взятием Херсона киевским князем Владимиром в 988—989 гг. ³¹ Из этих находок, содержащих почти все типы монет IX—X вв., за исключением мелких монет начальных выпусков, монет с монограммой $\mathfrak{L}$ и некоторых редких типов, лишь одна находка 1912 г., восстановленная А. М. Гилевич по дневникам Р. Х. Лепера ³², содержала такую монету. Если А. М. Гилевич и не оказалась жертвой допущенного Р. Х. Лепером смещения монет из разных слоев, один этот случай не может опровергнуть убедительные показания других кладов об отсутствии этих монет в денежном обращении Херсона IX—X вв.

Необъяснимым остается тот факт, что указанные монеты, представляющие, очевидно, вдвое больший по сравнению с обычными монетами Василия I номинал, выпускались только от имени его и его сына и не выпускались ни от имени одного Василия, ни в последующие правления вплоть до XI в.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что монеты с буквами кВω по своему виду, оформлению лицевой и оборотной стороны точечным ободком, по форме креста и, наконец, по размеру чрезвычайно близки несомненно ранним образцам монет с монограммой $\mathfrak{L}$ ³³. Отсутствие монет с буквами кВω и монограммой $\mathfrak{L}$ в кладах IX—X вв. и их метрологическая и типологическая идентичность не позволяют разделять обе эти группы каким-либо зна-

²⁹ Б. В. К е н е. Указ. соч., стр. 189.

³⁰ J. S a b a t i e r. Указ. соч., т. II. Paris, стр. 106—107.

³¹ Сводка кладов дана в статье А. М. Гилевич (Новый клад херсоно-византийских монет. — ВВ, XXIV. М., 1964, стр. 150—158).

³² А. М. Г и л е в и ч. Указ. соч., стр. 157.

³³ О р. IX, 33—35.

чительным промежутком времени и говорят скорее всего о смежности выпуска тех и других. В последнее время И. В. Соколова начала успешную ревизию традиционных датировок некоторых типов херсонских монет³⁴. Она убедительно показала, что монетам с монограммой J нет места в монетных сериях Херсона IX—X вв.³⁵ То же самое, видимо, следует сказать и о монетах с буквами $\text{KV}\omega$. К вопросу о датировке последних вернемся позже, а пока констатируем, что ко времени правления Василия относятся две различные по времени и, вероятнее всего, по номиналу группы монет с буквой B на лицевой стороне.

За время совместного правления сыновей Василия I, Льва VI и Александра (886—912 гг.) было выпущено четыре типа монет, из них два — от имени одного Льва и два — от имени Льва и Александра.

Хронологически все четыре типа можно разделить на две группы — раннюю и позднюю, которые совершенно приблизительно и условно могут быть датированы 886—900 и 900—912 гг.

К первой группе принадлежит один тип монет Льва³⁶ и один тип монет Льва и Александра³⁷. Относительное старшинство этой группы устанавливается на основании сходства (буквы AC или AA — крест) с монетами Василия I. Во второй группе, к которой также относятся монеты, выпущенные и от имени одного Льва, и от имени Льва и Александра, схема меняется: на лицевой стороне монет Льва появляется погрудное изображение императора, на оборотной стороне по обеим сторонам креста располагаются буквы A и C ³⁸; на лицевой стороне монет Льва и Александра помещаются буквы AA по обеим сторонам креста, на оборотной — крест³⁹. Сравнительно поздняя датировка второй группы может быть обоснована наличием в ней монет Льва с изображением императора, послуживших, по-видимому, прототипом для «портретных» серий эпохи Константина и Романа I.

От единоличного правления Александра, продолжавшегося многим более одного года (11 мая 912 г.— 6 июля 913 г.), до нас дошел всего лишь один тип монет, известный в небольшом количестве экземпляров⁴⁰.

Последовательность монетных выпусков следующего пятидесятилетия (913—963 гг.) является одной из самых сложных проблем

³⁴ И. В. Соколова. Херсонесские монеты X в. с портретами императоров. — НЭ, V. М., 1965, стр. 116—120; см. также ее статью «Датировка некоторых монет Херсона» в настоящем сборнике.

³⁵ И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона.

³⁶ О р. IX, 25—26.

³⁷ О р. IX, 27—28.

³⁸ О р. IX, 24.

³⁹ О р. IX, 29—30.

⁴⁰ О р. IX, 31. Принадлежность Александру еще одного типа монет (О р. Д о п., табл. В, 13) не может считаться доказанной из-за иных форм буквы A и креста.

средневековой нумизматики Херсона. Причины этой сложности заключаются в том, что в указанное время правили два императора с одинаковым именем — Роман I (920—944 гг.) и Роман II (959—969 гг.) — и оба они являлись соправителями Константина VII Багрянородного (913—959 гг.)⁴¹.

Изучению хронологии монет этого периода посвящены две статьи И. В. Соколовой. В одной работе И. В. Соколова касается монет, выпускавшихся в начальные годы правления Константина VII и Романа I⁴². Ко времени царствования Константина VII под регентством его матери Зои И. В. Соколова относит редкие монеты с двумя изображениями⁴³, в которых она видит изображения Константина и Зои, и датирует их 913—919 гг.⁴⁴ К началу правления Романа I до коронации его сыновей Стефана и Константина, т. е. к 920—924 гг., она относит монеты с изображением на аверсе и монограммой Ϟ на реверсе⁴⁵. И наконец, коронацией Христофора (921 г.) она датирует монеты с изображениями на аверсе и реверсе и буквами Р—О и Х—Р⁴⁶. Следует отметить, что, по мнению автора, для литья последних были использованы формы предыдущих выпусков: оборотная сторона (женский портрет) — с монет Константина и Зои, лицевая сторона (мужской портрет) — с монет Романа⁴⁷.

В другой работе И. В. Соколова уточняет датировку двух групп монет Константина — с изображением⁴⁸ и крестом⁴⁹. Первую она относит к кратковременному моменту единоличного правления Константина VII между изгнанием Зои и коронацией Романа I, т. е. к 919—920 гг., вторую — к столь же непродолжительному моменту правления одного Константина между удалением Романа I и коронацией сына Константина — Романа II, т. е. к 944—945 гг.⁵⁰

Общая датировка И. В. Соколовой монет с портретными изображениями почти не вызывает возражений, хотя последовательность выпуска отдельных групп может быть представлена и в несколько ином виде.

Опорой датировки всех типов монет с портретными изображениями являются монеты с буквами Р—О и Х—Р. Датировка их 921 г. — годом коронации Христофора — вряд ли может быть осно-

⁴¹ Роман II являлся соправителем своего отца Константина VII с апреля 945 г.

⁴² И. В. Соколова. Херсонесские монеты X в. с портретами императоров, стр. 116—120.

⁴³ О р. X, 43.

⁴⁴ И. В. Соколова. Херсонесские монеты..., стр. 120, табл. I, 1—3.

⁴⁵ О р. X, 49—50; И. В. Соколова. Херсонесские монеты..., стр. 120, табл. I, 4—6.

⁴⁶ О р. X, 42; И. В. Соколова. Херсонесские монеты..., стр. 120, табл. I, 7, 9.

⁴⁷ И. В. Соколова. Херсонесские монеты..., стр. 119—120, табл. I, 10—11.

⁴⁸ О р. X, 44—46; О р. Д о п., табл. В, 16.

⁴⁹ О р. X, 47; О р. Д о п., табл. В, 17.

⁵⁰ И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона, стр. 88—89.

рена. Одно из портретных изображений, как это было установлено И. В. Соколовой, является несомненно женским. Трудно поверить в случайность появления этого изображения на монете. Доказываемое И. В. Соколовой заимствование для этих монет штампа монет Константина и Зои, который уже не употреблялся минимум два года (919 г.), при наличии в эти два года выпуска монет от имени одного Константина и одного Романа, представляется трудно объяснимым и даже загадочным. Понять предлагаемую И. В. Соколовой датировку отдельных групп монет с портретными изображениями можно лишь в том случае, если принять практику выпуска монет в Константинополе как эталон для точного копирования ее всеми провинциальными монетными дворами, включая и Херсон. Такое представление довлеет над всеми исследователями, в той или иной степени касавшимися херсоно-византийских монет; не избежала этого и И. В. Соколова.

Между тем монетное дело Херсона обнаруживает гораздо большую простоту и не всегда откликается на те нюансы в изменении состава царствующего дома, на которые так чутко реагирует монетный двор столицы. Конечно, использовать данные константинопольской чеканки при изучении монетного дела Херсона необходимо, но нельзя укладывать последнее в прокрустово ложе первой. Например, с формальной точки зрения И. В. Соколова права, относя единственных два типа монет Константина VII — с изображением и крестом — к двум периодам его единоличного правления — в 919—920 и 944—945 гг., однако в этом случае получается, что в остальной более чем сорокалетний промежуток времени от его имени вообще не выпускалось монет.

Возвращаясь к монетам с мужским и женским изображением и буквами Р—О и Х—Р, отметим, что единственной женщиной, которая могла быть представлена на монетах в 921 г., являлась Елена, дочь Романа, ставшая женой Константина VII в 920 г.

В таком случае в мужском изображении на другой стороне монет можно видеть портрет самого Константина VII или, может быть, Романа I, поскольку это изображение заимствовано с монет Романа I, как доказывает И. В. Соколова. Вместе с дополнительными буквами Х—Р, означающими начало имени Христофора, или поясняющими буквами Р—О (Роман) эта «комплексная» монета отражает весь состав царствующей семьи на 921 г.

Если это так, то монеты с двумя изображениями, приписанные И. В. Соколовой Константину VII и Зое, являются скорее всего монетами Константина VII и Елены и должны датироваться всего одним годом (920—921 гг.), что вполне согласуется с их немногочисленностью⁵¹. К этому же времени должны быть отнесены и монеты одного Романа I с его изображением.

---

⁵¹ По данным А. М. Гилевич, в собрании ГХМ имеется всего 10 таких монет, включая и монеты с буквами Р—О и Х—Р.

При такой датировке легко заполняется весь начальный период правления Константина, т. е. 913—920 гг. В это время могли быть чеканены лишь монеты с начальными буквами имени Константина (Ϟ) и его изображением, которые образуют, таким образом, переходный этап между портретной серией Льва и только что рассмотренными монетами 920—921 гг. Они известны в довольно большом количестве, многообразны по вариантам и, что очень важно, по наблюдениям И. В. Соколовой, не имеют точек соприкосновения с последующей чеканкой Константина (монеты типа Ϟ — крест) ⁵².

Сразу же после воцарения Роман I быстро заслонил молодого императора и овладел всеми браздами правления. Видимо, еще в 20-х годах X в. Херсон выпускает монеты Романа нового типа: на лицевой стороне — построенная на основе креста монограмма имени Романа Ϟ (известен вариант Ϟ или Ϟ) ⁵³. Литье их продолжалось до изгнания Романа I его сыновьями Стефаном и Константином в 944 г.

Выпускались ли в этот период Херсоном монеты от имени Константина VII? И. В. Соколова склонна ответить отрицательно на этот вопрос, допуская такую возможность лишь для конца правления Романа I ⁵⁴. Мне кажется более вероятным положительный ответ на этот вопрос, и вот почему. Единоличное правление Константина VII, к которому И. В. Соколова склонна отнести монеты типа Ϟ — крест, продолжалось всего три месяца — от 27 января до апреля 945 г., и просто невозможно представить себе, что вся масса монет этого типа была выпущена за такой короткий промежуток времени. Можно допустить, что выпуск монет от имени одного Константина продолжался и при соправлении последнего с Романом II, т. е. в 945—959 гг., и это более вероятно, чем предположение И. В. Соколовой, однако этому, кажется, несколько противоречит наличие совместных монет Константина VII и Романа II с иной, монограмматической передачей имени Константина ⁵⁵. Наиболее же вероятно параллельность выпуска монет от имени одного Константина с монетами Романа I, тем более, что совместность на каком-то этапе их выпуска доказана И. В. Соколовой ⁵⁶.

Как уже упоминалось, правление Константина VII и Романа II (945—959 гг.) представлено монетами с монограммами их имен. Каких-либо данных, могущих подвергнуть сомнению атрибуцию и датировку этих монет, не имеется.

Столь же несомненна датировка монет трех последующих правлений. Монеты с монограммой Ϟ и буквами Ϟ ⁵⁷ принадлежат ко времени совместного правления Романа II и Василия II (960—

⁵² И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона, стр. 89.

⁵³ О р. X, 51—53; О р. Д о п., табл. В, 15.

⁵⁴ И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона, стр. 89.

⁵⁵ О р. X, 48.

⁵⁶ И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона, стр. 88.

⁵⁷ О р. X, 55—56.

963 г.). Монеты Херсона, которые относились бы к правлению одного Романа (ноябрь 959 г.— апрель 960 г.), — не известны.

Никифору (963—969 г.) и Иоанну Цимисхию (969—976 г.) принадлежат монеты с монограммами на лицевой стороне их имен (ϠϠ* и ϠϠ) и на оборотной — титула ΔΕΣΠΟΤΗΣ (в более простой форме ΔϠ на монетах Никифора и более сложной ϠϠ — на монетах Иоанна)⁵⁸.

К долговременному правлению Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.) относят два типа монет — с монограммами имени Василия и титула ΔΕΣΠΟΤΗΣ (монограмма титула по форме идентична той же монограмме монет Иоанна Цимисхия)⁵⁹ и с начальными буквами имен Василия (βα) на аверсе и Константина (κωτ) на реверсе⁶⁰. Атрибуция этих монет также не подлежит сомнению. Анализ кладового материала позволяет установить относительную хронологию обоих типов. Как уже говорилось выше, сокрытие кладов в самом Херсоне и его округе и образование комплексов монет в связи с гибелью отдельных построек совершенно правомерно связываются с осадой города Владимиром в 988—989 гг. Эти клады, или групповые находки, отражающие состав монетного обращения Херсона на то время, содержат большое количество монет одного Василия II, но не включают совместных монет Василия и Константина. Это дает основание полагать, что монеты с именем одного Василия выпускались в 976—989 гг., хотя ограничивать время выпуска 989 г. нельзя, так как литье их могло продолжаться и после восстановления отношений между Русью и Византией. Ссылка на экономический упадок Херсона после взятия его Владимиром слишком обща, чтобы объяснить и тем более обосновать предположение о прекращении выпуска монет. Точно так же можно предположить с большой долей вероятности, что совместные монеты Василия и Константина выпускались после монет одного Василия, хотя, конечно, отсутствие их в кладах, так же, как и отсутствие ряда других типов монет IX—X вв., можно объяснять ограниченным выпуском этих монет.

Однако если обратить внимание на принципиальное различие типов аверса и реверса обеих групп монет (монограммы — отдельные буквы), то это вместе с анализом групповых находок позволит настаивать на предлагаемой относительной хронологии тех и других.

Прежде чем закончить обзор монет Василия II и Константина IX, следует вернуться к вопросу о датировке монет с буквами κωω. Выше уже говорилось о тех соображениях, которые препятствуют отнесению этих монет ко времени, предшествующему событиям

---

⁵⁸ О р. X, 57; О р. Д о п., табл. В, 18 (Никифор); О р. X, 58 (Иоанн Цимисхий).

⁵⁹ О р. X, 59—60.

⁶⁰ О р. X, 61—62; О р. Д о п., табл. В, 19.

988—989 гг. (они отсутствуют в кладах этого времени), а также о том, что они весьма близки монетам с монограммой L . Поскольку буквы $\text{KV}\omega$ могут быть расшифрованы только как инициалы имен Василия и Константина, а комбинация правителей с такими именами может относиться лишь к Василию II и Константину IX, есть основание приписать и монеты с буквами $\text{KV}\omega$ этим правителям, датировав их, вероятнее всего, уже XI в. К сожалению, подкрепить такой вывод какими-либо дополнительными данными о времени выпуска этих монет не могу.

В заключение коротко остановлюсь на монетах с монограммой L . Этот сюжет специально и подробно разобран И. В. Соколовой⁶¹. Общий вывод автора — о невозможности датировать монеты с монограммой L IX—X вв. — бесспорен. Несколько сложнее обстоит вопрос с отнесением этих монет к XII—XIII вв.⁶² Выделяемые ею четыре типа монет этой группы с общей монограммой L включают монеты с монограммой A на другой стороне. Расшифровка этой монограммы, предложенная еще Б. Кене⁶³, кажется единственно возможной, на мой взгляд, и не допускающей каких-либо сомнений. Если сравнить наиболее сложный вариант этой монограммы, приведенный Б. Кене (A)⁶⁴, с бесспорно читаемой как $\Delta\text{E}\Sigma\text{P}\text{O}\text{T}\text{H}\Sigma$ монограммой на реверсе монет Никифора Фоки (A)⁶⁵, то окажется, что в состав обеих монограмм входят одни и те же элементы — дельта, эпсилон (левый завиток первой монограммы с перекладиной), сигма (правый завиток), пи, тау. Принимаемый И. В. Соколовой за гамму⁶⁶ элемент в упрощенном варианте монограммы (A)⁶⁷ на самом деле является формой тау и находит себе полные аналогии в соответствующем элементе монограммы титула монет Никифора Фоки и написании той же буквы монет Василия II и Константина IX⁶⁸. Таким образом, чтение монограммы как титула $\Delta\text{E}\Sigma\text{P}\text{O}\text{T}\text{H}\Sigma$ вряд ли может быть оспорено.

Если так, то монограмму L на лицевой стороне в полном соответствии с установившейся в Херсоне практикой следует читать только как личное имя императора, т. е. Роман, так как было бы бессмыслицей помещать на монете титул без указания лица, которому он принадлежит. Ввиду того, что правителей с именем Роман в истории Византии насчитывалось всего четыре, два из которых

⁶¹ И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона, стр. 89 и далее.

⁶² Там же, стр. 93.

⁶³ Б. В. Кене. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического, стр. 201, № 6.

⁶⁴ Б. В. Кене. Указ соч., табл. VII, 15. Другой близкий этому вариант издан А. В. Орешниковым (Херсоно-византийская монета Романа I.—НС, I, 1911, стр. 303—304, рис. 1).

⁶⁵ О р. Д о п., табл. В, 18.

⁶⁶ И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона, стр. 94.

⁶⁷ О р. IX, 32.

⁶⁸ О р. X, 62; О р. Д о п., табл. В, 19.

правили в X в., эти монеты можно приписать только двум последним Романам — Роману III Аргирю (1028—1034 гг.) или Роману IV Диогену (1067—1071 гг.). Отдать предпочтение какому-либо из них затрудняюсь, так как в отношении того и другого есть свои за и против.

Что же касается остальных монет с монограммой L^{69} , то для них остаются в силе все замечания И. В. Соколовой, настаивающей на их позднем происхождении. Какие-либо данные, подкрепляющие или уточняющие ее датировку (XII—XIII вв.), могут быть получены лишь при статистической обработке всего нумизматического материала позднего Херсона. Такая обработка этого материала необходима, так как она сможет не только послужить основой для подтверждения или изменения датировок данного обзора, предложенных на основании фактов, лежащих, так сказать, на поверхности, но и позволит проникнуть в глубинные процессы экономической жизни средневекового Херсонеса.

---

⁶⁹ О р. IX, 33—41; О р. Д о п., табл. В, 14.

СРЕБРЕНИКИ КИЕВСКОГО КЛАДА 1876 г.

М. П. СОТНИКОВА

(Ленинград)

Древнейшие русские монеты X—XI вв. киевских князей Владимира Святославича, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого составляют замечательную группу памятников экономики, политики и культуры Руси времени наивысшего расцвета Киевского государства. Их чеканка являлась неудавшейся попыткой создать собственную монету в тот момент, когда приток дирхемов в Южную Русь резко сократился (вторая половина X в.).

Наряду с принятием христианства в качестве официальной государственной религии чеканка собственной монеты была одной из последовательных мер князя Владимира Святославича по укреплению слагавшегося из отдельных племенных союзов единого древнерусского государства и утверждению его независимости и суверенности. Однако ученые, изучающие раннефеодальную монархию Владимира Святославича, не используют монетный материал X—XI вв. Поскольку уже более 85 лет существует великолепная монография И. И. Толстого¹, не устаревшая ни методически, ни даже методологически, эта недооценка «чистыми» историками монет как исторического источника не может объясняться их неосведомленностью или недоступностью древнейших монет для широкого круга исследователей.

Забвение первых русских монет историками начального периода русской государственности объясняется отсталыми для нашего времени, но, к сожалению, широко еще распространенными представлениями об ограниченных возможностях нумизматического материала как исторического источника и нумизматики как науки.

Толстой знал 150—170 экземпляров древнейших русских монет, из которых 11 — золотые, а остальные — серебряные. К настоя-

¹ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882 (далее — Толстой, 1882).

шему времени число первых не изменилось, а общее количество последних возросло до 300. Число известных сребреников удвоилось не только благодаря новым находкам, но, главным образом, путем проверки и обобщения старых, подчас забытых сведений о давно известных находках. Однако все еще не удается проследить судьбу некоторых экземпляров до наших дней, и они могут обнаружиться в будущем.

По происхождению сребреники можно разделить на четыре категории: 1) монеты из двух «чистых» кладов, содержавших исключительно русские монеты, — Нежинского 1852 г. и Киевского 1876 г. Они составляют большинство известных сребреников; 2) сребреники, найденные в кладах западноевропейских, арабских и византийских монет, — небольшое количество; 3) сребреники, обнаруженные при археологических раскопках (чаще в погребениях, реже — на городищах), — несколько экземпляров; 4) случайные находки.

По изображениям, надписям и родовым знакам князей монеты X—XI вв. делятся на 7—8 типов с именами Владимира, Святополка, Ярослава или спорными легендами, причем больше всего монет Владимира. На них представлены обе основные композиционные схемы древнейших русских монет всех типов: 1) изображение правителя (лицевая сторона) — изображение Пантократора (обратная сторона) и 2) изображение правителя (л. с.) — изображение родового знака князей Рюриковичей (о. с.)

Общая последовательность чеканки и смена типов установлены Толстым, который исходил из содержания надписей, наличия перечеканок и стилистического анализа монет. Заблуждением Толстого была попытка найти монеты киевской чеканки Ярослава, напрасная в свете наших сегодняшних знаний о денежном обращении X—XI вв., но понятная и прустительная для представлений о Киевской Руси исторической науки конца XIX в.

Попытки осмысления, а затем и систематизации древнейших русских монет имели место и до Толстого. Они составили целый период, закончившийся открытием в 1852 г. огромного (до 200 экземпляров) Нежинского клада, в котором представлены почти все известные типы сребреников². Но и сама нежинская находка была такова, что потребовалось некоторое время для того, чтобы понять ее значение. Даже А. А. Куник, и в «донецкий» период стоявший на прогрессивной позиции в отношении древнейших рус-

---

² Ф. К р у г. Критические разыскания о древних русских монетах, изданные имп. Академиею наук. СПб., 1807; И. С а х а р о в. Летопись русской нумизматики. Отделение первое. СПб., 1842, стр. 19, 31, 32; П. С. С а в е л ь е в. Примечание о славянских монетах с именами Владимира, Святослава и Ярослава. — Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества, т. I (1849), стр. 386—398; Я. В о л о ш и н с к и й. Описание древних русских монет, принадлежащих милицейскому кабинету имп. университета св. Владимира, из числа найденных близ Нежина в мае месяце 1852 г. Труды Комиссии... для описания губерний Киевского учебного округа. — «Смесь». К., 1853.

ских монет, продолжал дискуссию после появления клада без привлечения его материалов³. Острые споры и неудачные решения принимали порою анекдотический характер просто оттого, что монеты X в. стали известны науке позднее, чем монеты начала XI в.

Подлинно научная, хотя и спорная в некоторых частностях, классификация древнейших русских монет Толстым стала возможна только после открытия Киевского клада 1876 г., так как именно он заполнил лауну между известными к тому времени златниками конца X в., открывающими серию древнейших русских монет, и сребрениками начала XI в., замыкающими ее.

Подобно Нежинскому кладу Киевский состоял лишь из русских монет, но состав его был еще более узким: он содержал монеты только одного типа (I по классификации Толстого, композиционно примыкающего к группе златников), который к тому же никогда не встречается в находках с монетами других типов⁴. Это обстоятельство, указывающее на определенный хронологический разрыв между первым и остальными типами древнейших русских монет, а также наличие у сребреников I типа единой со златниками композиции изображений обеих сторон монеты позволили отнести чеканку сребреников I типа ко времени, близкому к введению христианства на Руси, а остальные типы — к началу XI в.⁵

Толстой в разное время (до 1893 г.) познакомился с менее чем двумя десятками монет Киевского клада. Не имея возможности судить о составе клада в целом, он видел в монетах лишь сребреники определенного типа, хотя ощущал уже роль кладов как исторических комплексов. Между тем к Киевскому кладу относится большинство (около 50 из 64) известных в настоящее время сребреников Владимира I типа, что делает необходимым и возможным сравнительное изучение всей сохранившейся части клада.

Благодаря опубликованию части Нежинского клада вскоре после его открытия и сообщениям об этой находке в самой широкой печати в обществе быстро сложились мифы относительно ценности найденных в Нежине монет, вызвавшие, в свою очередь, целую серию подделок. Киевский клад оказался расхвачанным и распроданным

³ А. А. К у н и к. Разыскания о славяно-византийских монетах. — Известия имп. Археологического общества, т. III. СПб., 1861.

⁴ Сведения об обстоятельствах находки сребреников в курганах близ с. Митьковки Климовского района Брянской области настолько противоречивы даже в изложении одного и того же автора (И. П о л о з о в. Клады рассказывают... Топография кладов монет, найденных на территории Брянской области в 1948—1960 гг. Брянск, 1960, стр. 4, 8; И. М. П о л о з о в. Клады рассказывают... Топография кладов, найденных на территории Брянской области в 1944—1962 гг. Брянск, 1963, стр. 4, 5, 12, 13), что объединять и датировать все найденные монеты (Владимира — типов I и II, Святополка и «Петра») вместе, как это сделала Н. Д. Мец (Сребреники из с. Митьковки. — СА, 1960, 1, стр. 205—214), не считаю возможным, пока не будет доказано происхождение всех этих монет из одного погребального комплекса или хотя бы одновременность самих курганов.

⁵ В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 168, 169.

еще более хищнически и спекулятивно, чем пятнадцатую годами ранее Нежинский, причем отчасти теми же самыми людьми⁶.

Сведения об обстоятельствах находки Киевского клада серебряников, собранные «киевским нумизматом А. Ф. Новицким... прямо от лиц, его нашедших»⁷, были опубликованы дважды (второй раз — с некоторыми уточнениями) Н. Черневым: «В 1876 г. в Киеве, в Старокиевском участке, на Вознесенском спуске, в усадьбе го-мельского мещанина Л. Н. Кушнерева, при срывании части горы, входившей в состав принадлежащего ему дворового места, найден клад серебряных монет. Монеты эти лежали в слое чернозема на глубине около двух аршин.

Они завернуты были в полуистлевшее полотенце, куски которого, с заметными еще на них следами вышивки, вынуты были из земли вместе с монетами, но погибли от невежества находчиков. Монеты слеплены были характеристической темно-красною окисью в один сплошной комок, из которого находчики пытались силою выламывать отдельные экземпляры, но неудачно. Немало серебряников погибло при этих попытках, изломанных в куски и брошенных как ненужный хлам... Некоторое время спустя кто-то посоветовал положить найденные монеты в нашатырный спирт. При помощи последнего удалось, наконец, разлепить монеты, которых оказалось около ста двадцати штук. Все они имели на одной стороне изображение человеческой фигуры с крестом в руке, а на другой — изображение спасителя. На первых порах г. Кушнерев щедро раздавал найденные монеты своим соседям и знакомым. Больше половины их, по слухам, попала в руки одного из его служащих и была увезена в Могилевскую или Минскую губернию, едва ли не в качестве материала для изделий кустарного производства. Затем сорок пять штук было продано М. Д. Свиридову по 5 рублей за штуку, а последние оставшиеся у г. Кушнерева экземпляры были приобретены нами благодаря содействию А. Ф. Новицкого и теперь находятся в собрании И. И. Толстого»⁸.

В целом, по мнению Чернева, количество ставших известными к 1891 г. серебряников Киевского клада доходило до 55⁹. Проверка

---

⁶ Так, одна из монет Киевского клада попала в Вену через того самого книго-торговца Павла Должикова (Н. Ч е р н е в. Заметки о неизданных и редких монетах, помещенных на таблицах 6, 7, 8. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках, вып. 3, 4. К., 1891, стр. 9), который ранее всеми правдами и неправдами скупал монеты Нежинского клада, чтобы тут же перепродать их в десятки раз дороже (см. письмо С. И. Пономарева М. П. Погодину от 24 октября 1852 г. в книге Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 12. СПб., 1898, стр. 72—75. В архиве отдела нумизматики Эрмитажа хранится записка Должикова от 24 февраля 1861 г. к неизвестному лицу с предложением продать монеты Нежинского клада, подписанная «Павел Должиков, соревнователь Об-ва истории и древностей русских»).

⁷ Н. Ч е р н е в. Заметки о древнейших русских монетах. — Вестник археологии и истории, в. VII, 1888, стр. 67.

⁸ Н. Ч е р н е в. Указ. соч., стр. 67, прим. 5, 6.

⁹ Т а м ж е, стр. 13, прим. 5.

его подсчета дает только 42 экземпляра¹⁰, что совпадает с количеством монет, происхождение которых из данного клада в настоящее время является бесспорным. Но еще 7 экземпляров I типа можно отнести к Киевскому кладу предположительно, так как возможно, что именно они являются остатками известной Черневу группы монет в 9 экземпляров «в других собраниях»¹¹, если из нее исключить один экземпляр, попавший в Вену¹², и другой, подаренный архитектором В. Н. Николаевым музею Киевской духовной академии¹³. Из этих 49 экземпляров в настоящее время 17 хранятся в Государственном Эрмитаже (большинство из них пришло в Эрмитаж в составе коллекции И. И. Толстого, в 1917 г. принесенной в дар музею сыном собирателя академиком И. И. Толстым), 7 — в Государственном историческом музее (большинство — из коллекции П. В. Зубова, в 1929 г. принесенной в дар музею семьей собирателя), 3 — в Киевском государственном историческом музее (из коллекции Университета св. Владимира, переданной музею при открытии его в 1904 г., и дар С. В. Бодилевского тогда же), 5 экземпляров принадлежат В. В. Лукьянову (Ярославль), 1 — г-ну Грирсону в Англии. Местонахождение остальных 16 экземпляров, в том числе сребренника, принесенного в дар музею Одесского общества истории и древностей С. В. Бодилевским в 1882 г., установить не удалось. Принадлежавшие в свое время различным собирателям, они известны пока только по упоминаниям и изображениям в литературе.

По композиции изображений златники и сребренники I типа следуют византийским монетам X в.¹⁴, но отличаются от них своеобразными по декларативному содержанию легендами лицевой стороны, где помещено изображение сидящего на престоле князя с надписью «Владимиръ на столѣ» или «Владимиръ а се его злато (сребро)» вокруг; на оборотной стороне — погрудное изображение Христа с поясняющей надписью (табл. I, 1—4).

Изображение князя сидящим достигается лишь добавлением к обычному для византийских монет погрудному портрету согнутых в колене ног. Фигуры переданы более или менее контурно, для чего использованы всего лишь два приема прорисовки деталей: прямые линии и точки, что было понято некоторыми исследователями как грубость и неумелость работы¹⁵ и художественная беспомощность резчиков штемпелей¹⁶.

¹⁰ Чернев опубликовал сам 20 монет, упомянул 13 опубликованных ранее Толстым, добавил известные ему в других собраниях 9 экземпляров. Н. Чернев. Указ. соч., прим. 5.

¹¹ Н. Чернев. Указ. соч., стр. 13, прим. 5.

¹² Там же.

¹³ Там же, ср. стр. 67, прим. 6; Толстой, 1882, стр. 12, прим. 1, № 6.

¹⁴ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты X—XI вв. — ЗРАО, т. VI, нов. серия. СПб., 1893 (далее — Толстой, 1893), стр. 316, 323—328.

¹⁵ Толстой, 1893, стр. 325—327.

¹⁶ А. В. Орешников. Денежные знаки домогольской Руси. М., 1936, стр. 67.

Определенная графичность вообще характерна для стиля изображений на монетах раннего европейского средневековья, и в сравнении с современными им английскими, немецкими или скандинавскими монетами древнейшие русские монеты оказываются не самыми «варварскими». Кроме того, даже однотипные монеты X в., судя по составу Киевского клада, очень разнообразны по мастерству исполнения, и судить о них как о чем-то едином невозможно: наряду с монетами действительно грубыми и безграмотными по рисунку и надписям в клады есть монеты хорошей, почти лепной работы с вполне «добропорядочными»¹⁷, осмысленными надписями (табл. I—III).

В надписи «Владимиръ на столѣ» часто встречается ошибочное употребление «е» вместо конечного «ѣ», случаются пропуски букв, но сама надпись всегда размещается целиком в отведенном ей месте монетного кружка. Надпись «Владимиръ а се его сребро» в неискаженном виде встретилась лишь однажды¹⁸. Сильно испорченной или даже непоместившейся оказывается обычно вторая половина надписи. Но по содержанию обе надписи недвусмысленно сообщают, что в понимании художника — резчика штемпеля изображение, поясняемое ими, есть портрет князя Владимира Святославича.

Помимо обязательных признаков правителя, известных нам и по византийским монетам (шапки с крестом и подвесками, парадной одежды, креста на длинном древке в правой руке), в изображении князя постоянны и вполне реальные черты лица, которые могут быть поняты как вполне индивидуальные, поскольку они являются обязательными для следующих за первым трех типов монет Владимира: длинные вислые усы, большой, довольно тяжелый нос, крепкий энергичный подбородок, «грозно» сдвинутые брови. Перед нами древнейший русский портрет X в., к тому же с поясняющей надписью, но, к сожалению, до сих пор ускользавший от внимания искусствоведов.

Появление определенных индивидуальных черт в изображении князя-современника объяснимо психологией творчества художника раннего средневековья. Он не мог изобразить хорошо известного ему, неоднократно, вероятно, виденного князя только до пояса, так как изображение части вместо целого противоречило самим принципам творчества древнерусского художника. Поэтому, хотя византийский оригинал монетной композиции давал погрудное изображение правителя, русский мастер добавил к образцу ноги, согнутые

---

¹⁷ Н. Б а у е р. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. — Известия ГАИМК, т. 5. Л., 1926, стр. 318.

¹⁸ См. № 8 — I в приводимом далее перечне монет Киевского клада. Соответствующая формула на златниках тоже редка сравнительно с первой. Она имеется только на двух экземплярах из 11 известных — экземпляре Киевского исторического музея (№ 1001, табл. 1, 2) и монете Бунге-Могилянского, потерянной последним в 1821 г. (см. Т о л с т о й, 1882, стр. 7—10, прим. 1, табл. 13, № 9).

так, чтобы показать положение князя на престоле, и отметил в рисунке головы князя его личные живые черты — прежде всего усы.

Восприятие схемы композиции оборотной стороны, соответствующей привычным для художника каноническим изображениям Пантократора, было другим: резчик принимает ее покорно и повторяет ученически, так как другим этого нового бога он, наверное, и не видел.

Легенда оборотной стороны обычно расположена вдоль края монеты и представляет собой начертание полного имени Иисуса Христа или монограмму одного из двух видов: ИС ХС и ІС ХС. Толстой, которому было известно сравнительно мало сребреников I типа, заблуждался, полагая, что полная надпись на оборотной стороне характерна только для экземпляров с легендой «Владимиръ на столѣ» на лицевой¹⁹. И полные, и сокращенные надписи оборотной стороны встречаются в сочетаниях с обеими надписями лицевой стороны. Неверно и повторенное Черневым утверждение С. В. Бодилевского, что экземпляры с монограммой на оборотной стороне якобы перечеканены из монет, имевших полное имя Иисуса Христа на оборотной стороне²⁰. Уже Толстой, заинтересовавшийся этим наблюдением, не мог открыть следов перечеканки ни на одном из известных ему экземпляров «при всем старании»²¹. Не прослеживаются они и на всех сребрениках I типа, известных в наше время. Очевидно, за остатки первоначальной чеканки Чернев ошибочно принимал особенности изображения, являющиеся результатом двойного удара, или просто не понимал некоторых деталей буквенных начертаний²².

Общепринятое название легенд на златниках и сребрениках I типа круговыми не совсем точно. Строго говоря, круговыми, да и то лишь на оборотной стороне, легенды становятся только начиная с монет Владимира II типа. На монетах же X в. надписи не размещены вдоль всего края монетного кружка, так как центральное изображение всегда снизу (а иногда и сверху) упирается в ободок. Размещенные вершинами букв то к центру, то к краю монеты, надписи нередко читаются справа налево (ниже, в перечне монетклада, это поясняется в каждом случае).

Так называемый родовой знак князей Рюриковичей²³, занявший на сребрениках XI в. всю оборотную сторону монеты, на сребрениках Владимира I типа помещен еще на лицевой стороне, левее изображения князя, как и на златниках. Литература о древнейших

¹⁹ Толстой, 1882, стр. 353, прим. 13.

²⁰ Н. Чернев. Указ. соч., стр. 68, прим. 6; стр. 11, прим. 5.

²¹ Толстой, 1882, стр. 354, прим. 13.

²² Конкретные случаи отмечены ниже, в перечне монет.

²³ А. В. Орешников. Новые материалы по вопросам о загадочных фигурах на древнейших русских монетах. — АИЗ, 1894, т. II, стр. 301—311; е го же. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. — Изв. АН СССР, отделение гуманитарных наук, 1930, стр. 87—112; е го же. Денежные знаки домонгольской Руси, стр. 32, прим. 15.

русских монетах полна предположений о значении этого знака, происхождение рисунка которого остается загадочным до сих пор, а число названий этому предмету равно числу бравшихся за его разгадку авторов ²⁴. Ниже, в каталоге монет Киевского клада, мы употребляем старейшее из всех название княжеского знака — трезубец, предложенное еще Н. М. Карамзиным ²⁵.

Крайними элементами в композиционной схеме рассматриваемой группы сребреников являются два ободка, внутренний из которых — линейный, а внешний — бусовый. У очень многих экземпляров бусовый ободок оказывается обломанным частично или целиком, что объясняется, по-видимому, ослабленной прочностью монеты по линии, на которую приходились бороздки между ободками на обеих сторонах, и прерывистой линией самого бусового ободка. Из-за этого довольно трудно установить диаметр некоторых экземпляров. Показатель диаметра в перечне монет достаточно условен, поскольку часто это всего лишь результат измерения самой широкой части сохранившегося обломка.

Сырьем для чеканки первой русской монеты мог служить только металл иноземного происхождения, так как собственных серебряных рудников в России не было. Сплав, употреблявшийся для чеканки монет, был крайне низкопробен, чем, очевидно, объясняется столь редкое присутствие древнейших русских монет в западноевропейских кладах ²⁶, и территориальная близость обоих главных кладов этих монет Киеву, и сама чистота состава кладов. Исследованием пробы 60% общего числа монет Киевского клада, проведенным, правда, элементарным способом — на пробирном камне, — установлена проба серебра в 860—800 единиц только у двух экземпляров. Несколько монет имеют пробу всего в 375—300 единиц, остальные же квалифицированы пробирером как изготовленные из сплава с ничтожной долей серебра. (В перечне монет проба таких экземпляров отмечена знаком —, а у непробированных экземпляров не отмечена совсем).

Эти данные подтверждаются и внешним видом большинства монет. Медь, за редким исключением, видна почти в каждом экземпляре, то «проступая» по контурам изображений и надписей, то располагаясь крупным пятном в центре монеты, то краснея на всей ее площади.

Чеканили древнейшую русскую монету на кружках, отлитых в складных двусторонних формах, пользуясь сопряженными, по-видимому, бронзовыми штемпелями — щипцами ²⁷, нестойкостью которых и объясняется немногочисленность монет одного типа.

²⁴ Т о л с т о й, 1882, стр. 165—166, прим. 1.

²⁵ Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского, изд. 2. СПб., 1818, т. II, прим. 56.

²⁶ Сребреник II типа из Ленчицкого клада (Польша, около 1850—1855 гг.; Т о л с т о й, 1882, стр. 20, 21, № 33, табл. 7, 2) имеет исключительно высокую пробу — 960.

²⁷ И. С п а с с к и й. Насущные вопросы изучения русских монет X—XI веков. — СГЭ, ХХI. Л., 1961, стр. 54.

Сопряженность лицевого и оборотного штемпелей рассматриваемой группы древнейших русских монет устанавливается тем, что, как и златники, все сребреники I типа, подобно византийским монетам, имеют стороны, одинаково противопоставленные по вертикальным осям их композиций ($\updownarrow$), что освобождает от необходимости отмечать в перечне ориентацию сторон каждого экземпляра, причем каждый лицевой штемпель сочетается с единственным оборотным. В последующих типах последнее свойство сохраняется, но ориентация сторон становится одинаковой — $\uparrow\uparrow$.

Все известные в настоящее время монеты Киевского клада 1876 г. отчеканены 24 парами лицевых и оборотных штемпелей. По содержанию и сочетанию лицевых и оборотных легенд эти 24 штемпельные пары делятся на четыре подгруппы (легенда лицевой стороны занимает место числителя, легенда оборотной стороны — место знаменателя):

1) $\frac{\text{Владимиръ на столъ};}{\text{Исусъ Христосъ}}$	2) $\frac{\text{Владимиръ а се его сребро}}{\text{Исусъ Христосъ}}$
3) $\frac{\text{Владимиръ на столъ};}{\text{НС (IC) ХС}}$	4) $\frac{\text{Владимиръ а се его сребро}}{\text{НС (IC) ХС}}$

Очердность поданного ниже описания 49 монет Киевского клада соответствует данному порядку названных подгрупп и определяется степенью их близости штемпелям золотых монет²⁸, как старейших.

О П И С А Н И Е М О Н Е Т

I подгруппа

1. *Л. с.* Князь, сидящий впрямь, с согнутыми ногами. У ворота плаща круглая фибула. Шапка с крестом и подвесками. В правой руке — скипетр с крестом на вершине. Слева — княжеский знак в виде трезубца. Легенда вдоль края, читаемая изнутри монеты, слева направо:

ВЛАДИМИРЪ — НАСТОКЪ

Линейный и бусовый ободки.

О. с. В крестчатом нимбе Христос-Пантократор с благословляющей правой рукой и Евангелием в левой. Расположение легенды, как на л. с.:

+ И С Х (— Д Н С Т Ъ В

1—1 — в. 3,22 г, д. 26 мм, проба —, табл. II. *Хр.* Собрания С. В. Бодилевского (Киев, 1891), И. И. Толстого (СПб., 1893). Э, 4. *Изд.* Чернев, 1891, стр. 9, в, табл. 6, 3; Т о л с т о й, 1893, стр. 350, 3, табл. XII, 5—6.

Поразительное сходство данного экземпляра со златником Киевского исторического музея (табл. I, 2) указывает на одного исполнителя обоих и подтверждает подлинность последнего, вызывавшую сомнение И. И. Толстого (Т о л с т о й, 1882, стр. 4).

²⁸ 11 златников отчеканены шестью парами штемпелей, пять из которых, как будет показано ниже, родственны штемпелям серебряных монет I типа.

2. Л. н. о. с. Изображения и легенды

HMHPON — ACTONX XPHCTC

те же, что и на предыдущей монете. Детальное сходство изображений (л. с. отличается только несколько иным размещением букв относительно креста на княжеской шапке; о. с. — неудавшимся рисунком правой руки Христа), их размеров, почерка надписей и одинаково просторного размещения букв позволяет отнести данную пару к резчику предыдущей.

2—1 — в. 2,80 г, д. 25 мм, проба —, табл. II. Хр. Собрания С. В. Бодилевского (1891 г.), И. И. Толстого (1893 г.). Э, 8. Изд. Чернев, 1891, стр. 10, с. табл. 6, 5; Толстой, 1893, стр. 350, 4, табл. XII, 7—8.

Другой экземпляр, отчеканенный данной парой штемпелей, происходит из кургана в Старо-Быховском уезде Могилевской губернии (ГИМ, 77012/11. Орешников, 1936, стр. 68—69, № 11, табл. IV, 2).

3. Изображения на обеих сторонах отличаются сравнительно более крупными головами фигур князя и Христа, но имеют все приметы мастера обеих предыдущих штемпельных пар, равно как и исполненные явно той же рукой надписи:

ВНААНМНР — 'АН..ГО YCYCA — .QY'

3—1 — в. 1,91 г, д. 22 мм, обломан, проба 800—860, табл. II. Происхождение из Киевского клада предположительно. Хр. Э, 6 (получен из Наркомфина через СФА в апреле 1930 г.). Издаётся впервые.

4. Главное отличие данной пары штемпелей (как и всех последующих из этой группы) — украшения в виде розеток из точек на концах креста в нимбе Христа (о. с.). Однако способом передачи деталей изображений (ср. трактовку головы, руки с крестом, одежды князя и трезубца на л. с., головы Христа, его руки, складок одежды на о. с.), почерком надписей:

+ВНАММНР — XPHCTX + HICYTOX — PHCTC

(ср. начертания В, А, Д, Р, С, У) и размещением последних данная пара штемпелей родственна всем предыдущим.

4—1 — в. 2,43 г, д. 22 мм, обломок, проба —, табл. II. Хр. Собрания М. Д. Свиридова (Киев, 1891), И. И. Толстого (1893). Э, 5. Изд. Толстой, 1882, стр. 229, № 7, табл. 15, 3; Толстой, 1893, стр. 350, 5, табл. XII, 9—10.

5. Штемпеля чрезвычайно близки предыдущей паре. Бесспорно сходство в рисунке лиц, фигур, деталей одежды (ср. подбородки и бороды, шапки и нимбы, постановку ног князя, изображение престола с бахромой по нижнему краю, положение руки Христа на Евангелии, расположение складок одежды на обеих фигурах и т. п.), хотя имеются некоторые незначительные отличия: розетки на нимбе «расплылись» из-за лишней — девятой — точки; обе фигуры несколько шире, причем у князя плечи настолько покаты, что руки кажутся соединенными прямо с головой, а у Христа более четкая правая рука. Бесспорно тождество надписей

+ВНААНМНР — XPHCTONX + HICYTOX — PHCTC

по почерку, орфографии и расположению отдельных букв относительно изображений.

5—1 — в. 2,75 г, д. 27 мм, обломанный, но лучший по сохранности экземпляр, проба —, табл. II. Хр. Собрание И. И. Толстого (1893 г.). Э, 7. Изд. Толстой, 1893, стр. 351, 6, табл. XII, 11—12.

5—2 — в. 2,94 г, д. 26 мм, стерт, особенно о. с., проба —, табл. II. Хр. Собрание И. И. Толстого (80-е годы XIX в.). Э, 15483 (поступил из Гохрана в 1952 г.). Изд. Толстой, 1882, стр. 228 — 229, № 6 (экз. весом в 66 долей), табл. 15, 1.

5—3 — в. 2,22 г, д. 26 мм, обломан и стерт, табл. II. Хр. Собрания С. В. Бодилевского (1891 г.), П. В. Зубова (Москва, после 1897 г., поскольку не упомянут

в его «Материалах по русской нумизматике», опубликованной в этом году). ГИМ, 67580/6. Изд. Чернев, 1891, стр. 9, с, табл. 6, 4; Орешников, 1936, стр. 70, № 19, табл. IV, 10.

5—4 — в. 2,05 г (46 долей), д. 23 мм, обломан и стерт, табл. VII. Хр. Собрание И. И. Толстого (80-е годы XIX в.). Не разыскан. Изд. Толстой, 1882, стр. 228, 229, № 6 (экз. весом в 46 долей), табл. 15, 2.

Вне Киевского клада известны еще несколько штемпелей той же руки. Таковы два сребренника из кургана в Старо-Быховском уезде, Могилевской губернии (1) ГИМ, 77012/10. Орешников, 1936, стр. 68, № 10, табл. IV, 1; 2) неразысканный экземпляр, в 80-х годах XIX в. принадлежавший Н. М. Турбину. Толстой, 1882, стр. 13—14, № 10, табл. 10, 7) и кусочек монеты из разобранного Ю. Б. Иверсеном в 1880 г. клада из дер. Молодь Псковской губернии (Э, 9. Толстой, 1882, стр. 14, № 10а, табл. 12, 2).

Штемпелями данного мастера была первоначально бита и монета, перечисленная позже на монету II типа (Э, 49. Толстой, 1882, стр. 22—23, № 38, табл. 12, 11).

6. Л. с. Подобна предыдущим. Привлекает внимание волнообразная линия левого плеча — левой руки князя. Легенда читается изнутри монеты, справа налево:

ՃԿՍԹՅՆԳ — ՈՄՆԱԲԼԿ

О. с. Подобна предыдущим. Благословляющая рука Пантократора изображена, как ряд складок. Складки левой половины плаща переданы частыми линиями — зигзагами. Размещение легенды, как на л. с.:

ՃՍՍԹՅՆ — ՕՒԿՐՄՍՆ

Если допустить, что шести последним экземплярам из шестнадцати известных Черневу сребреников данной пары штемпелей (Чернев, 1891, стр. 9; по одному в собраниях М. Д. Свиридова, Д. Н. Чудовского и Поповских, три — в продаже) соответствуют один из эрмитажных экземпляров (Э, 2, получен из Наркомфина в 1930 г.), два из собрания ГИМа (№ 67580/2, 3, дар семьи П. В. Зубова, 1929 г.) и три экземпляра из коллекции В. В. Лукьянова, числу известных в настоящее время монет (15) не хватает только единицы сравнительно с числом, сообщенным Черневым. Недостает одного из толстовских экземпляров — «весом в 54 доли» (Толстой, 1882, стр. 229).

6—1 — в. 2,62 г, д. 25 мм, обломан, проба —, в контурах фигур и надписей «просвечивает» медь, табл. III. Хр. Собрание И. И. Толстого (приобретен при посредстве С. В. Бодилевского). Э, 3. Упом. Толстой, 1882, стр. 229 (экз. весом в 60 долей). Издается впервые.

6—2 — в. 2,95 г, д. 26 мм, сильно стерты лица обеих фигур, проба —, медь видна на всех выпуклостях монеты, табл. III. Хр. Собрание И. И. Толстого (дар С. В. Бодилевского). Э, 1. Изд. Толстой, 1882, стр. 127, 128, № 6а, табл. 14, 2.

6—3 — в. 2,54 г, д. 24 мм, обломан, проба —, пятна меди, табл. III. Происхождение из Киевского клада предположительно. Хр. Э, 2 (получен из Наркомфина через СФА в апреле 1930 г.). Издается впервые.

6—4 — в. 3,65 г. Хр. Собрание И. И. Толстого (приобретен при посредстве С. В. Бодилевского); Эрмитаж, откуда в 1928 г. передан Польше. Пропавший во время второй мировой войны экземпляр не разыскан. Не издан.

6—5 — в. 3,16 г, д. 25 мм, стерт у краев, табл. III. Происхождение из Киевского клада предположительно. Хр. Собрание П. В. Зубова. ГИМ, 67580/2. Изд. Орешников, 1936, стр. 69, № 14, табл. IV, 5.

6—6 — в. 2,78 г, д. 24 мм, обломан, табл. III. Происхождение из Киевского клада предположительно. Хр. Собрание П. В. Зубова. ГИМ, 67580/3. Изд. Орешников, 1936, стр. 69, № 15, табл. IV, 6.

6—7 — в. 2,6 г, д. 25—27 мм, обломан, полустерты лица, легенды же очень ясны и читаются целиком, табл. III. Хр. Собрания Н. А. Леопардова (1891 г.) и П. В. Зубова (после 1897, см. пояснение к 5—3). ГИМ, 67580/4. Изд. Чернев, 1891, стр. 9а, табл. 6, 2; Орешников, 1936, стр. 69, № 16, табл. IV, 7.

6—8 — в. 3,23 г, д. 27 мм, обрезан, сильно стерт, проба 500, табл. III. Хр. Коллекция Университета св. Владимира (Киев). **КИМ, 740** (поступил в состав университетской коллекции в 1904 г. при основании музея). Издается впервые.

6—9 — в. 3,14 г, д. 26 мм. Хр. Коллекция Одесского общества истории и древностей (дар С. В. Бодилевского, 1882 г.). Упом. Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1881 г. по 14 ноября 1882 г. Одесса, 1882, стр. 16; В. Ю р г е в и ч. Краткий указатель музея Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1887, стр. 52; Одесса, 1890, стр. 54; Одесса, 1909, стр. 107; Ч е р н е в, 1891, стр. 9. Не разыскан. Не издан.

6—10 — в. 2,69 г, д. 26 мм, обрезан и стерт, табл. IV. Происхождение из Киевского клада предположительно. Хр. Собрания Н. В. Белозерского, В. Ф. Груздева, В. В. Лукьянова (1966, Ярославль). Издается впервые.

6—11 — в. 3,00 г, д. 26 мм, полустерты начала обеих легенд, табл. IV. Происхождение из Киевского клада предположительно. Хр. Собрания М. В. Сузина (Москва), В. В. Лукьянова (Ярославль). Издается впервые.

6—12 — в. 2,25 г, д. 26—27 мм, выломан кусок слева от фигур, табл. IV. Происхождение из Киевского клада предположительно. Хр. Собрания Н. В. Белозерского, В. Ф. Груздева, В. В. Лукьянова. Издается впервые.

6—13 — в. (?), д. 25 мм, обломан, табл. IV. Хр. Собрание Н. Чернева (1891). Не разыскан. Изд. Ч е р н е в, 1891, стр. 9а, табл. 7, 15.

6—14 — в (?), д. 25 мм, обрезан, табл. IV. Хр. Собрание Н. Чернева (1891). Не разыскан. Изд. Ч е р н е в, 1891, стр. 9а, табл. 7, 16.

Экземпляры 6—13 и 6—14 могут быть двумя из трех сребреников С. В. Бодилевского, которые владделец присылал на рассмотрение И. И. Толстому (Т о л с т о й, 1882, стр. 229). В таком случае вес их равен 3,21 г (73 доли) и 2,64 г (69 долей). В упомянутой выше сводке 1891 г. известных ему сребреников данного штемпеля Чернев уменьшил число экземпляров Бодилевского сравнительно со сведениями Толстого именно на два (Ч е р н е в, 1891, стр. 9), так как экземпляры 6—13 и 6—14 уже могли быть уступлены Бодилевским самому Черневу, который, вероятно, выбрал их, считая битыми разными, хотя и однотипными штемпелями.

6—15 — в. 3,12 г (71 доля), д. 25 мм, обломан или обрезан, табл. VII. Хр. Собрание С. В. Бодилевского, 1891. Не разыскан. Изд. Т о л с т о й, 1882, стр. 229, табл. 15; 5. Упом. Ч е р н е в, 1891, стр. 9.

6—16 — в. 2,38 г (54 доли), д. (?), с «отломленным куском». Хр. Собрание И. И. Толстого (приобретен при содействии С. В. Бодилевского до 1882 г.). Упом. Т о л с т о й, 1882, стр. 229. Не разыскан. Не издан.

Поскольку данный экземпляр не поступил в эрмитажное собрание вместе с остальными сребрениками Толстого в 1917 г., можно предположить, что Толстой уступил его какому-то другому коллекционеру, когда стал владельцем лучших по сохранности экземпляров той же пары штемпелей. Из тех же соображений, вероятно, Толстой расстался в свое время и с экземплярами 5—2, 5—4, 11—3.

7. Л. с. Лицо князя сравнительно узкое и длинное. Подвески по сторонам лица оканчиваются только одной бусой. Родовой знак большой, с высоко выступающим средним стержнем, перечеркнутым косым крестом. Легенда читается изнутри, слева направо:

+ В К А И М І А — З Н Р (Т) Л Е

В ней ошибочное употребление «і» вместо «и» и «е» вместо «б».

О. с. Голова Христа большая и удлиненная. Волосы изображены контурно, всегда одной линией, борода — двумя крупными и одной меньшей точкой, каждый ус закончен небольшой точкой. Крест нимба украшен не розетками из бус, а выложен бусами по краям лопастей. Благословляющая рука уже окончательно превращена в несколько складок на правом плече фигуры, зато Евангелие поддерживается двумя руками. Легенда расположена, как на л. с.:

+ ' І С У Ш А . . Ц С Т Е

7—1 — в. 2,72 г, д. 27 мм, треснут и местами стерт, табл. IV. *Хр.* Собрания С. В. Бодилевского, Кульчицкого (Киев, 1891 г.), П. В. Зубова. **ГИМ**, 67580/1. *Изд.* Чернев, 1891, стр. 10, табл. 8—4а; Зубов, 1897, стр. 1, № 1, табл. I, I; Орешников, 1936, стр. 69, № 13, т. IV, 4.

II подгруппа

8. *Л. с.* Голова князя велика сравнительно с телом, лицо широко. Старатель-но изображены кисть правой руки на скипетре и крест на нем, бахрома княжеского плаща, трезубец с тремя бусами на стержне. Легенда очень правильная и отчетли-вая, читается изнутри, слева направо:

+ ВЛДАНННРД — ЧСБЕГО(РББРО

О. с. Изображение Христа очень тщательное. Нимб широкий, розетки на его кресте правильных очертаний. Легенда читается столь же ясно, как на л. с., и так же расположена:

+ ИСУСЪ ХР — ИСТОУЪ

За линейным и бусовым ободками на обеих сторонах слева от фигур край монетного кружка остался пустым.

8—1 — в. 3,00 г, д. 27 мм, пробит, проба 800—860, табл. IV. Происхождение из Киевскогоклада предположительно. *Хр.* Собрание А. А. Ильина. Э, 11 (куплен у В. В. Бутурлиной — жены Ильина — в 1925 г.). Издается впервые.

9. Штемпельная пара настолько близка предыдущей, что проще отметить их отличия, чем сходство. На л. с. несколько крупнее некоторые буквы надписи; на о. с. — иная схема складок одеяния Христа, меньше точек в розетках нимба и больше — на Евангелии, что, однако, не опровергает изготовление обеих штем-пельных пар одним резчиком. От легенд сохранилось:

ИГБГОСРББРУ (л. с.), Т О СЪ (о. с.)

9—1 — в. 1,56 г, д. 20 мм, обломок, проба —, табл. IV. *Хр.* Собрание С. В. Бодилевского. **КИМ**, 760 (дар Бодилевского к открытию музея в 1904 г.). *Изд.* Чернев, 1891, стр. 9, 10 (табл. 6, 7). *Упом.* Освящение и открытие Киевско-го художественно-промышленного и научного музея имп-ра Николая Александровича. К., 1905, стр. 29.

10. Данная пара штемпелей имеет несомненные признаки копирования двух предыдущих. Таковы: размер штемпеля, соотношение и способ передачи деталей изображений (обращают на себя внимание та же «щекастость» князя, тот же равноконечный с бусами на концах крест на шапке князя, тот же скипетр с крупными бусами на концах — на л. с.; та же схема изображения лица и одеяния Христа и т. п. на о. с.), расположение и пропорции надписей. Но есть и особенности: на лице князя отсутствуют глаза, подвески — с одной бусой вместо двух, трезубец очень мал, борода Христа, помимо шести бус, как у штемпелей 8, 9, прори-сована еще и несколькими вертикальными линиями; легенда л. с.

КХИМ . . . Ч СБГОСНАИ

скопирована бессмысленно, а в легенде о. с.

ХПУ)П II — И Т С ОЪ

вообще отсутствует средняя часть, что свидетельствует о неграмотности испол-нителя.

10—1 — в. 2,77 г (63 доли), д. 26 мм, табл. IV. *Хр.* Собрание С. В. Бодилевско-го (1891). Не разыскан. *Изд.* Чернев, 1891, стр. 10, 11, табл. 6, 8.

11. *Л. с.* Изображение князя сходно с изображением на штемпеле 5 (ср. очерк

одинаково покатых плечей, рисунок ног и края плаща, изгиб со скипетром). Легенда читается изнутри, слева направо

+ ВЛЧДНННД — КСГОКЪДО

О. с. Изображение Христа также близко соответствующему изображению на штемпеле 5 (ср. величину нимба и способ орнаментации его креста, передачу волос, разделку складок одежды). Легенда расположена, как на л. с.

+ 'I'CY UX — ТУЦЪ

Более подробно проследить сходство данной штемпельной пары со штемпелями 5 невозможно из-за плохой сохранности всех трех известных монет, но следы его угадываются, пожалуй, даже и в стертых лицах обеих фигур (подбородок князя; борода Христа).

11—1 — в. 2,95 г, д. 25 мм, проба —, табл. V. Хр. Собрания С. В. Бодилевского (1891), И. И. Толстого (после 1893 г., поскольку не упомянут в изд. Толстой, 1893). Э, 10. Изд. Чернев, 1891, стр. 10, табл. VI, 6.

11—2 — в. 2,80 г, д. 25 мм, табл. V. Хр. Собрания С. В. Бодилевского, Кульчицкого (1891), П. В. Зубова (после 1897 г., см. пояснения к 5—3). ГИМ, 67580/5. Изд. Чернев, 1891, стр. 10, d, g, табл. 8, ба; Орешников, 1936, стр. 69, № 17, табл. IV, 8.

Неясность окончаний обеих надписей на этом экземпляре объясняется тем, что при чеканке штемпель соскочил. Это видно и по удвоению ободков именно в правой части оттиска.

11—3 — в. 2,98 г, д. 25 мм, стерт, табл. V. Двойной удар (см. изображение правой руки князя и правого плеча Христа и окружности нимба над ним). Хр. Собрания С. В. Бодилевского, И. И. Толстого (1882), В. М. Иверсена (1906), В. В. Лукьянова. Изд. Толстой, 1882, стр. 228, № 5, 229; табл. 14, 12; Иверсен, 1906, стр. 9, 10, табл. I, 2.

12. В почтовой открытке, адресованной А. А. Кунику 2 января 1885 г., И. И. Толстой упоминает «экземпляр Сергея Александровича» (вел. князя?—М. С.), на оттиске которого «видно только ВЛАДНМ и ИСУСЬ»²⁹. Эта монета тоже может происходить из Киевского клада. Не разыскана.

III подгруппа

13. Л. с. Князь с узкой головой над широкой, короткой фигурой. Ворот плаща украшен бусами. Пальцы обеих рук нарисованы мелкими параллельными штрихами. Легенда читается изнутри, слева направо:

+ ВЛЧДНННД — НДСЛОКЕ

где Д и Р — лежат на боку, Т — перевернуто, а вместо конечного Ъ стоит Е.

О. с. Волосы Христа изображены тремя параллельными линиями, окаймляющими голову, борода — шестью бусами. Руки нарисованы так неумело, будто автор штемпеля понимал их линии уже как складки плаща. По обе стороны от фигуры Христа его монограмма под титлом

ТС — ХТ

13—1 — в. 2,2 г (50 долей), д. 25 мм, табл. V. Хр. Собрания С. В. Бодилевского (1891), Н. Леопардова (1893). Не разыскан. Изд. Чернев, 1891, стр. 11, j, табл. 6, 9; Толстой, 1893, стр. 353, 7, табл. XII, 13—14.

²⁹ Архив АН СССР, фонд А. Куника, 95—2—852, л. 26 (на нем. яз.).

Различие в очертаниях монеты по изображениям ее у Чернева и Толстого, которое может привести к мысли о двух экземплярах, чеканенных одной парой штемпелей, объясняется, вероятно, тем, что снимок у Толстого сделан со слепка. Именно потому, что Толстой располагал только слепком экземпляра Леопардова, он не сообщил вес монеты. В то же время на его снимке видны те же индивидуальные особенности (которые могли принадлежать только монете, но не штемпелю), что и на снимке Чернева экземпляра Бодилевского: трещинки в ободках у буквы Д и под правой ногой князя, царапины от верхней точки левой подвески к вершине стержня трезубца (л. с.), царапины над первой частью монограммы и левее ее, вмятины над второй ее частью³⁰, причем на «обоих» монетах все детали изображений и надписей оказываются одинаковой сохранности. Следовательно, оба автора говорят об одном и том же экземпляре: по-видимому, Бодилевский уступил свой экземпляр Леопардову, как и другие экземпляры Черневу, Толстому и Кульчицкому (см. 1—1, 2—1, 6—14, 7—1, 21—1, 22—1, 24—4 в данном списке), «вынужденный, к сожалению, по непредвиденным обстоятельствам, расстаться с ними»³¹.

14. Л. с. Голова и фигура князя крупные, очень четкого, но грубого рисунка. Линия носа перпендикулярно пересекает линию бровей и упирается в край шапки в точке, из которой радиально расходятся «лучи», заканчивающиеся пятью бусами шапки. Ноги отсутствуют (если не считать ими далеко отстоящие друг от друга прямые линии, идущие от локтей к нижнему краю монеты, которые, впрочем, очерчивают скорее саму фигуру князя). Крупный, очень небрежного рисунка трезубец. Легенда читается изнутри, слева направо

× ВЛДАНННЬ — НДСТОЛС

В ней буква Р перевернута, а буква Є, употребляемая вместо ъ, не имеет перекадины.

О. с. Изображение столь же резкого рисунка, что и на л. с. На щеках — по точке, которые изображают, видимо, румянец. В линиях правого плеча и складках плаща на нем уже не найти ни малейшего намека на схему изображения благословляющей десницы, из которой они возникли. Рук вообще не видно: Евангелие выступает из волнообразных складок плаща. Монограмма

НС — ХС

по сторонам фигуры.

14—1 — в. 3,04 г (69 долей), д. 26 мм, табл. VII. Хр. Собрание М. Д. Свиридова (80-е годы XIX в.). Не разыскан. Изд. Т о л с т о й, 1882, стр. 227, табл. 14, 9.

15. На л. с. едва угадываются фибула на груди князя, его правая рука на скипетре, фрагменты трезубца. В легенде различимы лишь две буквы справа от князя, читаемые изнутри монеты

· Н · · · Σ

На о. с. видны складки плаща Христа, розетки во фрагменте нимба, очерк большой головы с бородой. Начало монограммы сохранилось частично:

НС ХС

15—1 — в. 1,55 г, д. 26 мм, обломан, проба —, легкие пятна серебра на темно-красной меди, табл. V. Хр. Собрание И. И. Толстого. Э, 12. Изд. Т о л с т о й, 1882, стр. 228, № 3, табл. 14, 10.

³⁰ В этих-то неровностях Чернев, вероятно, увидел «более или менее ясные следы перечеканки» (указ. соч., стр. 11, прим. 5).

³¹ Н. Ч е р н е в. Указ. соч., стр. 10.

Табл. I. 1 — златник собрания Эрмитажа (№ Аз-13);
 2 — златник собрания Киевского исторического музея (№ 1001);
 3 — серебреник собрания Эрмитажа (№ 7), л. с., в двойном увеличении, 4 — серебреник собрания Эрмитажа (№ 11), л. с., в двойном увеличении.

1-1

2-1

3-1

4-1

5-1

5-2

5-3

Табл. II. Сребреники Киевского клада.

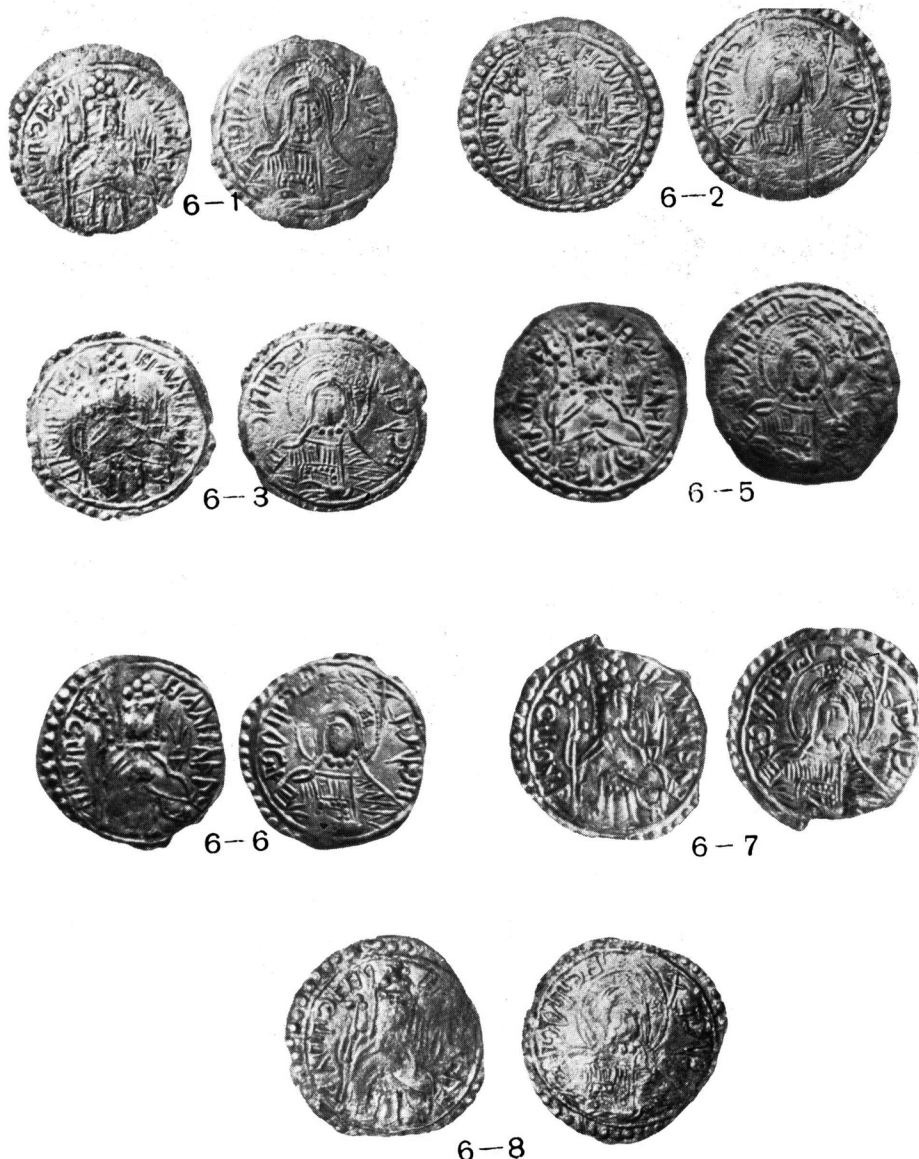

Табл. III. Сребреники Киевского клада.

6-10

6-11

6-12

6-13

6-14

7-1

8-1

10-1

9-1

Табл. IV. Сребреники Киевского клада.

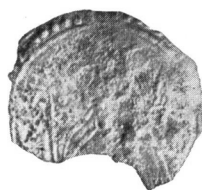
11-1

11-2

11-3

15-1

13-1
по Толстому

13-1
по Черневу

16-1

16-3

Табл. V. Сребреники Киевского клада.

17-1

17-2

18-1

19-1

21-1

22-1

23-1

24-1

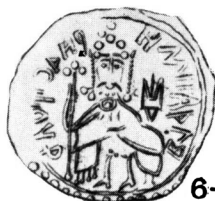
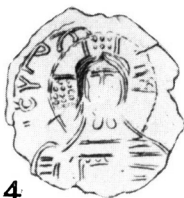
24-2

Табл. VI. Сребреники Киевского клада.

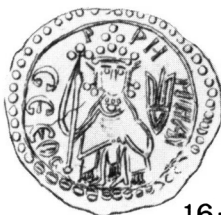
5-4

6-15

14-1

16-2

19-2

20-1

Табл. VII. Сребреники Киевского клада.

IV подгруппа

16. Штемпельная пара чрезвычайно близка штемпелю 6. При сравнении с последним л. с. бросается в глаза несомненное сходство волнообразного абриса левого плеча — левой руки князя, построения княжеской шапки (одинаковое число бус), линий правой руки и скипетра с крестом, изображения ног князя; величина и форма треугольника совпадают. Одинаковы и мелочи: фибула на груди и ожерелье из трех мелких бус на шее князя; три бусы на запястье левой руки.

В изображении о. с. в обоих случаях сходно переданы четыре ряда параллельными линиями волосы Христа, а борода заканчивается несколькими крупными точками. Похожи нимбы, кресты которых украшены одинаковыми розетками из бус. Одинаково размещены складки плаща на правом плече. Одинакова схема складок плаща в целом. Одними и теми же пунсонами сделаны в обоих штемпелях ободки. Наконец, явно родственны и легенды обеих штемпельных пар, несмотря на разницу в содержании:

⓪ Ⓛ Ⓜ Ⓝ Ⓜ Ⓡ — РНМНАЛѢ л. с. и [Ⓡ —] о. с.

Совпадают направление легенд справа налево и чтение изнутри монеты, величина букв и даже начертания букв, содержащихся в легендах обеих штемпелей (см. буквы А, Н, О, Р, С, Х).

Таким образом, штемпеля с разными, наиболее далекими друг от друга сочетаниями легенд (I и IV) изготовлены одним резчиком.

16—1 — в. 3,15 г, д. 27 мм, проба —, табл. V. Хр. Собрание И. И. Толстого (после 1882 г.). Э, 14. Изд. Т ол с т о й, 1893, стр. 351, 10, табл. XII, 19—20.

16—2 — в. 3,3 г (75 долей), д. 27—29 мм, прекрасной сохранности, по определению Толстого, табл. VII. Хр. Собрание М. Д. Свиридова (1882). Не разыскан. Изд. Т ол с т о й, 1882, стр. 229, табл. 15, 4.

16—3 — вес неизвестен, д. 25—26 мм, табл. V. Хр. Собрание С. В. Бодилевского, который, однако, к 1891 г. располагал только копией экземпляра. Не разыскан. Изд. Ч е р н е в, 1891, стр. 12, р, табл. VII, 13 (с копии).

Теми же штемпелями чеканен экземпляр неизвестного происхождения, приобретенный Ю. Б. Иверсеном в 1860 г. в Киеве «в составе маленькой коллекции монет от лица, отъезжавшего во внутренние губернии», и тогда же уступленный им С. Г. Строгонову. Э, 15. Т ол с т о й, 1882, стр. 11, № 5, табл. 6, 12.

17. Л. с. Изображение князя — подобно предыдущим. Легенда читается изнутри, справа налево:

⓪ Ⓛ Ⓜ Ⓝ Ⓜ Ⓡ — НМНѢДѸ

причем несколько букв в ней перевернуто. О. с. Изображение Христа подобно предыдущим. По сторонам его монограмма, читаемая изнутри, слева направо:

[Ⓡ —]

Штемпельная пара безусловно той же руки, что и предыдущая и № 6.

17—1 — в. 2,18 г, д. 26 мм, проба —, табл. VI. Хр. Собрания С. В. Бодилевского (1891), И. И. Толстого (1893). Э, 16. Изд. Ч е р н е в, 1891, стр. 12, п, табл. 6, 11; Т ол с т о й, 1893, стр. 351, 9, табл. XII, 17—18.

17—2 — в. 2,85 г, д. 26 мм, табл. VI. Происхождение из Киевского клада предположительно. Хр. Собрание П. В. Зубова (после 1897 г., см. пояснение к 5—3). ГИМ, 67580/10. Изд. О р е ш н и к о в, 1936, стр. 7, № 18, табл. IV, 9.

Теми же штемпелями чеканен один из 13 сребреников, найденных во время раскопок курганов близ с. Митьковка Климовского р-на Брянской обл. в начале 50-х годов XX в. и хранящихся в ГИМе (Н. Д. М е ц, 1960, стр. 206, № 1, табл. I, I, рис. 1, 1).

Штемпелями того же «почерка», что №16 и 17, чеканен еще один сребренник из курганов близ с. Митьковки (Н. Д. М е ц, 1960, стр. 206, 2, рис. 1, 2, табл. 1, 2).

18. *Л. с.* Изображение князя, трезубец, ободки — подобны предыдущим. Однако своеобразной «волны» в переходе от левого плеча к руке, как у № 16 и 17, нет: плечи князя спокойно покаты и симметричны. Крест на шапке приплюснут. Очень отчетлива кисть руки, лежащей на груди. Бахрома плаща — реже и длиннее. Легенда читается изнутри, справа налево, но большинство букв перевернуто:

ВЛАННН — . . . СЕ1

О. с. Голова и лицо Христа крупнее, чем у № 16 и 17, а складки одеяния на груди — мельче. Евангелие — узкое и длинное, расположено ближе к середине груди.

Монограмма читается слева направо, изнутри монеты:

10 — 10

18—1 — в. 2,84 г (64 1/2 доли), д. 25 мм, табл. VI. *Хр.* Собрание С. В. Бодилевского (1891). Не разыскан. *Изд.* Ч е р н е в, 1891, стр. 12, о, табл. 6, 12. Другой экземпляр, чеканенный этой парой штемпелей, найден в 1934 г. у с. Раденского Цюрупинского р-на Херсонской обл. (ГИМ, 90505; Н. Д. М е ц, 1963, стр. 98, 99, рис. 1).

19. Подобные предыдущим композиции *л.* и *о. с.* данной штемпельной пары, имея все те изобразительные признаки, которые характерны для № 16—18, отличаются от последних только исключительно четкой и правильной легендой на лицевой стороне, читаемой снаружи монеты, справа налево:

ВЛАННМНРЗ — ССГО

Монограмма Христа на *о. с.* слева направо:

10 10

19—1 — в. 3,22, г. д. 26 мм, проба —, табл. VI. *Хр.* Собрания С. В. Бодилевского (1891), И. И. Толстого (1893). 9, 17. *Изд.* Ч е р н е в, 1891, стр. 12, м, табл. 6, 10; Т о л с т о й, 1893, стр. 351, 8, табл. XII, 15—16.

19—2 — в. 3,3 г (75 долей), д. 27 мм, табл. VII. *Хр.* Собрание М. Д. Свиридова (1882). Не разыскан. *Изд.* Т о л с т о й, 1882, стр. 227, 1, табл. 14, 8.

20. Штемпельная пара очень близка предыдущей. Отличия несущественны: у кисти левой руки князя пять точек вместо обычных для этой группы штемпелей двух-трех точек. Борода Христа — шире, Евангелие в его руке — крупнее.

Легенды обеих сторон расположены, как на штемпелях № 16—19, очень ясно, выполнены почерком последних, причем легенда на *л. с.* не поместилась целиком:

л. с. — ВЛАННМНРЗ — ССССЕ1,0С *о. с.* — 10 — 10

20—1 — в. 3,48 г (79 долей), д. 27 мм, обломан, табл. VII. *Хр.* Собрание М. Д. Свиридова. Подарок последнего киевскому архитектору В. Н. Николаеву (1876), который, пожертвовав эту монету музею Киевской духовной академии (1878), рассказал почему-то С. В. Бодилевскому, что она якобы была приобретена им у рабочих, нашедших ее в 1877 г. в старокиевской части города при окопке фундамента в одной из частных усадеб. В 1925 г. А. А. Ильин опознал данную монету в экземпляре, купленном в Киеве на рынке К. П. Березиным. Не разыскан. *Изд.* Т о л с т о й, 1882, стр. 12, б, табл. 12, 1. *Упом.* Ч е р н е в, 1888, стр. 67, 68; Архив ЛОИА АН СССР, протокол № 243 Комиссии по нумизматике и глиптике от 23 мая 1925, л. 60.

21. *Л. с.* Голова князя мала, фигура сравнительно мелка. На подвесках княжеской шапки лишь по одной бусине. Полы плаща имеют вид острых углов, бахрома на его нижнем крае — длинная. Крест скипетра — очень правильной формы, так как образован не из трех, а из четырех, да еще соединенных тонкими линиями бус. Треуголец крупный и широкий. Легенда читается снаружи, справа налево, причем некоторые буквы перевернуты:

СОГ ЭЭС — . . . ДАУВ

О. с. Голова Христа мала; нимб слева шире, чем справа; розетка правильного рисунка только на верхнем конце его креста. Евангелие помещено посреди груди. Рука Христа, поддерживающая изображение, крайне схематична, так же, как и складки одежды. По сторонам — монограмма под двойным титлом:

īс — х̄с

Для обеих сторон характерен очень низкий рельеф изображений.

21—1 — *в.* 2,18 г, *д.* 26—27 мм, проба 375, табл. VI. Хр. Собрания С. В. Бодилевского и Кульчицкого (1891). **КИМ**, 761 (дар Бодилевского к открытию музея в 1904 г.). *Изд.* Чернев, 1891, стр. 11, к, табл. 8, 9а; стр. 10, *д.* Упом.— см. пояснение к 9—1.

22. *Л. с.* Изображение — крайне грубой работы. Фигура и лицо князя крупные. Крест скипетра — из четырех бус. Плащ застегнут фибулой с двумя бусами, имеет в средней части нижнего края такой же треугольный выем, как изображения на № 21. Треуголец большой. Легенда читается снаружи, справа налево:

ЛАННН — СЕЕЕЮС

Начертания всех букв в ней детально совпадают с начертаниями на предыдущей монете.

О. с. Изображение Христа схематично и крупно. Пальцы левой руки настолько длинные, что могут быть приняты за пояс. Бусы на концах креста в нимбе расположены по-разному. Из-за плохой сохранности монеты нельзя различить, где помещено Евангелие: в центре ли груди (поддерживаемое левой рукой) или в правой руке. Монограмма по сторонам от Христа под двойным титлом

īс̄ — х̄с̄

абсолютно тех же начертаний, что на предыдущем штемпеле.

Именно эти двойные титлы на экземплярах штемпелей № 21, 22, вероятно, и принимал Н. Чернев за следы первоначальной чеканки, утверждая, что монеты с монограммой на *о. с.* перечеканены якобы из монет, имевших в первоначальном виде полное имя Христа на *о. с.* (Чернев, 1891, стр. 11).

22—1 — *в.* 2,35 г, *д.* 28—30 мм, выломан кусок, сильно стерт, просвет меди, табл. VI. Хр. Собрания С. В. Бодилевского, Кульчицкого (1891), В. М. Иверсена (1906). **ГИМ**, 78445/7 (поступление из финансового отдела НКВД в январе 1937 г.). *Изд.* Чернев, 1891, стр. 11, *л*, табл. 8, 9в, стр. 10, *д*; Иверсен, 1906, стр. 10, табл. I, 3; Мещ, 1963, стр. 98, 99, 2, рис. 2.

23. *Л. с.* Туловище князя очень короткое, а голова длинная. Видны пальцы левой руки, раздвинутые на груди. Плащ застегнут полукруглой пряжкой и оканчивается очень длинной бахромой. Шапка без креста, подвески ее составляют одно целое с ожерельем. Крест на скипетре — из четырех бус, соединенных тонкими линиями. Треуголец очень правильной формы, с бусиной посреди стержня. Легенда читается снаружи, слева направо:

ВЛНННН — ДСЕЕГО

О. с. Голова Христа крупная, с большим лицом, но очень маленьким лбом. Бусы на кресте нимба уложены двумя рядами. Корпус высок, складки плаща переданы крайне примитивно. Ясно видны обе руки на груди. По сторонам монограмм под титлом:

Штемпельная пара резана явно с оглядкой на № 16—20 (см. общий абрис фигуры князя, рисунок трезубца, схему головы Христа) и на № 21, 22 (см. рисунок скипетра, оформление нижнего края плаща, расположение складок одежды Христа).

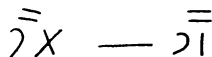
23—1 — в. 2,24 г, д. 26 мм, табл. VI. Хр. Собрания Н. А. Леопардова (Киев, 1891), г-на Грирсона (Кембридж, Англия. Куплен в 1965 г. у человека, полагавшего, что это монета о-ва Крит). *Изд.* Чернев, 1891, стр. 12, табл. 7, 8, 14. *Упол.* Письмо г-на Грирсона в Эрмитаж от 26 августа 1965 г.

24. Штемпельная пара, имеющая сходство с предыдущей.

Л. с. Изображение князя очень схематично. Крест на шапке не виден, подвески повторяют контур лица, как на № 23. Пальцы левой руки широко раздвинуты на груди. Нижний край плаща не виден, ноги едва угадываются. Трезубец большой, правильной формы. Легенда, исполненная почерком штемпеля № 23, читается справа, слева направо:

О. с. Изображение Христа, в деталях повторяющее штемпель № 23 (см. рисунок головы, волос, бороды, складок одежды, переданных прямыми линиями, и т. п.). По сторонам монограммы, как на № 23:

24—1 — в. 2, 4 г, д. 26 мм, сильно стерта, проба —, табл. VI. Хр. Собрание И. И. Толстого. Э, 13. *Изд.* Толстой, 1882, стр. 228, № 4, табл. 14, 11.

24—2 — в. 1,98 г (45 долей), д. 26 мм, красная медь, табл. VI. Хр. Собрания С. В. Бодилевского, Кульчицкого (1891), В. М. Иверсена (1906). В. Ф. Недзельского (Москва), В. В. Лукьянова. *Изд.* Чернев, 1891, стр. 12, ч, табл. 8, 14а; Иверсен, 1906, стр. 9, табл. 1, 1.

Таким образом, как видно из описания сребреников Киевского клада и соответствующих ему таблиц, штемпеля монет Владимира I типа были неоднородны по исполнению. Среди них удастся выявить почерк нескольких (не менее пяти-шести) резчиков, очень разных и неравноценных по мастерству: самостоятельных, подражателей и просто беспомощных.

Прежде всего обращают на себя внимание три группы сребреников, каждая из которых имеет четкие признаки определенных индивидуальных приемов работы.

1. Штемпеля 1—5 (I подгруппа), связанные благодаря детальному сходству изображений и надписей (см. описание I подгруппы) с группой златников.

Мастер этой группы свободно владеет композиционной схемой и безусловно понимает изображаемые детали, хотя рисунок иногда неловок (см. изображение благословляющей руки Христа, которое от штемпеля к штемпелю «портится»).

Монеты, чеканенные штемпелями этого мастера, отличаются высоким рельефом изображений и легенд и выпуклой лепкой фигур. Легенды, насколько можно судить по стертым или обломанным в большинстве случаев монетам, вполне грамотны, а буквы — ясных, красивых, иногда даже изящных начертаний.

2. Штемпеля 8, 9 (II подгруппа). Резчик их с не меньшей свободой повторил заданную композицию, но его манера — графичнее. Рельеф изображений — плоский, рисунок — тщателен, надписи — очень правильны и отчетливы.

Характерной особенностью данного почерка является изображение князя сравнительно широколицым и даже толстощеким. Работы этого мастера, возможно, повлияли на некоторые штемпеля сребреников Владимира III типа, где князь представлен столь же «щекастым» (например, экземпляр ГИМа 29, найденный в 1815 г. в Борисполе. Орешников, 1936, стр. 76, № 29, табл. VI, 1; экземпляр Э, 58 из Нежинского клада 1852 г. Толстой, 1893, стр. 358, 15, табл. XIII, 7—8).

2а. Штемпель 10 (II подгруппа) — резан старательным, но неграмотным копиистом предыдущего мастера. При явном наследовании самых мелких подробностей рисунка надписи — почти бессмысленны.

3. Штемпеля 6 (I подгруппа), 16, 18—20 (IV подгруппа). Чувствуется очень уверенная рука и легко прослеживаются устоявшиеся, хотя и не оригинальные приемы размещения легенд и изображения отдельных деталей композиции (волнистая линия перехода левого плеча в предплечье; разделка складок, шапок, подробностей лиц и т. п.). Некоторые из этих приемов явно заимствованы у мастера штемпелей 1—5 (I подгруппа) и златников (тонко нарисованная левая рука Христа, сквозь пальцы которой обязательно видна одна из бус на окладе Евангелия; изящные подвески княжеской шапки и др.). Возможно, у первого мастера этот резчик заимствовал и свою «волну» в рисунке княжеского плеча, так как намек на нее у первого уже имеется (см. № 4, 5), как и саму скульптурно плотную фактуру некоторых своих монет. Но благословляющего жеста правой руки, полагающегося Пантократору, этот резчик уже не понимает и пририсовывает правую руку у пояса, рядом с левой, занятой Евангелием.

Очень важно, что один мастер оказывается автором штемпелей с, так сказать, крайними сочетаниями лицевых и оборотных легенд (подгруппы I и IV). Значит, штемпеля всех четырех подгрупп монет I типа изготавливались если не одновременно, то очень близко друг к другу во времени. В этом убеждает и принадлежность большинства дошедших до нас монет Киевского клада именно к I и IV подгруппам (к I — 25 монет, к IV — 14 монет из общего количества 49).

Представлению о компактности выпуска всех подгрупп сребреников I типа не противоречит еще несколько штемпелей, относящихся-

ся к разным подгруппам и, на первый взгляд, не имеющих между собой ничего общего, но при подробном рассмотрении оказывающихся родственными.

4. Штемпеля 11 (II подгруппа), 13, 14 (III подгруппа). Повторяются абрисы фигур (князя в № 13 и 14, Христа — в № 11 и 13) и отдельные детали: княжеская шапка с подвесками (№ 13 и 14), волосы Христа (№ 1 и 13), скипетр и трезубец, руки Христа и др. (на всех трех). Очень близки начертания одинаковых букв, содержащихся в обоих вариантах надписей л. с.

Резчик работал с явной оглядкой на произведения мастера штемпелей 1—5 (I подгруппа), что особенно заметно при сравнении со штемпелем 5, но в такой сугубо графичной манере, что изображения и надписи на его монетах из-за очень низкого рельефа оказались стертыми. Легенды исполнены небрежно, с перевернутыми буквами или недописаны. Некоторые буквы (А, М, В, Ъ) имеют начертания, свойственные деловой скорописи.

После выделения этих четырех-пяти более или менее квалифицированных авторов монетных штемпелей I типа остается еще четыре-пять подражательных, порою беспомощных, порою совершенно варварских резчиков. Большинство из них представлено в IV подгруппе (№ 21, 22, 23, 24), один — в I (№ 7), один — в III (№ 15), причем каждого резчика известен один штемпель. Так же единичны сребреники этих штемпелей, как правило, отчеканенные почти из чистой меди. Всем этим резчикам присущи крайняя графичность резьбы и сухой, неправильный и грубый рисунок с низким, совершенно плоским рельефом, надписи их часто безграмотны.

Лучшие из этих резчиков, не понимая благословляющего жеста Пантократора, изображают на месте правой руки Христа несколько складок, а самую руку помещают справа от Евангелия (№ 23, 24). Остальные не понимают уже и этого и рисуют Христа просто безруким, с Евангелием, «повисшим» на груди.

Некоторые из этих резчиков участвовали, возможно, в изготовлении сребреников Владимира II типа (ср. № 15, 22 с монетами II типа — Толстой, 1882, стр. 15—30).

Таким образом, сребреники Киевского клада позволяют проследить стилистическое развитие древнейших русских монет как памятников искусства.

Русские резчики монетных штемпелей начали с ученического усвоения и повторения византийских образцов. Главной особенностью метода византийцев, унаследованной еще от античности, был глубокий рельеф изображений, которым достигалась трехплановость композиции на монетном кружке (выпуклое изображение, рельефная легенда, плоский фон). В дальнейшем русская школа развивалась в направлении постепенного освобождения от скульптурных приемов резки штемпелей и перехода к чисто графическому исполнению монетной композиции, которое возобладало во всех следующих за I типом монетах, кроме типа «Ярославле серебро».

Помимо неумелости, неопытности русских резчиков и т. п. победа графического начала в творчестве первых русских монетчиков может объясняться и влиянием арабского монетного дела.

Привычное более столетия средство русского денежного обращения — арабские дирхемы были традиционно и неизменно графичны по композиции, содержащей только легенды. Эпиграфическая же по содержанию композиция могла быть построена только двухпланово (легенда на фоне монетного поля), и мастерство исполнения арабских штемпелей измерялось художественностью написания легенд.

Восприняв христианско-византийскую схему композиции монетных изображений, русские мастера X—XI вв. пошли в исполнении ее вслед за привычным дирхемом и упростили соответственно образу последнего композиционное решение от трехпланового до двухпланового. В свете метрологической зависимости сребреников от дирхемов (см. далее) следование древнейших русских монет внешним изобразительным признакам дирхемов представляется вполне естественным.

Как видно из эволюции изображения правой руки Христа в композиции оборотной стороны монет I типа, облегчение, упрощение касалось и самого канонического элемента композиционной схемы — фигуры Христа, который в какой-то момент русского осмысления византийского канона перестал, собственно, быть Пантократором, лишившись сначала благословляющей, а затем и обеих рук.

Сосредоточенность самых грубых по исполнению сребреников в наиболее удаленной стилистически от старейших золотых монет IV подгруппе и сравнительная редкость и даже единичность таких экземпляров, а также их связь с монетами II типа позволяют считать эту подгруппу наиболее молодой, а самые эти экземпляры — относящимися к последним выпускам серебра Владимира I типа.

Поскольку собственных разработок серебра в древней Руси не было, регулярные выпуски монет были невозможны, и продукция каждого «передела» большей частью неминуемо уходила из обращения в сокровища и в сырье ювелирного дела.

Лицевые и оборотные штемпеля разных выпусков не оказываются связанными между собой в одной паре, поэтому можно думать, что штемпеля каждого выпуска уничтожались ранее, чем начинался новый. Следовательно, монетные переделы были крайне спорадическими и производились от случая к случаю, в зависимости от появления в распоряжении князя определенных ресурсов серебра, добытых путем торговли, войны или сбора дани.

Отсутствие прочной сырьевой базы, недостатки технической организации чеканки и, главное, полное неведение законов товарно-денежного обращения сказались прежде всего на качестве металла русских монет X—XI вв. Серебро разбавлялось лигатурой до тех пор, пока само не оказывалось примесью к ней.

Низкое качество металла в сребрениках I типа последнего выпуска свидетельствует, что причиной отмеченного выше хронологического разрыва между чеканкой первого и остальных типов сребреников явилось, по-видимому, полное прекращение притока в княжеские хранилища серебра. Отсутствие сырья длилось, очевидно, довольно долго, так как к моменту чеканки сребреников Владимира II типа сребреники I типа уже настолько вышли из сферы денежного обращения, что никогда не встречаются в находках вместе с монетами последующих типов.

Содержащий только русские монеты, причем единственного типа, Киевский клад не может получить точную дату зарытия, что более или менее возможно для кладов смешанного состава. Его датировка концом X в. определяется рядом косвенных упомянутых выше соображений. Обе находки сребреников I типа в составе смешанных кладов (Молодь Псковской губ., 1878 г.— 10-е годы XI в.³²; Sigsarve на о. Готланд, 1918 г.— 60-е годы XI в.³³) не противоречат этой датировке, а находки их в курганных комплексах XI в. вместе с дирхемами конца X в. (Вотня Могилевской губ., около 1880 г.³⁴; Липино Курской обл., 1948 г.³⁵; Митьковка Брянской обл., 1953 г.³⁶) подтверждают ее, поскольку увеличивающая возраст памятника поправка к дате монет из погребений должна быть больше, чем при определении даты монет из кладов.

Для метрологического исследования монет Киевского клада слишком мало данных ввиду малочисленности экземпляров хорошей сохранности.

Сетуня на случайность и фрагментарность известного в его время фонда сребреников, И. И. Толстой сознательно уклонился от изучения веса русских монет X—XI вв. и предположил, что они были чеканены без всякой определенной весовой системы³⁷.

Н. П. Бауер, не разделявший пессимистического взгляда Толстого, предложил исследовать сребреники с целью установления связи с восточной и византийской метрологией и для разграничения отдельных выпусков³⁸.

Действительно, метрологическое изучение монет каждого типа в отдельности, наиболее верное методически, заманчиво возможностью сравнительного исследования всех типов. Но, к сожалению, оно подчас совершенно неосуществимо из-за ничтожного количества не только пригодных для метрологических выкладок монет, но даже вообще известных экземпляров некоторых типов. Так, монет

³² Толстой, 1893, стр. 352; Н. П. Бауер. Указ. соч., стр. 306.

³³ M. Stenberger, P. Berghaus. Der Schatz von Sigsarve, Gotland. Ur Kungl. Vitterhels Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar Del 83 Antikvariska Studier V. Lund, 1953, стр. 166.

³⁴ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 167.

³⁵ Там же, стр. 168.

³⁶ Н. Д. Мец. Сребреники из с. Митьковка.— СА, 1960, № 1, стр. 213.

³⁷ Толстой, 1882, стр. VII.

³⁸ Н. П. Бауер. Указ. соч., стр. 317.

«Ярославле серебро» и монет с надписью «ПЭТАР» (тип II Ярослава по классификации И. И. Толстого) известно только по девять экземпляров, а с надписью «ПЕТРОС» (тип I Ярослава по Толстому) — лишь четыре экземпляра. Именно поэтому, очевидно, В. Л. Янин предпочел все-таки провести метрологическое исследование древнейших русских монет как единой группы.

В. Л. Янин обосновал метрологическую связь древнейших русских монет X—XI вв. с дирхемом и нашел, что

весовая норма этих монет, равная 2,9 — 3,3 г по весовой диаграмме для 197 сребреников всех типов, соответствует куне в южнорусской денежно-весовой системе³⁹.

Поскольку для выяснения весовой нормы пригодны только монеты лучшей сохранности, весовую диаграмму Киевского клада можно строить лишь по 43 экземплярам (рис. 1). Она подтверждает вывод Янина о равенстве весовой нормы сребреника приблизительно 3 г. Дополнение этой диаграммы весовыми данными еще 10 сребреников I типа из других находок не меняет ее результата: древнейшие русские монеты X в. — сребреники Владимира I типа — чеканились по весовой норме куны южнорусской денежно-весовой системы X в.

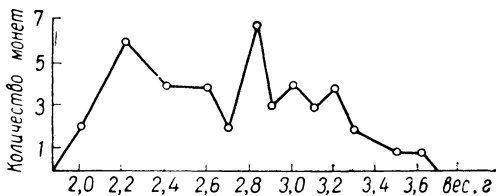

Рис. 1.

³⁹ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 170.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ РУССКОЙ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ 1914—1917 гг.

И. Г. СПАССКИЙ
(Ленинград)

В сентябрьском выпуске «Бюллетеней» Сиби за 1964 г. закончилось печатание работы молодого американского нумизмата Р. Джулиана под названием «Монетная чеканка Николая II»¹. Несмотря на некоторые погрешности, эта публикация заслуживает одобрения как полезный вклад в небогатую литературу, посвященную русским монетам предреволюционного времени.

Заметно выросший в последние годы интерес нумизматов-любителей в США к русским монетам имел следствием появление ряда соответствующих публикаций американских авторов², причем наибольшее внимание их привлекают монеты XVIII—XX вв. Этому не приходится удивляться: за исключением ефимков, количество которых в США довольно значительно³, монет допетровского вре-

¹ R. W. Julian. The coinage of Nicholas II.— Seaby's coin and medal bulletin, 1964, стр. 10—14, 41—44, 86—91, 129—133, 171—174, 207—210, 242—245, 282—285, 333—336.

² Р. Джулиану принадлежит еще одна публикация — Coinage of Czar Alexander Second.— Numismatic Scrapbook magazin, 1960, № 12, стр. 3517—3527; E. C. I. a. i n - S t e f a n e l l y (Smithsonian Institution), Russian Gold coins. Spink and Son, 1962, London, в журнале (Numismatic Circular, т. LXX, стр. 101, 128, 183) и отдельным изданием; монография Н. М. S e v e r i n. Gold and platinum coinage of Imperial Russia from 1701 to 1911. A compilation of all known types and varieties. New York, 1958; е г о ж е. The Silver Coinage of Imperial Russia 1682—1917 (совместное издание Münzen und Medaillen A. G. Basel — J. Schulman, Amsterdam — Spink and Son Ltd., London, 1965; е г о ж е. Minning Rubles or Embassy Ingots? — Coin Galleries. New York, 1961, стр. 70—72.

³ После выхода в 1960 г. моего каталога («Талеры в русском денежном обращении 1654—1659 гг.») благодаря любезности ряда американских коллег, приславших фотокопии ранее неизвестных мне аукционных каталогов, сведения о монетах их коллекций и т. п., для меня выяснилась судьба очень большой партии ефимков, которая в конце 20-х годов находилась в распоряжении Советской филателистической ассоциации.

мени так мало, что ни собирать их, приобретая на антикварном рынке, ни серьезно изучать нет реальной возможности, тогда как монеты XVIII—XX вв. все же в какой-то мере доступны. К тому же эпиграфические и изобразительные данные последних не представляют непреодолимых затруднений для более или менее квалифицированного нумизмата, чего не скажешь о допетровских монетах — они уже требуют некоторых специальных знаний и навыков.

Основной базой упомянутых публикаций является известный корпус русских монет, изданный вел. князем Георгием Михайловичем. Не говоря уже о прекрасных каталогах и таблицах, особую ценность этому, к сожалению, не доведенному до конца изданию придают его археографические приложения, составителем которых был М. Г. Деммени. Тщательно подобранные и отредактированные документы разносторонне освещают монетную чеканку России с 1725 по 1890 г. Однако не следует преувеличивать полноту этих материалов: даже для столь высокопоставленного издателя ряд архивов тогдашнего Петербурга оказался недоступным. Будущего исследователя ожидает немало радостных находок и открытий, например, в сохранившейся части архива Петербургского монетного двора за весь XIX и начало XX в. и в некоторых других фондах ленинградских архивов.

Советские нумизматы-исследователи еще почти не прикасались к материалу по русской монетной чеканке и денежному обращению XVIII—XX вв. Согласно и планируя общее направление своих работ, они в области русской нумизматики в последние десятилетия занимались в основном разработкой ряда важнейших проблем денежного обращения допетровского времени; пока что можно назвать лишь единичные публикации по частным вопросам нумизматики XVIII—XX вв. Можно рассчитывать, что уже в ближайшее десятилетие будут осуществляться в большем числе исследования и в этой области.

Корпус Георгия Михайловича доведен только до 1890 г. Для всего позднейшего периода царской чеканки в нашем распоряжении остаются лишь краткие «практические руководства для собирателей» Х. Х. Гиля и А. А. Ильина — для монет по 1904 г. и М. Ю. Гаршина — с 1905 по 1915 г.⁴ Значение работы Р. Джулиана в том и заключается, что он пошел дальше этих авторов, обратившись прежде всего к вопросам монетной статистики. При всей краткости, в этой части его труд становится продолжением упомянутого выше корпуса; можно лишь сожалеть, что Р. Джулиан ограничился монетами правления Николая II, а не начал с чеканки 1891 г.

---

⁴ Х. Г и л ь, А. И л ь и н. Русские монеты, чеканенные в 1801—1904 гг. СПб., 1905; М. Г а р ш и н. Русские монеты. Перечень монет и их разновидностей царствования имп. Николая II, не вошедших в книгу, составленную Х. Гилем и А. Ильиным, и продолжение этой книги с 1905 по 1915 г. Пг., 1916. Следует упомянуть еще полезное историко-статистическое исследование М. Кашкарова «Денежное обращение в России», т. I, II. СПб., 1898.

Исследовательская направленность «Монетной чеканки Николая II» отличает ее от в основном компиляционных публикаций американских коллег Р. Джулиана. Его статистические данные восходят к таким солидным источникам, как «Ежегодники Министерства финансов»⁵ и отчеты монетных дворов Вашингтона и, в особенности, Лондона⁶. Последние в течение многих лет публиковали обзоры мировой монетной чеканки, пользуясь исключительно официальной информацией, поступавшей по дипломатическим каналам. Сведения о чеканке в России помещались там регулярно с 1887 г. Полученные Джулианом от Парижского и Брюссельского монетных дворов справки несколько уточняют имевшиеся в русской литературе сведения о чеканке русской монеты по заказам за границей.

Не ограничиваясь сбором статистических сведений, Джулиан кратко излагает содержание основных законодательных актов по монетному делу России рассматриваемого периода. Затронут им и существенный не только для данного периода вопрос об относительной достоверности дат, выставленных на монетах, в связи с отмеченными им случаями несоответствия между этими датами и статистическими данными за те же годы. Возможно, что в некоторых случаях это может зависеть даже от двойственного характера отчетности Петербургского монетного двора, операционный и отчетный год для которого с 1878 г. начинался вместо 1 января с 1 августа, а с 1899 г. — с 1 октября⁷. Вообще же монетный двор мало волновало соответствие выбиваемых на монетах дат времени их чеканки.

Заслуживает одобрения и то, что Джулиан вывел из своего основного каталога в особый раздел пробные монеты и оговорил условность оставления некоторых «сомнительных» монет (вроде обычно крупных номиналов золотой чеканки). Тем самым четко отделяется реальный фонд денежного обращения от монет-фикций.

С вполне понятными трудностями встретился составитель каталога, описывая коммеморативные монеты. В официальных данных не всегда они отделяются от всей массы рублевой монеты, и тираж их в большинстве случаев особо не отмечается, не называются имена медальеров и т. п., а в русской нумизматической литературе сведения об этом крайне ограничены и не вполне достоверны. Исправляя содержащиеся в работе г. Джулиана ошибки, часть вины за них я, по правде сказать, должен принять и на себя: отвечая на запрос г. Джулиана, я излишне доверчиво отнесся к сведениям журнала «Старая монета» и по досадному недоразумению не мог назвать

---

⁵ Ежегодник Министерства финансов, 1895—1916. СПб. (сборники статистических сведений, русский и французский язык).

⁶ United States Director of the Mint. Annual reports, 1895—1900. Washington; Deputy Master of the Royal Mint. Annual reports, 1895—1916. London, 1896—1918.

⁷ 2-е ПСЗ, т. LIII, № 58138; Устав монетный и инструкция по управлению С.-Петербургским монетным двором. СПб., 1899, стр. 26.

статью более информированного в данном вопросе С. И. Чиждова⁸. Однако и сведения последнего о тираже памятных рублей 1912 г., как показали архивные справки, не вполне точны, впрочем и сами эти справки оставляют некоторые неясности.

По официальным данным упомянутых выше источников, чеканка рублей в 1912 г. составляет 2 111 221 экз., а «наряд», т. е. плановое количество рублей к выпуску в 1912 г., составляет 2 млн. шт.⁹, что дает уже известные основания отнести избыток на счет памятных рублей этого года — Отечественная война. 1812—1912 гг. и открытие памятника Александру III, — тем более, что и «Ведомости о количестве серебряной... монеты, приготовленной в счет наряда 1912 г.»¹⁰ называет те же 2 млн. обыкновенных рублей. Но ее итог составляет несколько меньшее количество — только 2 040 312 рублей. Возможно, что окончательный итог включал в себя и количество рублей, отчеканенных с начала передела — с 1 сентября 1911 г., которое установить пока не удалось; чеканка же рубля в память юбилея Отечественной войны началась, по-видимому, еще в 1911 г.¹¹

В названной ведомости против графы рублевой чеканки имеются записи двух родов. Одни из них, очевидно, относятся к чеканке обычного рубля — в них дата сдачи партии и количество, как правило, крупное и «круглое». Так, 31 января 1912 г. значится 5 тыс. штук, в мае несколько партий составляют 375 тыс., в июне — 900 тыс. и в июле — 720 тыс., что в сумме и составляет 2 млн. монет. Во всех других случаях в специальной графе называется заказчик; к сожалению, не во всех случаях указано, что именно чеканилось. Это можно с известной долей вероятности объяснить для начала года тем, что сперва чеканился только рубль 1812—1912 гг. и еще не было нужды в точных обозначениях. Именно таковы записи 24 января — «для Главного управления Военно-учебных заведений» — 762 и 27 января — «для Главного штаба» — 11 238 (оба количества складываются в «круглое число»), 25 февраля — «для вел. княгини Марии Павловны» — 500 и 16 марта — «для Главного морского штаба» — 200. Еще одна запись 1 марта — «Коллекция», т. е. обязательные экземпляры для Эрмитажа, вел. князя Георгия Михайловича и т. п. — 9 экз. — имеет в виду, по-видимому, обыкновенный рубль, чеканка которого началась, как указывалось, 31 января.

Чеканка вполне определенного рубля — с памятником Александру III — впервые упоминается 16 марта — 500 штук «для Во-

⁸ Журн. «Старая монета». СПб., 1912, № 9, стр. 28; С. И. Чижов о Юбилейные рубли 1912 и 1913 г. — НС, III. М., 1915, стр. 100—102. Статья почему-то не вынесена в оглавление тома; будучи знакомым с нею, я напрасно искал ее в оглавлениях «Нумизматического сборника» и других приходивших в голову изданий — и пришел к заключению, что ошибаюсь.

⁹ Центральный исторический архив г. Ленинграда (далее — ЦГИАЛ), ф. 570, оп. 12, № 130, л. 1.

¹⁰ Там же, № 132, л. 271—273.

¹¹ Там же, ф. 570, оп. 11, № 807. Об изготовлении штемпелей и медалей к 100-летию юбилею Отечественной войны. 1911—1912 гг.

енно-походной канцелярии его величества»¹². Именно это количество и указано в заказе, сделанном этой канцелярией 14 марта¹³.

К этому же рублю отнесена запись 11 июня — «Коллекции» — 3 экз. и 16 июля — 100 шт. для вел. княгини Марии Павловны. Далее, 22 июля впервые назван рубль в память Отечественной войны — 25 тыс. шт. для Военно-походной канцелярии и 3 сентября — без уточнения, но, по-видимому, этот же рубль в 9 экз. — «Коллекции». 11 сентября 300 экз. этого же рубля записано за кассой министерства двора. 21 января 100 неизвестных нам рублей предназначается для вел. княгини Марии Павловны, которая уже имеет 500 рублей — неизвестных, но, во всяком случае, не с памятником Александру III, и 100 юбилейных. 19 октября 100 необозначенных рублей предназначаются для канцелярии имп. Марии Федоровны. Далее же почти все ясно: с 30 ноября целый ряд записей вполне четко делится между двумя рублями — рубль с памятником Александру III изготавливается для императорской главной конторы — 1000, для кассы министерства двора — 300, для конторы двора вел. князей Бориса и Андрея Владимировичей — 10; 18 декабря для вел. князя Георгия Михайловича — 10 и 29 декабря для Варшавского университета — 1 шт. 30 ноября юбилейный рубль записывается за Морским главным штабом в количестве 87 экз., 29 декабря — за лейб-гвардии кирасирским полком — 25 и за Варшавским университетом — 1. Еще 50 неизвестных рублей предназначаются Кавалергардскому полку и 2 — вел. князю Николаю Михайловичу.

Если подытожить только не вызывающие никаких сомнений записи, то на долю рубля с памятником приходится 1930 экз. и юбилейного рубля — 24 412 экз.¹⁴ Но, по всей вероятности, к последнему относятся и подавляющее большинство из 12 970 не полные сных рублей — пожалуй, не меньше 12 700, а рубль с памятником в таком случае чеканился в количестве, несколько превышающем 2000 шт. Но и на этом дело еще не кончается, так как в такой же ведомости за 1913 г. показана чеканка в мае 7665 рублей в память юбилея Отечественной войны по заказу канцелярии по кредитной части Министерства финансов¹⁵. Таким образом, совершенно несомненная чеканка последнего рубля заметно превышает уже 30 тыс. экз. С. И. Чижов для рубля с памятником Александру III (работы А. А. Грилихеса) называет 900 экз. и для юбилейного рубля 26 500 экз., но правильно указывает автора последнего —

¹² ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 132, л. 271, 272.

¹³ В ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 11, № 808, имеется дело монетного двора «Об изготовлении штемпелей для медали и серебряных рублей в память открытия в Москве памятника имп. Александру III», из которого видно, что после того, как Военно-походной канцелярией был утвержден проект рубля работы А. Грилихеса и заказаны штемпеля, последовал заказ на чеканку 500 рублей и 5000 полтинников. Монетный двор должен был разъяснить, что чеканить полтинники рублевыми штемпелями невозможно. Окончательный заказ в деле не показан.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 132, л. 271—273.

¹⁵ Там же, л. 277.

медальера М. А. Скуднова, а не А. Ф. Васютинского, как значится в «Старой монете» и у Джулиана.

Р. Джулиан не очень верно называет юбилейный рубль 1912 г. «бородинским». Но особенно не повезло в его описании второму рублю 1912 г.: статуя Александра III, едва ли не под воздействием представлений о петербургском памятнике, названа конной, а слова надписи «в бозе почил» оказались слишком мудренными для понимания. (В части надписей на монетах в работе имеется немало и других погрешностей).

Относительно «романовского» рубля 1913 г. С. И. Чижов отметил, что хотя композиция портретной стороны и принадлежит медальеру М. Керзину, но для рубля она была скопирована А. Ф. Васютинским, причем его работа вызвала основательные критические замечания. Чижов отметил и наличие двух вариантов этого рубля: около 50 тыс. было отчеканено штемпелем с низким рельефом, для всех остальных штемпель был несколько доработан.

Совсем немного мог сказать Р. Джулиан о гангутском рубле 1914 г., предназначавшемся для так и не состоявшихся из-за войны торжеств. В «Протоколах» Российского общества нумизматов — петроградского кружка любителей нумизматики¹⁶ — опубликовано сообщение Н. А. Типольта о нумизматических памятниках несостоявшегося юбилея. Сочиненные Н. А. Типольтом и А. А. Поповым наброски плакетки, наградной медали и рубля были переданы для исполнения одному в сообщении не названному медальеру, рисунки которого, однако, не были одобрены; новые проектные рисунки, а по утверждению их и лепку выполнил П. Г. Стадницкий¹⁷.

В «Ежегоднике Министерства финансов» за 1915 г. в графе рублевой чеканки 1914 г. показано на 30 тыс. рублей меньше, чем в Лондонском отчете, но указано, что «кроме того, приготовлено 30 тыс. рублей в память 200-летия гангутской победы, которые оставлены на хранение при монетных переделах»¹⁸.

Сохранившиеся в архиве монетного двора ежедневные сведения о чеканке 1914 г. показывают, что весь 30-тысячный тираж был изготовлен к 28 июня¹⁹ и хранился при Переделе до 5 марта 1915 г., когда был сдан казначею монетного двора²⁰. Хотя шесть экземпля-

¹⁶ Российское общество нумизматов. Протоколы 1914 г., январь—март. Пг., 1914 г.; то же, 1914, № 2, октябрь—декабрь. Пг., 1915; то же, 1915, № 1, январь—март. Пг., 1915; то же, 1915, № 2, сентябрь—декабрь. Пг., 1916; то же, 1916, № 1, январь—май. Пг., 1916 (далее — Протоколы).

¹⁷ Протоколы, 1915, № 1, стр. 4 и 25—27.

¹⁸ Ежегодник Министерства финансов, вып. 1915 г. Пг., 1915, стр. 158; ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 11, № 845. Дело об изготовлении медалей, настольных плакетки и рублей в память 200-летия гангутской победы подтверждает сведения, сообщенные Типольтом. Переписка о заказе начата в декабре 1913 г., заказ на 30 тыс. рублей оформлен в январе 1914 г.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 133, ежедневные сведения за 28 июня.

²⁰ Там же, № 135, л. 48.

ров, выданных для какой-то коллекции, отмечены еще в конце 1914 г., Эрмитаж получил свой образец только 2 июня 1915 г. Утечка рублей происходила и позже — в конце 1910 г. они уже демонстрировались на заседании РОН²¹; 16 июня 1916 г. по предписанию ведавшей монетным двором Особой канцелярии Министерству финансов по кредитной части была произведена чеканка еще 300 гангутских рублей. Пометка на черновике производственного рапорта за этот день разъясняет, что было изготовлено «85 штук для возмещения выдач Главному Морскому штабу, 50 штук для возмещения уже выданных шталмейстеру Маркову (управляющему двором вел. князя Сергея Михайловича) и 165 штук — в запас для будущих выдач...»²². Этот рубль оказывается «последним» царским рублем, хотя никак не исключается возможность уничтожения части этого количества позже. Общий тираж его составил 30 300 экз.

Таким образом решается «загадка» рублевой чеканки 1916 г., исправно показанной в отчетах, но не раскрытой ими, поскольку рубль, датированный 1916 г., никому не известны.

Хотя рубль предыдущего, 1915 г. известен, он, по существу, представляет такую же загадку, и на его истории особенно полезно остановиться, пожалуй, в первую очередь для американского читателя, так как в нумизматической газете «Coin World» 27 января 1965 г. (уже после выхода работы Джулиана) был помещен перевод газетной статьи А. Чукарева под названием «Последний рубль империи», которая в конце 1964 г. была опубликована во многих наших газетах²³.

Понапрасну приписав «Русской монетной системе» утверждение о «выпуске в свет» 600 рублевиков 1915 г.²⁴, автор статьи берет под сомнение это «утверждение». Рассуждая, почему эта монета встречается в большом количестве во Владивостоке и в Приморье, он излагает две версии на этот счет, выдвинутые одним владивостокским коллекционером: либо рубли 1915 г. были захвачены в Казани в 1918 г. отступавшими на восток с так называемым «золотым эшелонем» белогвардейцами и рассыпались во Владивостоке, либо «чеканку рублей 1915 г. вели во время интервенции на Дальнем Востоке японцы». Ведь в 1916 г. в Японии выполнялся заказ русского правительства на чеканку разменной русской монеты. Следовательно, «японцы подготовили на монетном дворе в Осака все необходимое оборудование для такой чеканки. Такие случаи бывали в практике ряда государств...». Первая версия, как говорится, еще куда ни шло, но вторая способна вызвать только удивление.

Кстати, можно заметить, что заказ на чеканку в Осака, как и в

²¹ Протоколы, 1915, № 2, стр. 10.

²² ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 139, л. 168.

²³ «Звезда» (Пермь), 30 октября 1964 г.; «Приокская правда» (Рязань), 3 ноября 1964 г.; «Горьковский рабочий», 13 ноября 1964 г. и др.

²⁴ И. Г. С п а с с к и й. Русская монетная система. Л., 1962, стр. 208. Говорится только о чеканке 600 экземпляров.

других городах (в Брюсселе, Страсбурге, Париже), имел в виду именно чеканку, а вся оснастка для нее, т. е. так называемые формы, маточники, кольца, калибры и прочее — только для монет в 15 и 10 копеек 1916 г., была изготовлена в ноябре 1915 г. на Петроградском монетном дворе для отсылки в Осака ²⁵.

12 декабря 1915 г. в книгу поступлений отдела нумизматики Эрмитажа был записан доставленный с монетного двора образец — «рубль 1915 г., чеканенный в количестве 600 экз.» (биллоновые и медные монеты того же года поступили еще в мае). Необычная формулировка записи, несомненно, опиралась на информацию, исходящую от монетного двора. Это же количество рублей, чеканенных в 1915 г., значится и в «Ежегоднике Министерства финансов», и в лондонских таблицах мировой чеканки 1915 г. Ничтожность выпуска особенно видна при сравнении с цифрами за предшествующие годы.

Приводим данные о русской серебряной чеканке за 1913—1916 гг. в штуках (табл. 1). Сведения о чеканке 1917 г. в названных выше публикациях отсутствуют.

Таблица 1

Год	рубль	50 коп.	20 коп.	15 коп.	10 коп.	5 коп.
1913	1 522 125	6 420 017	4 250 017	5 300 017	7 250 017	1 300 017
1914	536 015	1 200 015	52 750 015	43 366 618	51 250 017	4 200 015
1915	600	—	105 500 000	59 333 333	82 500 000	3 000 000
1916	300	—	131 670 000	96 773 333	121 500 000	—
1916 (Осака)	—	—	—	96 660 000	70 001 000	—
Всего в 1916 г.				193 433 333	191 501 000	

Чеканка в Осака производилась из серебра, закупленного русским правительством в Китае ²⁶. Китайское серебро в виде слитков — ямбов — в большом количестве перерабатывалось тогда и в Петрограде: оно шло на изготовление по заказу правительства Персии серебряной монеты 900-й пробы — кранов. Чеканка их началась в 1915 г. и продолжалась еще в первой половине 1918 г. Только в 1917 г. Переделом для этих целей было принято более 8 тыс. пудов ямбов ²⁷.

Приведенная таблица показывает, как отразилась война на полноценной монете. Фактически чеканка ее прекратилась еще в мае 1914 г.: майский итог рублевой монеты составил 506 009 кружков, в июне он увеличился на 30 тыс. гангутских рублевиков и в

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 1096, ноябрь 1915 г.

²⁶ Annual report of the Deputy Master ..., 1916, стр. 55.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 1070, л. 141.

октябре — на 6 монет, отчеканенных для коллекции вел. княгини Марии Павловны, что дает знакомый нам итог — 536 015 ²⁸. Таким образом, гангутские рубли были последними рублями 1914 г.

То же произошло и с чеканкой второго вида полноценной монеты, в следующие годы уже и не возобновлявшейся, — полтинников. Зато в десятки раз возрастал выпуск биллоновой монеты, который, несмотря на начатую в 1915 г. эмиссию суррогатов — марок и казначейских билетов, — не уменьшался и в следующие годы. С этим наблюдением перекликаются и данные об «отзыве», т. е. изъятии из обращения для переделки, полноценной монеты. Если в последнем мирном году изъятие ее составило 243 349 руб., то в 1914 г. казначейство удержало ее на 8 278 973 руб. — в несколько раз больше, чем было отчеканено в первой, мирной половине года ²⁹. В мирное время изымалась лишь нуждавшаяся в переделке устаревшая, истертая или испорченная монета; война повела к блокированию *всей* возвращавшейся в казну высокопробной монеты. Но за 1915 г. такой монеты удалось собрать уже только на 27 488 руб. ³⁰

Небывалый рост выпуска разменной монеты должен объясняться, как это и делает Джулиан, ее «стратегическим» значением — необходимостью выплачивать жалование огромной армии, в частности за границей — в Персии и Галиции, не говоря уже о выгодности чеканки биллоновой монеты. Но, по-видимому, у биллона было и еще одно назначение: если в центральных губерниях России серебро было полностью вытеснено бумагой к 1916 г., то в Среднюю Азию, в районы заготовки хлопка — сырья для пороховой промышленности, Государственное казначейство даже еще в конце 1917 г. по-прежнему направляло разменную серебряную монету ³¹.

Документы монетного двора с исчерпывающей ясностью раскрывают причину «микроскопической» чеканки рублей в 1915 г. В ежедневных сведениях о работе Передела за 3 июля отмечено изготовление 600 рублей, которые 17 июля сдаются казначею ³², а в черновике сделано примечание: «Наряд на 600 рубл. для нижних чинов (100-летн. юбилей) 15 артилл. бригады и 1-й роты Новогеорг. крепости» ³³. Ниже итоговая запись за год снимает всякие сомнения в том, какие рубли чеканились: «серебряных рублей 1915 года» ³⁴.

²⁸ ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 134. Ведомость о монете, приготовленной по наряду на 1914 г.

²⁹ Annual report..., 1914, стр. 34.

³⁰ Annual report..., 1915, стр. 23.

³¹ Исторический архив г. Ташкента, ф. И-3, оп. 1, № 985, 1917, л. 10 (сообщила Р. Бурнашева).

³² ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 135, л. 137 и 149. В мае и июне 1915 г. было изготовлено пять гербовых и семь портретных штемпелей и передано в Передел (там же, № 1094, л. 12). После этого в 1915 г. и в последующие годы рублевые штемпеля не готовились.

³³ ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 137. Сведения о приготовлении монеты за 1915 г., л. 73. В этом же деле приведен наряд на чеканку в 1916 г. в котором указано, что «чеканка банковской серебряной монеты в 1916 г. отменяется».

³⁴ Там же, л. 168.

Итак, все дело о загадочной чеканке рублей 1915 г. сводится к традиционным подаркам «нижним чинам» двух воинских частей-юбиляров: размещавшейся в мирное время в Одессе 15-й артиллерийской бригады, «возраст» которой по одной из ее батарей исчислялся с 1815 г., и Новогеоргиевской крепостной артиллерии (подразделявшейся не на батареи, а на батальоны и роты)³⁵. Поскольку это было единственным назначением рублей 1915 г. (хоть и они, подобно гангутским, до юбиляров не дошли), собиратели имеют некоторое основание прибавить к серии известных донныне памятных рублей еще один!

Рубль 1915 г., действительно, совсем не редок и именно потому, что вовсе не был «выпущен в свет», т. е. в обращение, а весь тираж его через десяток лет после изготовления оказался в распоряжении коллекционеров, так сказать, «до полного удовлетворения» их.

В 1926—1927 гг. при Деткомиссии ВЦИК была создана Советская филателистическая ассоциация (СФА) с целью организации торговли предметами филателии, бонистики и нумизматики. В ее распоряжение поступил значительный запас старых монет и медалей из бывшего Государственного музейного фонда и из дублетных фондов нескольких центральных музеев, а также, по-видимому, значительное количество новеньких, никогда не бывавших в обращении монет последних лет царской чеканки из государственных хранилищ (оттуда поступил большой запас специально чеканенных полированными штемпелями советских серебряных монет 1921—1931 гг.)³⁶.

В 1927 г. в Москве был издан первый печатный каталог СФА на марки и боны. В нем сообщалось и о выпуске в продажу русских медных, серебряных и золотых монет, на которые уже подготавливался каталог-прейскурант³⁷. Начиная с июня 1927 г. в Ленинграде регулярно происходили аукционы монет в помещении Государственного магазина марок и бон (Проспект 25 Октября, 16). В сохранившемся в Эрмитаже комплекте писанных на машинке аукционных бюллетеней за 1917—1930 гг. гангутские рубли фигурировали почти на каждой распродаже, рубли 1915 г., полированные и простые, — в 1927 г. на одной распродаже, в 1928 г. — на четырех подряд, в 1930 г. — также, даже по несколько штук³⁸. Печатный каталог-прейскурант монет СФА, имевший в виду уже продажу по стабильной цене, вышел в Москве в 1928 г., и в нем мы встречаем (в графе

³⁵ Приношу сердечную благодарность В. М. Глинке за соответствующие справки.

³⁶ Будущий исследователь, вероятно, сможет установить, когда придет для этого время, не производилась ли для СФА чеканка и других «новоделов» — по крайней мере, подозрительно обильных полированных рублей 1915 г. и гангутских.

³⁷ Всероссийское общество филателистов. Прейскурант СФА. Марки. Боны. Монеты. Открытки. Альбомы. Принадлежности. Литература. М., 1927, стр. 47.

³⁸ Аукционы монет, медалей и бон при С.-З. обл. отделении Советской филателистической ассоциации (машинопись). Л., 1927—14 вып., 1928—24 вып., 1929—9 вып., 1930—13 вып.

«исключительная сохранность») рубль 1915 г. обыкновенный — за 7 руб. 50 коп., полированный — за 15 руб. Там же значится и гангутский рубль (5 руб. — за обыкновенный, 7 руб. — за полированный и 15 руб. — за «зеркальный») ³⁹. В 1931 г. эти же монеты были включены в составленный экспертами СФА заграничный каталог русских монет XIX—XX вв., причем рубль 1915 г. даже не попал на таблицы с иллюстрациями ⁴⁰.

Каталоги и прейскуранты СФА для непосредственной и для посылочной торговли выпускались и позже, до середины 30-х годов ⁴¹, когда деятельность СФА была свернута. В те же годы в ряде городов функционировали антикварные магазины, в которых продавались и монеты. Рубли последних лет царской чеканки входили в постоянный ассортимент ⁴². Так почему же им быть редкими?

Архив монетного двора дает возможность пополнить приведенную выше статистическую таблицу сведениями о чеканке за 1917 г., причем открываются довольно неожиданные данные о ее объеме и длительности. По аналогии с чеканкой в Гельсингфорсе, где Февральская революция имела следствием изменение типа монеты, лишившейся вензеля императора и императорских регалий в гербе, можно было бы предположить, что чеканка в Петрограде после февраля вовсе не производилась, поскольку подобные изменения здесь не наблюдаются. Однако оказывается, что выпуск серебряной монеты, приостановленный в марте—апреле, закончился только 4 августа. Об этом свидетельствуют данные табл. 2 ⁴³.

В том же году по 30 сентября наиболее интенсивно продолжалась чеканка персидской монеты в 5 кранов — было изготовлено 6 371 631 кружок ⁴⁴. Отметим еще, что в феврале было сдано на металл 7219 шт. хранившихся в казначействе монетного двора 10-золотниковых слитков 900-й пробы, т. е. так называемых «проб». В бланках, на которых за все упоминаемые выше годы велась ежедневная отчетность Передела, для этих слитков всех видов, от 10 золотников до 24 долей, имеются специальные графы, но в 1912—

³⁹ Нумизматический фонд СФА. Прейскурант монет, вып. 1. М., 1928, стр. 20.

⁴⁰ A. H e s s N a c h f. Katalog 204, Russische Münzen des 19. und 20. Jahrhunderts, Dubletten russischer Museen. Frankfurt a. M., 1931.

⁴¹ См. СФА, Нумизматический фонд. Краткий прейскурант № 1 на русские серебряные рубли XVIII, XIX, XX вв. в экземплярах средней сохранности. М., 1932; Международная книга. Антикварный каталог № 51, 1934 — Antiquarian Catalogue № 51. Archeology and numismatics, стр. 42—59.

⁴² Некоторые виды старой русской монеты (средней сохранности и т. п.) были так дешевы, что кое-кто находил выгодным покупать их в магазине Антиквариата, чтобы приобретать на них в то время дефицитные товары в магазинах «Торгсина», принимавших в уплату серебро царской чеканки.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 1070, л. 15, 16.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 1070, л. 141. Ранее, в 1915 г. с 27 июля по 8 августа было изготовлено 500 тыс. кружков (ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 135, л. 167), в 1916 г. — 945 153 кружка (там же, № 1069, л. 92); чеканка закончилась в 1918 г. 27 февраля изготовлением 326 тыс. кружков (там же, № 140, л. 1).

1917 г. они не изготавливались (в этих графах с 1915 г. учитывалась чеканка персидской монеты). Следовательно, сданные для утилизации слитки принадлежали к старому, довоенному запасу⁴⁵.

Таблица 2

Месяцы 1917 г.	Сумма выпущенных монет (в руб.)		
	20 коп.	15 коп.	10 коп.
Январь	—	1 916 000	800 000
Февраль	400 000	132 000	800 000
Май	200 000	100 000	100 000
Июнь	100 000	—	—
Август	—	—	58 000
Всего на сумму	700 000	2 148 000	1 758 000
Всего штук	3 500 000	14 300 000	17 580 000

Не заполнялись в ежедневных отчетах Передела за 1917 г. и графы для учета приготовленной медной монеты — она не чеканилась и в казначейство не сдавалась. Однако в книге для учета прихода и расхода штемпелей штемпеля для медной монеты («гербо-

5 копеек 1917 г. (собр. М. Б. Горнунга).

вые» и «словесники») по-прежнему исправно приходятся — в январе и в июне для пятикопеечной монеты, с января по июнь для трехкопеечной, точно так же для двух- и однокопеечной монеты по

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 1070, л. 15. См. Н. В. И в о ч к и н а. По поводу одной атрибуции. — СГЭ, вып. XXVI, 1965. Чеканка этой серии «проб» началась не ранее 1885 г., так как только с этого года монетный устав предписывает пользоваться десятичной пробой вместо золотничной и помещать на слитках инициалы пробирера. Прекратилась чеканка, вероятно, около 1894 г. (см. А. Ш т о ф. Горное право. СПб., 1896, стр. 292).

июль ⁴⁶. Отметки о расходе, т. е. о выдаче в работу этих штемпелей, исчезают в книге еще в сентябре 1916 г., однако следует учесть, что в этой же книге в 1917 г. не помечается и расход штемпелей для биллоновой монеты, а между тем она чеканилась! Во всяком случае, в ежедневных рапортах, исправно регистрировавших изготовление биллоновой монеты, чеканка меди не фигурирует.

Можно не сомневаться, что в 1917 г. приходовались штемпели с обозначением 1917 г. Об этом свидетельствуют недавно приобретенная Русским музеем серия медной монеты 1917 г. (неполная) и пятак этого же года в коллекции М. Б. Горнунга (см. рис.); все монеты чеканены полированными штемпелями — вероятно, это проба штемпелей. В Эрмитаж эти образцы в свое время, к сожалению, так и не поступили.

Загадкой остается *единственная* запись о чеканке русской монеты в книге ежедневных сведений за 1918 г.: 27 февраля было отчеканено 7 тыс. кружков копеечной монеты! ⁴⁷

Так как чеканка медных копеек в 1918 г. была бы полной нелепостью, остается предположить, что копеечными кружками воспользовались, скорее всего, для чеканки какого-то жетона — может быть, в память годовщины Февральской революции.

---

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 570, оп. 12, № 1095, л. 31—33 и 41.

⁴⁷ Там же, № 140, л. 1.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ПЕЧАТЬ ПОЛИКРАТА САМОССКОГО

М. В. СКРЖИНСКАЯ

(Ленинград)

18 февраля 1856 г. во французской газете «Siècle» появилось сенсационное сообщение о том, что виноградарь из Альбано близ Рима нашел кольцо Поликрата. На камне найденного кольца изображена лира, около нее три пчелы, а внизу справа дельфин, слева голова быка. Виноградарь отказался от 50 тыс. экю, которые предложил ему за находку какой-то английский турист, и сказал, что едет в Петербург, надеясь на то, что русский царь предложит ему вдвое большую сумму.

Это сообщение было перепечатано в журнале «Французский Ате-ней»¹, где автор заметки, исходя из изображенного на перстне сюжета, выразил сомнение, действительно ли найденное кольцо является перстнем Поликрата.

Как известно, легенда о Поликратовом перстне составляет одну из самых знаменитых частей в «Истории» Геродота (Н е г., III, 40—43). Много рассказов о могущественном тиране Поликрате² слышал в молодости Геродот, когда жил на Самосе. В этих рассказах народная фантазия причудливо переплеталась с истинными событиями жизни самосского тирана. Геродот включил в третью книгу своего труда три новеллы о Поликрате, упомянув, что слышал эти рассказы от многих людей (III, 120). Содержание новеллы о Поликратовом перстне следующее.

Слава о могуществе самосского тирана Поликрата разнеслась по всей Греции. Любое дело, предпринимаемое Поликратом, кончалось для него удачно. Он покорил многие близлежащие острова

¹ «L'Athenaeum français». — Revue universelle de la littérature, de la science et des beaux-arts. Paris, 1856, № 8, стр. 157—158.

² Правление Поликрата, по мнению большинства ученых, продолжалось с 30-х годов VI в. до н. э. до 522/21 г. до н. э.

и города на материке, его флот был самым могущественным на Средиземном море. Небывалые успехи Поликрата обеспокоили его друга — египетского царя Амасиса. В письме к Поликрату последний писал, что такое небывалое счастье может вызвать зависть богов, и тогда конец Поликрата будет ужасным. Для предотвращения беды Амасис посоветовал другу самому омрачить свою счастливую жизнь, расставшись с чем-нибудь ему дорогим. Поликрат внял совету Амасиса. Отплыв на корабле далеко от острова, тиран в присутствии друзей бросил в море свой драгоценный перстень. А через несколько дней после этого во дворец явился бедный рыбак и принес в подарок тирану рыбу необыкновенной величины. Когда слуги потрошили рыбу, то они нашли в ней перстень тирана и, обрадованные, отнесли его Поликрату. Тот написал Амасису о случившемся, и тогда египетский царь понял, что человек не в силах изменить предначертанную ему судьбу и отказался от дружбы с Поликратом: Амасис не хотел в будущем печалиться о несчастьях друга.

О том, как широко известен был этот рассказ в античности, свидетельствует упоминание о нем у ряда авторов: у Страбона (XIV, 16), Павсания (I, 2), Цицерона (*De fin.*, V, 30), Плиния Старшего (*Hist. nat.*, XXXII, 2, 4), Валерия Максима (VI, 9, ext. 5). Как бы кратко и схематично ни была передана легенда (только у Геродота находим развернутый рассказ), всегда центральное место занимал в ней перстень Поликрата. Стремление представить наглядно, как выглядело это знаменитое кольцо, живет начиная с античности и до наших дней.

Плиний Старший в рассуждении о геммах упоминает кольцо Поликрата. Он сообщает, что в Риме в храме Согласия показывали это кольцо, что камень в нем из сардоникса, гладкий, без резьбы. По мнению Плиния, резные камни появились спустя много времени после Поликрата. Ошибка Плиния очевидна с первого взгляда, так как резные камни на островах восточной части Средиземного моря известны начиная с III тысячелетия до н. э.³ В сочинении Геродота, древнейшем и наиболее обстоятельном источнике о Поликрате, на который прямо или косвенно опирался Плиний, употреблено слово σφραῖς, что обозначает только печать.

Автор II—III в. н. э. Клемент Александрийский в своем труде «*Paedagogus*», наставляя христиан, указывает, какие именно изображения должны быть на кольцах, которые они носят. Среди дозволенных сюжетов он упомянул «музыкальную лиру» и в связи с этим заметил, что лира, по его сведениям (однако неизвестно, откуда он их почерпнул), была изображена на кольце Поликрата⁴.

Сопоставляя данные Геродота и Клемента Александрийского, известный английский ученый Чарльз Селтмен заключил, что самосский тиран имел золотое кольцо с изумрудом, на котором была

³ The Oxford classical dictionary. Oxford, 1950, s. v. gems.

⁴ C l e m. A l e x. *Paedag.*, III, 289 P.

вырезана лира. Изумруд лишь немного мягче алмаза, и наносить на него изображение чрезвычайно трудно, поэтому кольцо было особенно ценным⁵.

Статья Ч. Селтмена, насколько нам известно, — новейшая работа о кольце-печати Поликрата. Английский ученый рассматривает чрезвычайно редкие монеты VI в. до н. э. с расположенного недалеко от Самоса острова Калимны, на которых изображена лира. Одновременно автор обращает внимание на маленький скарабей из частной коллекции, на котором вырезана лира, похожая на лиру монеты с острова Калимны. Поскольку резчики по драгоценным камням наряду с печатями нередко резали и штемпеля для монет, Селтмен полагает, что сюжет с лирой возможен для камня VI в. до н. э. и следует верить свидетельству Клементя Александрийского, согласно которому Поликрат имел кольцо с изображением лиры⁶.

Утверждая, что в перстне Поликрата был изумруд, английский ученый ссылается на слово *σμάραγδος*, употребленное Геродотом при описании перстня. Однако трудно представить себе в VI в. до н. э. резной изумруд⁷. Большой авторитет в области античной глиптики А. Фуртвенглер специально обращал внимание на вопрос о Поликратовом перстне и не смог привести ни одного примера резного изумруда VI в. до н. э. греческой работы⁸. Кольцо же Поликрата, как известно из Геродота (III, 41), было произведением самосского мастера Феодора.

Само по себе слово *σμάραγδος* не дает основания утверждать, что камень был изумрудом. Авторитетнейшие словари древнегреческого языка под словом *σμάραγδος* дают следующие значения: название нескольких зеленых камней, включая изумруд⁹; драгоценный камень, не всегда наш изумруд, но также берилл, плавиковый шпат; кажется, под этим названием надо понимать, главным образом, все зеленые кристаллы, а также плавиковый драгоценный камень, не наш изумруд, а светло-зеленый прозрачный плавиковый шпат, аквамарин, берилл¹⁰.

Из словоупотребления Геродота можно заключить, что он не придавал этому слову значения «изумруд». Описывая храм Геракла в Тире (II, 44), историк особо отмечает два столба из золота и смарагда. Внутри последнего по ночам помещали светильник, и столб

⁵ C h. S e l t m a n. The ring of Polycrates. — Centennial publications of the American numismatic society. New York, 1958, стр. 595—601.

⁶ Отметим, что Клемент Александрийский жил на семь веков позже Поликрата и что как раз во II—III вв. н. э. лира нередко встречается на резных камнях-печатах (в коллекции Эрмитажа, например, Ж-6066, Ж-6068).

⁷ Согласно мнению Д. Осборна, изумруды редко служили материалом для печатей (D. O s b o r n e. Engraved gems. New York, 1912, стр. 43 и 277—278).

⁸ A. F u r t w ä n g l e r. Die antiken Gemmen, t. III. Leipzig — Berlin, 1900, стр. 81.

⁹ H. L i d d e l a n d R. S c o t t. Greek-English Lexicon. Oxford, 1925—1939.

¹⁰ W. P a p e. Griechisch-Deutsches Handwörterbuch. Braunschweig, 1880.

¹¹ F r. P a s s o w. Handwörterbuch der griechischen Sprache. Leipzig, 1857.

светился. По мнению ученых¹², в данном случае под σμάραγδος надо понимать плавиковый шпат. Кроме двух рассмотренных случаев слово σμάραγδος в труде Геродота больше не встречается¹³. На основании данных словарей и анализа употребления этого слова у Геродота мы полагаем, что под σμάραγδος историк подразумевает вообще драгоценный камень зеленоватого цвета, а не камень определенной породы¹⁴.

Обратимся к вопросу, мог ли вообще тиран VI в. до н. э. иметь кольцо с резным камнем. Несмотря на то, что в течение многих веков живет представление о кольце Поликрата, можно утверждать, что такого кольца не было. Специалисты в области античной глиптики давно могли бы рассеять это заблуждение, и отчасти сделали это¹⁵, но их работы никогда не обращали на себя внимания историков и филологов. Известно, что кольца с драгоценными резными камнями (печатами) появились только в IV в. до н. э.¹⁶, то есть не только после смерти Поликрата, но и после смерти Геродота. Отдельные редкие образцы Фуртвенглер датирует второй половиной V в. до н. э.¹⁷ Внимательное чтение Геродота только укрепляет это наблюдение: «была у него (Поликрата.— М. С.) печать (σφραγίς)¹⁸, которую он носил, оправленная в золото, из смарагдового камня, а была это работа Феодора, сына Телекла самосского» (Н е г., III, 41).

Слова Геродота представляют собой точнейшее описание печатей, существовавших как во времена тирана (VI в.), так и во времена историка (V в.). Резные камни-печати нередко оправлялись в золото и могли иметь металлическую дужку, за которую привешивались к поясу, браслету и т. п.¹⁹ Кольца с печатями в VI—V вв. до н. э. были целиком металлическими, и печать гравировалась на металле. Такое кольцо, наверное, имел в виду Геродот, рассказывая о том, как метят быков в Египте (II, 38): «...и затем, намазав (папирус) глиной, используемой для наложения печатей, он налагает (ἐπιβάλλει) кольцо» (Н е г., II, 38). Заметим, что здесь для обозначения кольца с печатью Геродот употребляет слово δακτύλιος²⁰,

¹² F r. P a s s o w. Указ. соч.

¹³ J. P o w e l l. A Lexicon to Herodotus. Cambridge, 1938 (то же, 1960).

¹⁴ Аналогией в современном русском языке, нам кажется, может служить употребление слова «яхонт», которое происходит от греческого ἰάκινθος. Этот камень обозначал когда-то драгоценности красного цвета; затем засвидетельствован синий яхонт (см. А. П р е о б р а ж е н с к и й. Этимологический словарь русского языка. М., 1959). В настоящее время нет уже представления о яхонте как об определенном драгоценном камне.

¹⁵ A. F u r t w ä n g l e r. Указ. соч., стр. 81—82.

¹⁶ G a n s c h i n i e t z. Ringe.— RE, 2. Reihe, т. I, 1914, стлб. 816.

¹⁷ A. F u r t w ä n g l e r. Указ. соч., стр. 91.

¹⁸ Σφραγίς — «сфрэгис» представляет собой ионийскую форму слова σφραγίς «сфрагис», от которого происходит русский термин «сфрагистика».

¹⁹ A. F u r t w ä n g l e r. Указ. соч., стр. 91.

²⁰ Слово δακτύλιος — кольцо — происходит от δάκτυλος — палец.

а не σφρηγίς. В другом месте (III, 128), говоря о наложении печати, древний историк употребляет тот же глагол ἐπιβάλλω. Геродот различает запечатывание кольцом (ἐπιβάλλει τον δακτύλιον) и запечатывание резным камнем-печатью (ἐπέβαλε σφρηγίδα). Семь раз в «Истории» Геродота встречается слово σφρηγίς (четыре раза в новелле о Поликрате, а также в I, 195; III, 128; VII, 169), и все семь раз естественно считать, что его надо переводить «печать», а не «кольцо с печатью», как это сделано в переводах Геродота ²¹.

Традиция понимания геродотовской σφρηγίς как кольца с печатью идет от античности, начиная с римских времен, когда кольца с печатями стали очень распространенными и почти вытеснили прежний тип печати. Цицерон, передавая кратко легенду о Поликрате, называет уже его печать кольцом (anulus — De fin., V, 30); то же слово употреблено и у Плиния Старшего (Hist. nat., XXVII, 2). В XII в. византийский поэт Цец воспроизвел в стихах легенду о Поликрате ²². Он сохранил то же содержание легенды, что и у Геродота, но употребил уже не геродотовское слово σφρηγίς, а δακτύλιος — кольцо. В конце XVIII в. к интересующему нас сюжету обратился Шиллер; его баллада, известная русским читателям по прекрасному переводу Жуковского, так и называется «Кольцо Поликрата» ²³. Многочисленные научные работы, так или иначе касающиеся тирана Самоса Поликрата, неизменно упоминают о его кольце. А между тем Фуртвенглер еще в 1900 г. высказал мысль, что Полиkrat обладал не кольцом, а печатью-скарабеем ²⁴. С тех пор прошло 68 лет, но по-прежнему неизменно ученые говорят о кольце Поликрата.

Итак, мы установили, что у самосского тирана, согласно рассказу Геродота, была оправленная в золото печать с драгоценным камнем. Как же отнестись к сообщению Геродота? Действительно ли драгоценная печать играла какую-то роль в жизни исторического Поликрата? Известные комментаторы Геродота Г. Штейн ²⁵ и И. Бер ²⁶ не высказывают никаких сомнений, комментируя данное место Геродота. В начале XX в. С. Ренак ²⁷ сравнил новеллу Геродота с обрядом бракосочетания с морем, который совершал ежегодно венецианский дож начиная со средних веков вплоть до XVIII в. Французский ученый полагал, что Геродот плохо понял новеллу, повествующую о заключении союза с морской стихией.

---

²¹ G. Raulinson (London, 1862), Ф. Г. Мищенко (М., 1888), Larchet (все издания), Th. Braun (1964); см. J. Powell. Указ. соч.

²² Tzetzes. Chiliades, VII, 203—220.

²³ Fr. Schiller. Der Ring des Polykrates.

²⁴ A. Furtwängler. Указ. соч., стр. 82.

²⁵ Herodotos. Ed. Stein. Berlin, 1857, и в последующих изданиях.

²⁶ Herodoti Musesae. Ed. Fr. Creuzer, J. Baehr. Lipsiae, 1857.

²⁷ S. Reinach. La mariage avec la mer.—«Cultes, mythes et religions», II, Leroux, 1904, стр. 206—219.

Вне зависимости от Ренака к той же мысли пришел Билабель²⁸. Однако это построение в науке начисто отрицается, так как во времена Поликрата у греков не было представления о кольце как залоге верности²⁹.

Французский ученый Сентив видел в новелле обряд гадания по кольцу и насчитывал около тридцати случаев отражения в греческой литературе этого обряда³⁰. И все же невозможность допустить существование кольца у Поликрата снимает объяснение Сентива.

В упомянутой выше работе о кольце Поликрата английский ученый Ч. Селтмен высказывает мнение, что рассказ Геродота нельзя считать «совсем фантастическим». В качестве подтверждения своей мысли автор ссылается на то место Евангелия от Матфея (17, 27), где Христос велит Петру закинуть уду в море, и когда тот поймает рыбу, вынуть у нее изо рта монету, чтобы заплатить дань. Не говоря о том, что многие исследователи считают этот мотив навеянным фольклором³¹, даже в самом евангельском тексте о нем упоминается как о чуде, необычайном явлении. Вторым аргументом Селтмена служит сообщение о том, что некогда на восточном берегу Шотландии была поймана рыба и внутри нее нашли птоломеевскую монету. Думается, что ссылка на этот случай никак не может служить каким бы то ни было доказательством достоверности событий, описанных в новелле о Поликрате.

Если взглянуть на новеллу о Поликрате в «Истории» Геродота глазами филолога, то прежде всего надо отметить, что стилистически это место наиболее близко к устному рассказу. В новелле встречается целый ряд фольклорных приемов: прямая речь, употребление в историческом рассказе настоящего времени, повторение слов предыдущего предложения, стремление к наглядности, выделение главного героя. Эти стилистические черты связаны с фольклорным происхождением сюжета новеллы.

Еще в прошлом веке было замечено сходство сюжета новеллы с распространенным в мировом фольклоре сказочным мотивом об обладателе волшебного кольца, которое попало в воду, было найдено в рыбе и возвращено владельцу³². В труде Аарне и Томпсона «Типы фольклорного рассказа» учтены арабские, еврейские, индийские, сербо-хорватские, немецкие, норвежские, шведские, япон-

---

²⁸ M. Fr. B i l a b e l. Polykrates von Samos und Amasis von Aegypten. — Neue Heidelberger Jahrbücher, 1934, стр. 129—159.

²⁹ G a n s c h i n i e t z. Указ. соч., стлб. 839—840.

³⁰ P. S a i n t y v e s. L'anneau de Polycrate, Revue de l'histoire des religions, II, 1912, стр. 49—80.

³¹ W. A l y. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921, стр. 90.

³² A. W ü n s c h e. Die Sage vom Ring des Polykrates in der Weltliteratur. — Beilage zur Allgemeinen Zeitung, 1893, № 179, 180, 185, 188.

ские и корейские сказки с подобным сюжетом ³³, причем весь этот отдел дан под рубрикой «Кольцо Поликрата» ³⁴.

Немецкий ученый А. Вюнше нашел в восточном фольклоре убедительные параллели к сюжету новеллы о Поликрате (в Панчатантре, в драме Калидасы «Сакунтала», в комментариях к Корану) ³⁵. У европейских народов, по мнению А. Вюнше, этот сюжет распространен в средние века, когда Европа во время крестовых походов вступила в непосредственное общение со странами Востока. О близких связях Самоса с восточными странами, в частности с Персией, хорошо известно из свидетельства Геродота ³⁶. Контакт с Востоком способствовал географическое положение Самоса (у берегов Малой Азии). Поэтому неудивительно, что на остров проникла восточная сказка об обладателе чудесного талисмана, потерянного в море и затем найденного в рыбе. То обстоятельство, что во времена Поликрата не могло быть колец с драгоценными камнями, не мешает связи греческой новеллы с известным сказочным сюжетом. В фольклорных исследованиях уже отмечалось, что первоначально в восточной сказке фигурировало не кольцо, а просто драгоценный камень ³⁷.

Новелла о Поликрате возникла на Самосе как сплав народных представлений о жизни могущественного тирана и фольклорного сюжета о счастливом обладателе чудесного талисмана. Самос при Поликрате достиг наивысшего расцвета, действительные успехи тирана, преувеличенные еще народной фантазией, породили представление о том, что Поликрату помогает какая-то магическая сила. Изложение реальных фактов жизни тирана в устной передаче, как это нередко бывает, смешивается с известными и сказочными мотивами.

Аналогичный процесс возникновения фантастического представления о жизни исторического лица можно проследить в рассказе о достижении царской власти лидийцем Гигом ³⁸. Однако мотив волшебной сказки о кольце, делающем владельца невидимым,

³³ А. А g n e, S. T h o m p s o n. The types of the Folktale. Helsinki, 1964, 736 А.

³⁴ Например, по одному апокрифическому сказанию, известному под заглавием «Перстень Соломона», кольцо было обронено царем Соломоном, когда он купался в Иордане. Кольцо проглотила рыба, рыбак принес ее царю, который нашел в ее желудке потерянную драгоценность. (См. А. В е с е л о в с к и й. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерелине. СПб., 1872, стр. 132).

³⁵ А. W ü n s c h e. Указ. соч., № 188.

³⁶ Поликрат послал 40 триер в помощь Камбизу во время его египетского похода (III, 44). О том же свидетельствует поездка Поликрата к персидскому сатрапу Ороиту (III, 120—125).

³⁷ W. A l y. Указ. соч., стр. 90.

³⁸ P l a t o. Respublica, II, 359, D—E — 360, А—Б.— Платон рассказывает, что пастух Гиг увидел в расщелине, образовавшейся от землетрясения, полого медного коня, внутри которого находился мертвый человек с золотым кольцом на руке. Гиг взял себе это кольцо и через некоторое время обнаружил, что, поворачивая его на пальце, он может становиться невидимым. Воспользовавшись волшебным свойством кольца, Гиг проник во дворец, убил царя и захватил власть.

никого не вводил в заблуждение уже в античности³⁹. Недаром именно у Платона, для целей сочинения которого не имела значения историческая достоверность рассказа, мы находим эту сказку о волшебном кольце Гига. Геродот же, стремившийся нарисовать правдивую картину истории, передает иную версию о приходе Гига к власти (I, 8—12).

Перейдя в новеллу, сказка о чудесном талисмানে, брошенном в воду и найденном в рыбе, потеряла откровенно фантастические черты. Как отметил В. Али, волшебное свойство кольца (а мы скажем — печати) вытеснено более поздней психологической мотивировкой в новелле⁴⁰. Это и понятно, так как новелла с ее установкой на достоверность стремилась исключить из круга своего повествования то, что считалось невозможным в жизни.

Важно отметить, что греки, как и многие другие народы, верили в магическую силу драгоценных камней и печатей⁴¹. Эта вера, по нашему мнению, и явилась связующим звеном при переходе сказки в новеллу. В восточной сказке говорилось о магическом драгоценном камне. Фольклорный рассказ всегда стремится к конкретности изображаемого. Какой драгоценный камень мог иметь грек в VI в до н. э.? Самый простой и логичный ответ на этот вопрос: драгоценный камень с вырезанной на нем печатью. Это наиболее вероятно, потому что драгоценные камни только как украшения употреблялись у греков очень редко⁴². То же стремление к конкретности, наглядности побуждает рассказчика описать слушателям, каков же был предмет, сыгравший такую роль в жизни тирана. Так возникает «портрет» этой несуществовавшей печати: она из драгоценного, зеленоватого⁴³ камня (*σμάραγδος*) и оправлена в золото, что придает ей еще большую ценность. Видимость достоверности придавало рассказу упоминание о знаменитом мастере, который сделал эту печать. Однако, внимательно рассмотрев античную традицию о Феодоре, В. Али пришел к выводу, что Феодор — такой же легендарный мастер, как мифические Гефест и Дедал⁴⁴.

Поэтическая самосская новелла, мастерски переданная Геродотом, восходит к древнему сказочному сюжету, и драгоценная печать оказывается, таким образом, не реальным предметом, а такой же фантастической вещью, как шапка-невидимка или скатерть-самобранка.

³⁹ С и с е г о. De officiis, III, 9.

⁴⁰ W. A l y. Указ. соч., стр. 91.

⁴¹ R E, т. I, Aberglaube, стлб. 50; G. R i c h t e r. Catalogue of engraved gems. Roma, 1950, стр. XIX—XX. Осборн (D. O s b o r n e. Указ. соч., стр. 278) отмечает, что в античности верили в магическую силу зеленых камней, объединенных под названием *σμάραγδος*.

⁴² G. R i c h t e r. Указ. соч., стр. XVII.

⁴³ В каталоге Г. Рихтер (G. R i c h t e r. Указ. соч., стр. 3—5) зарегистрированы резные камни VII—VI вв. до н. э. зеленого цвета (№ 13, 14, 15, 18, 19, 20).

⁴⁴ W. A l y. Указ. соч., стр. 92.

МОНЕТЫ ИЗ НАХОДОК В ПАТРЭЕ

К. В. ГОЛЕНКО

(Москва)

В настоящей заметке публикуются монеты, найденные при раскопках Патрэйского городища в 1961 г.¹ По своему происхождению эти монеты распадаются на три группы. Одна из них (№ 1—17)² найдена на участке I, на котором был вскрыт античный слой. Другая, меньшая часть (№ 18—22), найдена на участке II, где предварительному исследованию подверглись лишь верхние слои средневекового периода. Все найденные на II участке монеты античные; они, несомненно, были занесены в верхние слои в результате разрушения античных пластов. Третью группу монет (№ 23—33) составляют случайные находки, как правило, всегда очень многочисленные в Патрэе. Это объясняется тем, что городище постепенно разрушается морем, и подавляющее большинство монет из категории случайных находок обнаруживают в обресе берега.

Всего найдено 36 монет, три из них, к сожалению, не поддаются определению и в дальнейшем не учитываются. Что касается остальных 33 монет, то все они относятся к античному периоду и принадлежат разновременным выпускам монетной меди Боспора. Хронологически публикуемые монеты распределяются следующим образом:

IV—III вв. до н. э. — 3 экз.	I в. н. э. — 3 экз.
III в. до н. э. — 8 экз.	II в. н. э. — 5 экз.
II в. до н. э. — 5 экз.	III — начало IV в. н. э. — 6 экз.
I в. до н. э. — 3 экз.	

Обращает на себя внимание отсутствие ранних монет. Более того, обычно очень многочисленная медь рубежа IV—III вв. до н. э. представлена в находках 1961 г. лишь тремя экземплярами, определение которых из-за плохой сохранности не представляется

¹ О последних раскопках Патрэйского городища см.: А. С. Башкиров. Отчет о раскопках древнего города Патрэя 1961—1962 гг. — УЗ МГПИ, № 217 (1963), стр. 236—249.

² Здесь и далее номера монет даны по общему списку, приведенному в конце заметки.

надежным. Вместе с тем чеканка римского времени, особенно начала IV в., составляет значительную часть публикуемых материалов, в то время как находки прошлых лет, относящиеся к этому периоду, были немногочисленны³. Но в целом публикуемые монеты обычны для типичного боспорского городища.

Некоторые из патрэйских монет следует выделить из-за их редкости. Прежде всего следует отметить монету № 24, принадлежащую одной из самых распространенных разновидностей боспорской чеканки первой половины III в. до н. э. с чрезвычайно редкой надчеканкой. Надчеканки такого рода были известны до настоящего времени только на двух монетах⁴. Их изучение позволило уточнить⁵ некоторые особенности монетного кризиса на Боспоре в III в. до н. э. Известную редкость в находках представляют и пантикапейский тетрахалк II в. до н. э. (№ 28), к сожалению, очень плохой сохранности. Обращает на себя внимание также монета царя Инифимея (234—239 гг.) мало распространенного типа с изображением орла перед царским портретом, снабженная редкой надчеканкой (№ 14), наложенной в 60-х годах III в.⁶ Среди медных статовов последних боспорских царей благодаря хорошей сохранности выделяются две монеты Радамсада (№ 17, 19), одна из них имеет редкое написание года. К этим монетам следует присоединить и статов Рискупорида VI (№ 8), довольно редко встречающегося 624 г. босп. э. (327 г. н. э.).

Публикуемые монеты заслуживают специального рассмотрения и с чисто нумизматической точки зрения.

СПИСОК МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК ПАТРЭЯ 1961 г.

№ п. п.	Определение	Датировка	Литература *	Вес, г	Место находки
1	Савромат I, сестерций	93—123 гг.	ОКМ, XXVII, 159, вар.; АМ, XLIII, 9—10	15,95	уч. I, кв. А, шт. 13
2	Пантикапей	1-я половина — середина II в. до н. э.	ОКМ, XXI, 114; АМ, XLII, 9	1,47	уч. I, кв. А, шт. 12

* Здесь приняты следующие сокращения: ОКМ — П. Бурачков. Общий каталог монет... Одесса, 1884; АМ — А. Н. Зограф. Античные монеты. — МИА, 16, 1951; ПК — К. В. Голенко. Второй Патрэйский клад монет (1951). — НЭ, I, 1960; ВДИ, 1957, 2 — П. О. Карышковский. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. — ВДИ, 1957, 2.

³ К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрэе (1947—1950). — ВДИ, 1952, 3, стр. 147 и сл.

⁴ П. О. Карышковский. Несколько неизвестных монет античного Причерноморья. — НС, ч. II. Труды ГИМ, вып. XXVI (1957), стр. 30, № 11, табл. I; его же. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. — ВДИ, 1957, 2, стр. 146, рис. 1.

⁵ П. О. Карышковский. Заметки..., стр. 145.

⁶ К. В. Голенко. Надчеканки на медных боспорских монетах III века н. э. — НС, ч. II, стр. 47.

№ п. п.	Определение	Датировка	Литература	Вес, г	Место находки
3	Савромат I, сестерций	93—123 гг.	ОКМ, XXVIII, 160	8,42	уч. I, кв. А, шт. 12
4	Пантикапей	2-я четверть III в. до н. э.	ОКМ, XX, 80; АМ, XLI, 5	—	уч. I, кв. А, шт. 11
5	Пантикапей	середина III в. до н. э.	ОКМ, XXI, 125—127; АМ, XLI, 8	1,19	уч. I, кв. А, шт. 11
6	Пантикапей	2-я четверть III в. до н. э.	ОКМ, XX, 80; АМ, XLI, 5	1,44	уч. I, кв. А, шт. 9
7	Котис I, асс	49—50 гг.	ОКМ, XXVII, 109	—	уч. I, кв. А, шт. 8
8	Рискупорид VI, статер	327 г.	ПК, 389	7,01	уч. I, кв. А, шт. 8
9	Пантикапей	IV—III? вв. до н. э.	—	—	уч. I, кв. В, шт. 13
10	Пантикапей	начало III в. до н. э.	ОКМ, XX, 72; АМ, XLI, 3	—	уч. I, кв. В, шт. 10
11	Рискупорид I, асс	14—37 гг.	ОКМ, XXVI, 84	5,81	уч. I, кв. В, шт. 10
12	Котис I, асс	49—50 гг.	ОКМ, XXVII, 107, 109, 110	7,39	уч. I, кв. В, шт. 10
13	Рискупорид VI, статер	324 г.	ПК, 304, 305	6,25	уч. I, кв. В, шт. 10
14	Инифимей, двойной денарий	234—239 гг.	—	6,71	уч. I, кв. В, шт. 9
15	Савромат I, сестерций	93—123 гг.	ОКМ, XXVIII, 159; АМ XLVII, 9, 10	11,90	уч. I, кв. Г, шт. 9
16	Пантикапей?	IV—III вв. до н. э.	—	—	уч. I, кв. Г, шт. 7
17	Радамсад, статер	316 г.	ПК, 133	7,30	уч. I, сл. нах.
18	Пантикапей, тетрахалк	47—30 гг. до н. э.	ОКМ, XXI, 132; АМ, XLIV, 10	4,26	уч. II, кв. Б
19	Радамсад, статер	317 г.	ПК, 138, 139	6,97	уч. II, кв. В
20	Пантикапей	1-я половина — середина II в. до н. э.	ОКМ, XXI, 114; АМ, XLII, 9	—	уч. II, кв. В
21	Пантикапей, халк	90—80 гг.	ОКМ, XXI, 130; АМ, XLIII, 18	—	уч. II, кв. В
22	Пантикапей, тетрахалк (печечанена)	90—80 гг.	ОКМ, XXI, 120, 122; АМ, XLIII, 15	—	уч. II, кв. 8
23	Пантикапей?	IV—III? вв. до н. э.	—	—	сл. нах.
24	Пантикапей	2-я четверть III в.	ВДИ. 1957, 2, стр. 146, № 2	—	сл. нах.
25	Пантикапей	2-я четверть III в. до н. э.	ОКМ, XX, 79; АМ, XLI, 5	3,14	сл. нах.
26	Пантикапей	2-я четверть III в. до н. э.	ОКМ, XX, 80; АМ, XLI, 5	1,29	сл. нах.

Продолжение

№ п. п.	Определение	Датировка	Литература	Вес, г	Место находки
27	Пантикапей	2-я четверть III в. до н. э.	ОКМ, XX, 80; AM, XLI, 5	1,27	сл. нах.
28	Пантикапей	2-я половина II в. до н. э.	ОКМ, XXI, 113; AM, XLII, 8	6,74	сл. нах.
29	Пантикапей	1-я половина — середина II в. до н. э.	ОКМ, XXI, 114; AM, XLII, 9	2,48	сл. нах.
30	Пантикапей	ок. 110 г. до н. э.	ОКМ, XX, 176; AM, XLI, 14	—	сл. нах.
31	Имя царя неясно, сестерций	1-я половина II в. н. э.	—	—	сл. нах.
32	Имя царя неясно, сестерций	1-я половина II в. н. э.	—	8,51	сл. нах.
33	Фофорс	296? г.	—	—	сл. нах.
34—36	Неопределенные	—	—	—	сл. нах.

НОВЫЕ НАХОДКИ ПЕЧАТЕЙ ИЗ ЛЕТОПИСНОГО ЗВЕНИГОРОДА

В. С. ШЕЛОМЕНЦЕВ-ТЕРСКОЙ

(Львов)

Находки вислых печатей на территории юго-западной Руси пока еще сравнительно не часты. Настоящей заметкой вводятся в научный обиход новые образцы печатей из летописного Звенигорода¹.

Первые три вислые печати, обнаруженные на территории древнего Звенигорода, были опубликованы М. С. Грушевским в 1899 г.² и вторично изданы в 1928 г. Н. П. Лихачевым³. Одна из них была переиздана в 1940 г. И. Свенцицким⁴. Все эти находки были случайными, поскольку систематические раскопки древнерусских городищ в то время не проводились.

Систематические археологические исследования Звенигорода проводятся Львовским историческим музеем под руководством Института общественных наук ЛГУ с 1959 г. В 1963 г. в Звенигороде были найдены три вислые оловянные печати.

Первая печать (рис. 1) была обнаружена автором во время раскопок⁵ в западной части детинца городища на глубине 45 см в куль-

¹ Первое летописное упоминание о Звенигороде относится к 1087 г. (ПСРЛ, т. 2, Ипатьевская летопись, 2-е издание. СПб., 1908, стр. 197).

² ЗНТШ, 1899, т. XXXI—XXXII, стр. 20—21. Одна печать с именем киевского митрополита Константина, вероятно, Константина II, а две с именем св. Василия.

³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928, стр. 107, 104.

⁴ J. Swieñcicki. Byzantinische Bleisiegel in der Sammlungen von Lwow. — «Сборник на память на проф. П. Ников». Известия на Българското историческо дружество, XVI—XVIII. София, 1940, стр. 434.

⁵ Раскопки проводил Львовский исторический музей под научным руководством канд. истор. наук А. А. Ратича.

турном слое XI—XII вв. Две другие печати, меньшие по размеру (рис. 2 и 3)⁶, были найдены при осмотре детинца на двух противоположных углах (северо-западном и юго-восточном) четырехугольного замчища — бастиона, сооруженного в 1716 г. на центральной части городища, в обрыве культурного слоя.

Первая печать, диаметром 23 — 25 мм, является анонимной. На одной стороне печати — поясное изображение святителя в архиепископских ризах с крестами, с длинной клиновидной бородой

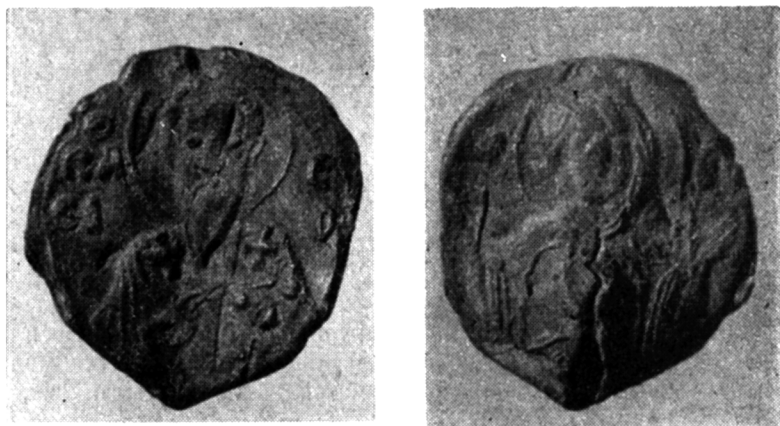

Рис. 1. Вислая печать из Звенигорода.

и свисающими усами, вокруг головы линейный нимб. Верхняя часть изображения повреждена, видимо, ударом лопаты. Печать слегка вогнута, возможно, от нажима при прикреплении к шнуру. Около головы надпись: слева ВА, ниже СИ; справа Е и ниже четкое О, возможно, с другой буквой, которую нельзя проследить из-за вмятины на самом краю печати.

Надпись на аналогичной печати М. С. Грушевский и Н. П. Лихачев читают следующим образом:

О А[ГЮС] ВАСІЛЕ[ЮС] = св. Василий.

На другой стороне печати в линейном кругу изображение богоматери типа «Знамение». Слева около головы слабо заметны буквы $\tilde{M}P$ и справа $\tilde{Y}T$. В этом месте на аналогичной печати М. С. Грушевский усматривал изображение Христа с линейным нимбом вокруг головы.

Это третья по счету печать с изображением св. Василия, найденная на территории древнерусского городища Звенигород. В. Л. Янин

⁶ Печати нашел местный учитель Я. А. Орач.

отмечал, между прочим, что большинство вислых печатей Василия известно именно из южнорусских городов⁷.

К сожалению, установлению принадлежности анонимных печатей препятствует то обстоятельство, что пока известны лишь некоторые христианские имена князей. Христианское имя Василий, как известно, носили князья Владимир Святославич и Владимир Мономах⁸.

М. С. Грушевский⁹ и Н. П. Лихачев¹⁰, а за ними и проф. М. Н. Тихомиров¹¹ допускали, что изображением св. Василия пользовался теребовльский князь Василько Ростиславич, ослепленный волынским князем Давидом Игоревичем в 1097 г. во время междоусобных войн. Местонахождение древнего Теребовля предполагается на территории нынешнего села Зеленча, Тернопольской области, откуда происходит много древнерусских изделий¹², хранящихся в фондах Львовского исторического музея.

Н. П. Лихачев, сравнивая интересующую нас печать с печатью с изображением св. Феодосия (из с. Крилоса-Галича)¹³, отметил, что по времени и типу они одинаковы, но поскольку он не был знаком с подлинником, то не мог сказать с уверенностью, что это русско-византийский памятник. Что касается их хронологии, то Н. П. Лихачев считал, что русско-византийские печати с полной греческой надписью не могут быть вынесены за пределы XI в. Но в данном случае, когда лишь имя святого дано в греческой форме, можно думать и о более позднем времени печати¹⁴. Лихачев допускал, что печати с изображением богоматери принадлежали лицу духовного сана¹⁵.

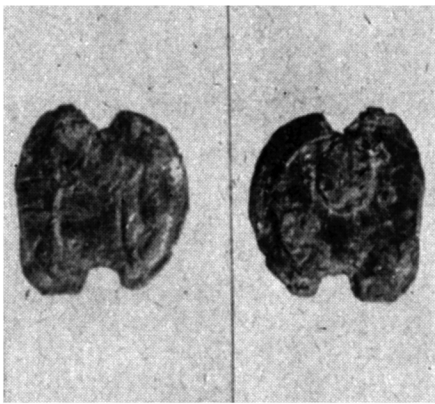

Рис. 2. Вислая печать из Звенигорода.

⁷ В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.— МИА, 55. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 1, стр. 153.

⁸ Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963, стр. 63.

⁹ М. Грушевский. Указ. соч., стр. 22.

¹⁰ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 107.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956.

¹² Бронзовые изделия из с. Зеленча опубликованы Г. М. Власовой. См.: Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1963, стр. 246.

¹³ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 164.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Две другие печати по размерам меньше описанной, но больше так называемых дрогичинских пломб.

Первая из них (рис. 2) диаметром 13 мм. На лицевой стороне рельефное изображение, вероятно, головы святого с точечным нимбом, внизу, кроме точек, возможно наличие каких-то знаков или

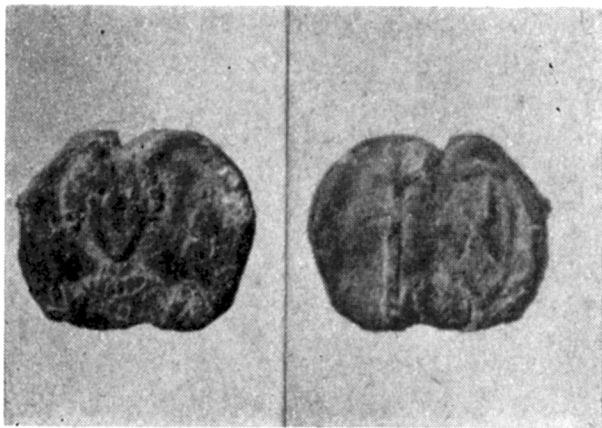

Рис. 3. Вислая печать из Звенигорода.

букв. На оборотной стороне справа имеется изображение шестиконечного креста без подставки, а слева — затертое изображение княжеского знака.

Вторая печать (рис. 3) диаметром 15—18 мм. На лицевой стороне — четкое поясное изображение святого со сплошным точечным нимбом или курчавыми волосами и как бы приподнятыми кистями рук. Верх мантии (омофора) на груди передан двумя полуовальными линиями с крупными рельефными точками между ними. Справа от головы помещено изображение княжеского знака — известного трезубца Ярославичей, обращенного вниз. Исполнен он весьма примитивно, четырьмя отдельными черточками разной длины с одним более длинным зубцом — концом. На оборотной стороне слева расположен шестиконечный крест без подставки, а справа — очень затертое изображение в овале.

Обе последние печати трудны для определения не только из-за небольшого размера, но и вследствие нечеткости изображений и, по-видимому, отсутствия надписей.

Как известно, большинство исследователей считает маленькие печати дрогичинского облика товарными пломбами.

По мнению В. Л. Янина, в XII в. маленькие печати служили, очевидно, и для утверждения актов, а не только в качестве товарных пломб. Постепенно княжеская печать деградирует, превращаясь

в товарную пломбу, которую вряд ли можно рассматривать иначе, чем пережиток старого обычая пользоваться печатью как атрибутом власти. Процесс этот характерен для всей территории древней Руси, так как товарные пломбы обнаружены в большом количестве пунктов, в том числе во всех тех, в которых находили и обычные печати ¹⁶.

Вполне возможно, что и две малые печати из Звенигорода, датированные XII в., служили для утверждения актов.

Вместе с тем недостаточность археологического материала не дает полной уверенности в правильности предложенных определений и датировки печатей малого размера.

---

¹⁶ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 163.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КЛАДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ И ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ В XVI в.

В. Н. РЯБЦЕВИЧ

(Минск)

XVI век — время глубоких перемен в экономической, политической и культурной жизни стран Восточной и Западной Европы, эпоха разложения феодального строя и укрепления в его недрах капиталистических отношений. В этот период завершается политическое и, в известной мере, экономическое объединение внутри большинства европейских стран¹, народности складываются в нации, международные торговые связи становятся все более прочными. Продолжающееся развитие производительных сил и начавшаяся со второй половины века революция цен приводят к заметным изменениям как в организации хозяйства европейских стран, так и в сфере их финансов.

Вопросы денежного обращения Русского государства XVI в., в том числе и вошедшей в его состав Чернигово-Северской земли, освещены И. Г. Спасским². Вместе с тем следует подробнее остановиться на некоторых особенностях денежного хозяйства этой территории, которая служила своеобразным мостом, соединившим в XVI в. Московское государство с восточной окраиной Великого княжества Литовского. Состав кладов Черниговщины и Брянщины этого периода позволяет утверждать, что на протяжении всего века при несомненном преобладании в этом районе русской монеты большую роль играла продукция монетных дворов Великого княжества Литовского и Польши.

¹ Исключением явились лишь Германия и Италия, дробление которых в XVI в. принимает широкий размах.

² И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.— МИА, 44, 1960.

Денежное обращение части Великого княжества Литовского — восточной Белоруссии, граничившей с Чернигово-Северской землей, представлено по сравнению с последней значительно более разнообразными монетными типами и гораздо большим количеством кладов. Чтобы понять причины этого явления, обратимся к истории белорусских земель рассматриваемого периода.

В XVI в. на территории Белоруссии в результате совершенствования техники сельского хозяйства и ремесла увеличивается объем товарной продукции. Стремление феодалов удовлетворить свои возрастающие потребности в деньгах приводит к преобразованиям в организации феодального хозяйства: увеличивается денежная рента («чинш», «дань грошевая») в системе крестьянских повинностей, с одной стороны, и меняется структура феодального имения с целью повышения его доходности — с другой.

В 1560—1561 гг. в восточной Белоруссии значительная часть натуральных и отработочных повинностей крестьян заменяется «чиншем». Одновременно большее, чем прежде, значение приобретают и натуральные повинности продуктами, имеющими спрос на рынке. Особое место среди них занимает хлеб, потребность в котором как на внутренних, так и на международных рынках непрерывно увеличивается.

К началу XVI в. основу организации крестьянского хозяйства Белоруссии составляет «дворище» («служба»), объединяющее несколько семей, сообща обрабатывающих принадлежащие феодалу участки земли площадью до нескольких десятков гектаров. К концу века на востоке Белоруссии начинает осуществляться «Устава на волоки»: вся земля, разделенная на волочные (21,3 га), полуволочные и др. участки («померы»), распределяется между отдельными крестьянскими семьями («дворами», «дымами»). Лучшие по качеству земли включаются, как правило, в феодальные поместья («фольварки»), что способствует росту их товарного производства. Дробление же крестьянских хозяйств приводит к росту числа единиц налогового обложения и, как следствие этого, — к увеличению общей суммы дохода, получаемого феодалом с крепостных.

К началу XVI в. в Белоруссии насчитывается 30 городов и более 100 местечек³. На протяжении века возникают новые торгово-ремесленные центры и возвышаются старые, не имевшие ранее большого экономического значения. Развивается цеховая организация ремесла, углубляется его специализация. К концу века магдебургским правом обладают уже все крупные белорусские города. Великокняжеская власть содействует их росту и развитию, так как поборы с них составляют одну из важнейших статей ее доходов.

С увеличением товарооборота белорусских рынков возрастает и роль купечества. В рассматриваемый период «старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан

³ История Белорусской ССР, т. I. Минск, 1961, стр. 90.

формируется современный класс буржуазии»⁴. Увеличивается количество регулярных ярмарок, растет продолжительность каждой из них. Как иноземные, так и местные товары, поступающие на ярмарку, освобождаются от многих пошлин и ограничений в продаже, в то время как реализация их вне установленных торговых центров подвергается ограничениям или запрету. Однако развитие товарно-денежных отношений не завершается в XVI в. созданием внутренних экономических связей в масштабе всей Белоруссии. Натуральное хозяйство, по-прежнему сохраняющее большое значение, отсутствие единообразных форм его ведения, неравномерность экономического развития различных районов явились основными причинами, воспрепятствовавшими образованию общепольского внутреннего рынка. В пределах восточной Белоруссии на протяжении XVI в. складывается ряд местных рынков, более или менее связанных между собой.

В конце XV — начале XVI в. происходят большие перемены в политической жизни Великого княжества Литовского, Польши и ряда стран Западной Европы. С 1501 г. великий князь литовский Александр Ягеллончик становится одновременно и королем польским. Эта личная польско-литовская уния сменяется в 1569 г. Люблинской унией, провозгласившей создание огромного государства — Речи Посполитой.

Духовно-рыцарский Тевтонский орден, преграждавший Польше и Великому княжеству Литовскому выход к берегам Балтики, сходит в результате Грюнвальдской битвы (1410 г.) с политической арены. По Торунскому миру (1466 г.), завершившему неудачную для него тринадцатилетнюю войну с Польшей, орден возвращает ей Данциг и признает себя вассалом польского короля. Последний гроссмейстер — Альберт Бранденбургский проводит секуляризацию орденских владений, создает на их основе светское герцогство Пруссия и по Краковскому договору (1524 г.) становится ленником Польши.

Филиал Тевтонского ордена в Прибалтике — Ливонский орден — распадается в 1561 г. под ударами русских войск. В 1562 г. гроссмейстер и рижский архиепископ подписывают договор о подчинении ордена Польше, Рига объявляется вольным городом. Гроссмейстер Готхард Кетлер, секуляризовав входившие в состав ордена Курляндию и Земгалию, получает от Польши в лен возникшее на их основе Курляндское герцогство.

Попытки Русского государства пробиться к Балтийскому морю (Ливонская война 1558—1583 гг.) оканчиваются неудачей. Ожесточенная борьба Союза ганзейских городов с Данией и германскими правителями, начавшаяся еще в XIV в., приводит к поражению Ганзы и ее упадку. Победа над народными массами в крестьянской войне 1525 г. усиливает власть многочисленных германских князей

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 4, стр. 306.

и завершает раздробление огромной Германской империи на множество мелких феодальных владений. Германия почти на два столетия исчезает из списка великих европейских стран.

Создавшаяся политическая обстановка выдвигает Польско-Литовское государство, наряду с Данией и Швецией, в число ведущих держав бассейна Балтийского моря.

К началу XVI в. относятся и серьезные изменения в направлениях международной торговли. Основные пути ее после падения Константинополя под ударами Османской империи (1453 г.) и открытия Америки (1492 г.), давшего Испании и ее нидерландским владениям огромное количество дешевого золота, перемещаются с Индийского океана и Средиземноморья на Атлантический океан, Северное и Балтийское моря. Итало-германская транзитная торговля, шедшая через Альпы и далее по Рейну, отходит на второй план. Оживление балтийской торговли и хозяйственный подъем Нидерландов, экономически тесно связанных с Прибалтикой, открывают перед Польско-Литовским государством, обладавшим такими важными портовыми городами, как Данциг, Крулевец, Эльбленг, Рига (последняя перешла к Речи Посполитой в 1581 г.), невиданные до этого времени возможности для развития внешней торговли. Великое княжество Литовское и Польша становятся крупнейшими поставщиками сельскохозяйственной продукции (особенно хлеба) на европейские рынки.

При заметных изменениях, происходивших на протяжении века на внутренних рынках Великого княжества Литовского и в международной торговле, неизбежными становятся существенные преобразования как в монетном производстве самого княжества, так и в составе и объеме импорта иноземной монеты на его территорию.

Денежное обращение Великого княжества Литовского вообще и восточной Белоруссии в частности следует разделить в этот период, на наш взгляд, на три основных этапа: конец XV в. — 1544 г., 1545—1577 гг., 1578 г. — конец XVI в.⁵

1. К о н е ц X V в. — 1 5 4 4 г. Финансовая политика польско-литовских правителей характеризуется безуспешными попытками унифицировать денежное обращение Короны (Польшы) и Великого княжества Литовского, с одной стороны, и введением новых разменных и полноценных номиналов — с другой. Еще личная уния 1501 г., оформившая вступление на польский престол Александра, заявляет, что монета королевства Польского и Великого княжества Литовского должна быть «единой и равного веса»⁶. Тем

⁵ Последний этап в денежном обращении Белоруссии этого периода оканчивается 1623 г. (см. В. Н. Р я б ц е в и ч. Топография монетных кладов Белоруссии (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук), 1965, стр. 10—11). Но в связи с тем, что хронологические рамки рассматриваемой темы ограничиваются лишь XVI в., мы сочли возможным условно сократить его.

⁶ V o l. L e g., I, стр. 132, стб. 1.

не менее стоимость коронного полугроша Александра, а затем и Сигизмунда I составляет лишь $\frac{4}{5}$ стоимости литовского. Решение ввести польскую монету в широкое обращение на территории Литвы и Белоруссии⁷ почти не достигает своей цели. В 1511 г. Краковский монетный двор прекращает выпуск польского полугрошовика. Невыполненным оказывается и постановление Петроковского сейма 1519 г. об унификации монетной чеканки Великого княжества Литовского и прусских земель, находившихся под властью Польши⁸.

В 1529 г. прекращается эмиссия и литовских полугрошей. Указ Сигизмунда I 1535 г. повелевает «в панстве нашем Великом Князстве литовском новую монету у мынцы (на монетном дворе.— В. Р.) нашой бити, гроши плоскии, которыи бы были браны по два полугрошки... и... абы вся земля, подданыи наши... за всякие речн одну монету приймавали и ничим ее не обегали под грозным караньем нашим»⁹. Эмиссия «плоских» грошей была непродолжительной и прекратилась уже в следующем 1536 г.

Со второй половины 20-х годов XVI в. возобновляется деятельность Краковского монетного двора, чеканившего в основном гроши и небольшое количество дукатов. К 1540 г. все монетные дворы Великого княжества Литовского и Польши закрываются.

Более разнообразным, чем в XV в., становится и импорт восточной Белоруссией иноземной монеты, представленной двумя основными группами — силезской и прусской.

Силезская чеканка, фиксируемая кладами, состоит из полугрошовиков, выпускавшихся от имени Свидницы (Швайцница) в 1517—1526 гг. Ввоз их в Польшу и Великое княжество Литовское является выразительнейшим примером позднесредневековой экономической интервенции, основным орудием которой была низкопробная монета. Качественная разница между польским и свидницким полугрошами была весьма значительной¹⁰ (см. табл.).

Трудности борьбы правительства с обращением свидницкой монеты усугублялись тем, что ее диаметр, расположение легенд и их почерк, рисунки лицевой и оборотной сторон почти точно повторяли привычные населению польские полугроши. Различались эти номиналы Польши и Свидницы лишь содержанием легенд, что в условиях XVI в. практически исключало возможность полного изъятия или действительного ограничения обращения свидницких полугрошовиков, худших по качеству, чем польские.

В 1517 г. Сигизмунд I обращается к герцогам Силезии с требованием прекратить чеканку Свидницей полугрошей или же принять

---

⁷ V o l. L e g., I, стр. 164, стб. 1.

⁸ Т а м ж е, стр. 166, стб. 1.

⁹ М. Д о в н а р-З а п о л ь с к и й. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I, 1901, стр. ХСІ.

¹⁰ М. Г р а з у њ с к и. Moneta swidnicka w Polsce.— WNA, 1911, 8, стр. 123.

решительные меры к недопущению ее экспорта ¹¹. Указ от 21 марта 1518 г. запрещает населению принимать силезские полугрошвики и для ознакомления с этой «подлой» монетой велит выставить ее для всеобщего обозрения у ратуш и других публичных мест ¹².

Но уже спустя два месяца новый королевский универсал вынужден признать резкое увеличение хождения на рынке свидницких полугрошей и неумение жителей Польши и Великого княжества Литовского отличать их от польских ¹³. Стремясь пресечь их ввоз; Петроковский сейм 1524 г. запрещает купечеству выезд в Силезию и прогон волков через ее территорию: «...большие и многие шкоды и обиды, причинены Силезией... особенно монетой свидницкой, удержать которую не смогли мы за все это время...; не видя много средства для задержания той монеты, чем прекращение всякой торговли со всем этим соседством..., закрываем этим постановлением все дороги в Силезию на 10 лет» ¹⁵. Эта радикальная мера тоже не смогла остановить поток свидницкой монеты.

Указ Сигизмунда I от 15 октября 1526 г. вынужден констатировать, что «после вывоза наших добрых полугрошей из нашего королевства, из них новая монета свидницкая выбивается и снова вывозится в наше королевство со шкодой для наших подданных..., опытными (купцами) с трудом, неопытными и плербсом (шляхтой и хлопками) никоим образом отличима (от польской.— В. Р.) быть не может» ¹⁶.

В марте 1527 г. Краковский сейм устанавливает стоимость свидницкого полугроша на 4 денария ниже, чем польского, и грозит нарушителям этого постановления конфискацией имущества и смертной казнью ¹⁷. Следующий, Петроковский сейм в конституции от 15 февраля 1528 г. вновь возвращается к этому вопросу: «...великое множество монеты свидницкой вопреки запрету нашему в королевство наше и в паньства наши ввозится... в такой мере, что уже мало можно найти доброй монеты». Принимается решение о полном изъя-

Монеты	Вес, г	Проба	Количество из краковской гривны серебра ¹⁴	
			брутто	нетто
Полугроши польские 1507—1511 гг.	1,031	0,387	192	512
Полугроши свидницкие	0,93	0,290	212,5	618,6

¹¹ М. Г р а з у њ с к и. Указ. соч.— WNA, 1911, 5, стр. 66.

¹² М. Г р а з у њ с к и. Указ. соч.— WNA, 1911, 11, стр. 172.

¹³ М. Г р а з у њ с к и. Указ. соч.— WNA, 1911, 8, стр. 133.

¹⁴ 197, 68 г.

¹⁵ М. Г р а з у њ с к и. Указ. соч.— WNA, 1912, 1, стр. 4; А. S z e l а n g o w - s k i. Pieniądz i przewrót cen w XVI. i XVII. wieku w Polsce. Lwów, 1902, стр. 41.

¹⁶ М. Г р а з у њ с к и. Указ. соч.— WNA, 1911, 8, стр. 125, 126.

¹⁷ V o l. L e g., I, стр. 235, стб. 2.

тии свидницкой монеты из обращения и переплавке ее на государственных монетных дворах¹⁸.

Операция по выкупу у населения свидницких полугрошей, оцененных по 5 литовских денариев, несмотря на ее интенсивность¹⁹, растянулась на длительный срок: последнее упоминание об этой монете (в связи с перечеканкой ее на литовские монеты) относится к 1562 г.

Можно, не боясь преувеличения, утверждать, что ввоз свидницкого полугроша на территорию Великого княжества Литовского был огромным. Несмотря на большой размах отзывать этой монеты, она не составляет большой редкости в кладах даже XVII в.²⁰

Вторым крупным поставщиком монеты на земли Великого княжества Литовского являлась Пруссия, имевшая два монетных двора — Торуньский (Торнский) и Крулевецкий (Кенигсбергский). Первый из них, принадлежавший польскому королю, в 1528—1535 гг. чеканил преимущественно гроши для обращения на территории Пруссии, находившейся под властью Польши. Второй, Крулевецкий монетный двор открыт после создания Прусского герцогства — ленника Польши. В 1526 г. герцог Альберт II, получив право монетной эмиссии, приступает к собственной чеканке. Гроши, битые им, были несколько хуже польских, так как из гривны серебра их выпускалось на один больше, чем в Кракове. Поэтому королевский универсал 1546 г. запрещает их обращение в Польше и в Великом княжестве Литовском²¹.

¹⁸ V o l. L e g., I, стр. 235, стб. 2; M. G r a z y ŋ s k i. Указ. соч.— WNA, 1911, 8, стр. 124.

¹⁹ Например, только за сентябрь 1546 г. в одном лишь восточнобелорусском городе Мозыре изъято из обращения 168 750 свидницких полугрошовиков с выплатой за них 1 000 коп (копа — 60 грошей) литовских грошей (см. M. G r a z y ŋ s k i. Указ. соч.— WNA, 1911, 3, стр. 39).

Скупка монеты Свидницы была, очевидно, довольно выгодным делом. Неудивительно поэтому, что у властей появились серьезные конкуренты по «отзыву» ее из обращения. 17 октября 1547 г. помечено судебное дело, возбужденное управителем Виленского монетного двора Яном Лютомирским против некоего Авраама Турчина, скупавшего свидницкую монету. Жена обвиняемого признала, что «они тую монету свидницкую отменяли и теперь ее мають...». В ходе следствия было установлено, что Авраам Турчин «кольки тысячей коп монеты свидницкое отменил, в чем шкодного его милости (Сигизмунду II.— В. Р.) яко две тысячи коп грошей монеты и личбы литовское» (см. Русско-еврейский архив [Документы и материалы для истории евреев в России, т. I. Документы и регистры к истории литовских евреев...], собрал и издал С. А. Бершадский. СПб., 1882, № 348, стр. 323). Таким образом, Авраам Турчин сумел скупить у населения 337 500 свидницких полугрошей! Следует указать, что С. А. Бершадский (стр. 321 указ. сборника), резюмируя содержание цитируемого документа, придает слову «отмена» прямо противоположный его действительному значению смысл (не «изъятие», а «сбыт»).

²⁰ См., например, В. Н. Р я б ц е в и ч. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии.— НиС, I, К., 1963.

²¹ W l. B o g a t y ŋ s k i. Z at a r g A l b r e c h t a z P o l s k ą o m o n e t ę.— WNA, 1913, 3, стр. 39.

На рассмотренном этапе рынки восточной Белоруссии и в меньшей мере рынки Чернигово-Северской земли оперируют также сравнительно небольшим количеством польских полугрошей Владислава Ягелло, Казимира IV (с преобладанием чеканки 1479—1492 гг.), Яна Ольбрахта (с преобладанием чеканки 1492—1498 гг.) и пражских грошей XIV—XV вв. (с преобладанием чеканки Вацлава IV).

2. 1545—1577 гг. Характерной чертой денежного обращения Великого княжества Литовского этих лет является довольно четко выраженная однородность его состава.

В 1545 г. Сигизмунд I передал Великому княжеству Литовское своему сыну Сигизмунду II, ставшему с 1548 г. и королем Польши. Основной монетой как Великого княжества Литовского, так и Польши становится литовский полугрош, битый в 1545—1565 гг. в Вильно и в 1566 г. в Тикоцине. Номинал этот — почти неизменный и количественно преобладающий компонент абсолютного большинства восточнобелорусских кладов второй половины века.

В середине 40-х — конце 60-х годов XVI в. Виленский монетный двор выпустил значительное количество единичных и двойных денариев (последние преимущественно 1569—1570 гг.). Собственно польская монета не чеканится — Краковский монетный двор закрыт в 1548 г. Даже выбитые в небольшом количестве Виленским монетным двором в 1546—1548, 1566—1568 гг. по коронной стопе гроши для обращения в Польше несут на себе герб Литвы и легенду, провозглашавшую принадлежность их Великому княжеству Литовскому (MONETA MAGNI DVC LITVA).

Ведение Ливонской войны потребовало от правительства дополнительных средств. Послание Сигизмунда II к кн. Богушу Федоровичу Корецкому от 18 августа 1562 г. сообщает: «Иж (так как.— В. Р.) потребы земские для обороны границ панства и подданных наших на скарб пришли, про то, абы в мынцы (монетном дворе.— В. Р.) работа поспешнейшая была, за чым бы теж, даючы пенези (деньги.— В. Р.) служебным и на иные земские потребы, не омешкивалося, для того рассказали есьмо у мынцы нашой другую монету бити с такового ж пакгаменту (того же качества.— В. Р.), яко и на тот час мынцы идеть, пошостные и потригрошные гроши, то ест в одном ваги выносить 6 грошей литевских звыклое монеты..., другие половицею меньшие, то ест по 3 гроши такеж литевских»²².

В 1562—1569 гг. в Вильно выпущено значительное количество трех- и четырехгрошовиков, сравнительно небольшое число двух- и шести грошовиков. С начала 60-х годов производится спорадическая чеканка дукатов, в 1564—1565 гг. впервые чеканятся талеры. В 1564 г. в обращение пущены контрамаркированные вензелем Сигизмунда II полу- и целые неаполитанские талеры, выплаченные Филиппом II в счет приданого королевы Боны, матери Сигизмунда II. Однако золотая и талерная монета не получает в это время

²² М. Довнар-Запольский. Указ. соч., стр. ХСII.

широкого распространения на территории Великого княжества Литовского: она неизвестна нам в кладах Белоруссии и Литвы²³.

Несмотря на предшествовавшие неудачи, правительство не оставляет попыток создания единой польско-литовской монетной системы. Конституция Варшавского сейма 1564 г. торжественно обещает выработать без промедления проект денежной реформы²⁴; подобное решение принимает и Петроковский сейм 1567 г.²⁵ Наконец, Люблинский сейм 1569 г. в привилее «О Княжестве Литовском» устанавливает: «Монета как в Польше, так и в Литве должна быть по общему согласию одинаковой по весу, пробе и надписям»²⁶. Однако уже в 1570 г. единственный из функционировавших в стране монетных дворов — Виленский — прекращает свою работу. Монетное производство Речи Посполитой замирает почти на десятилетие.

В связи с продолжающейся революцией цен наблюдается довольно интенсивная утечка дешевого польского и литовского серебра за границу (преимущественно в германские государства). На вальном Петроковском сейме 1559 г. земские послы представляют мемориал, в котором указывается на недостаток в стране обращающейся монеты из-за вывоза ее в Германию. Как одну из мер против происходящего явочным порядком экспорта польской и литовской монеты послы предлагают запретить обращение западноевропейских талеров и дукатов по более высокой цене, чем в других странах²⁷.

Но правительство не ограничивается полумерами и запрещает купечеству Польши и Великого княжества Литовского выезд за границу (постановление Петроковского сейма 1565 г.)²⁸, а в отношении талеров принимает следующее решение: «...что касается талеров злых и не важных (низкопробных и легковесных.— В. Р.) ...постановляем, дабы их уже отныне как в Гданьске, так и в других местах... не брано, только ежели о том особый универсал с того сейма выслан будет»²⁹ (универсал Петроковского сейма 1567 г.). Обращение в это время иноземной монеты на территории Польши и Великого княжества Литовского засвидетельствовано и универсалом Сигизмунда II от 4 сентября 1567 г., в котором отмечается:

²³ Исключение составляет лишь клад 1960 г. из дер. Тургеляй Вильнюсского р-на (просмотрен автором в 1961 г.), поступивший в Историко-этнографический музей АН Лит. ССР. Среди 500 монет XVI — начала XVII в. оказался неаполитанский полуталер с надчеканкой Сигизмунда II.

²⁴ *Vo l. L e g.*, II, стр. 9, стб. 1. Попутно заметим, что уже в следующем, 1565 г. Виленский монетный двор, как бы предвидя тщетность стараний уравнивать польскую монету с литовской, выпускает трехгрошовик с иронической легендой, имеющей, очевидно, отношение к этому плану в области финансов: «*Qui habitat in coelis irridebit eos*» — «тот, кто живет на небесах, посмеется над ними».

²⁵ *Vo l. L e g.*, II, стр. 69, стб. 2.

²⁶ *T a m ж е*, II, стр. 90, стб. 2, пункт 12.

²⁷ *A. S z e l a g o w s k i*. Указ. соч., стр. 43—44.

²⁸ *T a m ж е*, стр. 85.

²⁹ *Vo l. L e g.*, II, стр. 69, стб. 2.

«...многие а розные мынцы (монеты.— В. Р.) з земель постронних в паньстве нашом входят...»³⁰.

Итак, документы свидетельствуют о довольно широком обращении в Польше и Великом княжестве Литовском рассматриваемого времени иноземной монеты. Однако находимые в Белоруссии клады второй половины 40-х — конца 70-х годов XVI в. содержат в основном литовские и польские монеты и гораздо меньше западноевропейских монет, представленных лишь упоминавшейся выше чеканкой Силезии и Пруссии. Чем же объясняется столь явное несоответствие сведений, сообщаемых актами и кладами — этими двумя в равной мере заслуживающими доверия источниками?

Прежде всего акты и клады XVI в. чаще всего относятся к различным сферам, различным уровням денежного обращения. Абсолютное большинство монетных захоронений этого времени представляет собой скромные сбережения рядовых горожан и сельских жителей. Состоящие из мелких низкопробных номиналов, они по своей стоимости редко превышают один дукат или один — три талера.

Но почему все же отсутствуют датируемые этим временем клады золотой и талерной монеты, этих «денег богатых»? Тот факт, что эти деньги, как наиболее ценные, составляли незначительный (в количественном отношении) процент в общей массе средств обращения, платежа и накопления, явно недостаточен для полного ответа на поставленный вопрос. Следует, вероятно, объяснить это явление и довольно высокой степенью развития кредитных отношений на белорусских рынках XVI в.

Состав восточнобелорусских кладов 1545—1577 гг. позволяет с уверенностью утверждать, что импорт разменной монеты Западной Европы в эту часть Великого княжества Литовского совершенно прекращается в указанный период; очевидно, массовый выпуск литовских полугрошовиков исключал необходимость ввоза сюда номиналов ниже талера.

3. 1 5 7 8 г. — к о н е ц X V I в. Этот период сыграл еще более значительную роль в развитии польско-литовской монетной системы, чем предшествовавшие ему три четверти века. Впервые начинают чеканиться литовские и польские биллоновые солиды (шеленги), вытесняющие полугрош как основную, самую распространенную монету денежного обращения Речи Посполитой; монетные дворы приступают к массовой эмиссии грошей, трех- и шестигрошовиков, более широкое распространение получают талеры и дукаты; чеканка единичных денариев и полугрошей прекращается.

Резко возрастает число монетных дворов, увеличивается их производительность. Иной становится организация монетного производства: заведующие монетными дворами обязуются помещать на монетах свои гербы и инициалы как выражение своей ответственности за качество выпускаемой продукции. Государственная финан-

³⁰ М. Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Указ. соч., стр. ХСIII.

совая политика приобретает ярко выраженный меркантилистский характер — многочисленные сеймовые постановления еще решительней, чем прежде, запрещают вывоз за границу польско-литовской монеты и ввоз низкопробной иноземной. Королевская власть увеличивает свои доходы путем интенсификации биллоновой монеты и отдачей монетных дворов в аренду частным лицам.

Впервые практически достигается унификация литовской и польской монетных систем. Стопа и монетные типы, установленные ординацией 1578 г.³¹, подтвержденной в 1580 г., претерпевают небольшие изменения лишь в 1601 г.³² и ложатся в основу государственной чеканки на протяжении почти полувека, оказывая заметное влияние на монетное производство Речи Посполитой вплоть до конца XVII в.

Монеты первых трех лет правления Стефана Батория, вступившего на престол в 1576 г., нам не известны; но уже в 1579 г. в соответствии с ординацией предыдущего года начинается выпуск по единой стопе литовской и польской монеты. Впервые после более чем тридцатилетнего перерыва открываются монетные дворы Польши. В литовской чеканке (монетный двор Вильно) преобладают солиды и тройные гроши, в польской — кроме того, заметную группу составляют грошовики. В 1581 г., после взятия Стефаном Баторием Риги, монетный двор ее начинает чеканку, повторяющую тип литовских и польских монет; основу эмиссии здесь составляют солиды (шиллинг) и тройные гроши.

В правление Сигизмунда III Вазы (1587—1632) монетное производство Речи Посполитой достигает невиданного размаха. В Великом княжестве Литовском по-прежнему функционирует один Виленский монетный двор, но возрастает число центров чеканки в коронных землях. Очень интенсивно работает Рижский монетный двор. Талерная и золотая монета чеканится сравнительно в небольших количествах, но номиналы от солида до тройного гроша выпускаются в изобилии.

С усилением деятельности государственных монетных дворов наносится решительный удар по практиковавшейся частной чеканке монеты. Конституция Варшавского сейма 1601 г., подтверждающая решение 1598 г.³³, гласит: «Желая привести в исполнение конституцию года 1598, о монете написанную, постановляет сейм нынешний..., aby все менницы (монетные дворы. — *В. Р.*), которые люди private по разным городам и местечкам к своей выгоде (*in suum commodum*), были отныне уничтожены...»³⁴.

Наблюдается оживление ввоза иноземной монеты на территорию Великого княжества Литовского. Восточнобелорусские клады конца 80-х — начала 90-х гг. фиксируют деньги и копейки Ивана IV — Федора Ивановича, венгерские денарии Фердинанда I — Рудольфа II.

³¹ *Vol. Leg.*, II, стр. 189, стб. 2.

³² *Там же*, стр. 394, стб. 1.

³³ *Там же*, стр. 367, стб. 2.

³⁴ *Там же*, стр. 394, стб. 1.

СПИСОК МОНЕТНЫХ НАХОДОК

КЛАДЫ 1-й ЧЕТВЕРТИ XVI в.

У С С Р

Черниговская область

Бобровицкий район

1. Дер. Браница Козелецкого у. Черниговской губ. 1893. Глиняный горшок с 2084 монетами общим весом 6 фунтов 51 золотник: полугроши литовские Александра и Сигизмунда I.

Клад отнесен к 1-й четверти века условно: полугроши литовские Сигизмунда I чеканились в 1508—1525, 1528 и 1529 гг., но экземпляры, чеканенные после 1525 г., встречаются в кладах рассматриваемой территории гораздо реже, чем более ранние. АЛОИА, ф. 1, 1892, д. 215, л. 36 об.— 37; 1893, д. 95, л. 1, 2; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 20 (ч. 1), 1893, л. 79, 108; ТЧАК, 1905, стр. 126.

2. Урочище «Чернишки» у дер. Браница Козелецкого у. Черниговской губ. 1895. 2393 монеты общим весом 7 фунтов 39 золотников: полугроши литовские Александра и Сигизмунда I. АЛОИА, ф. 1, 1895, д. 227, л. 1, 2; д. 293, л. 28 об.— 29; ТЧАК, 1905, стр. 127.

Р С Ф С Р

Брянская область

Стародубский район

3. Дер. Дареевичи Стародубского у. Черниговской губ. 1885. 246 целых и 5 фрагментированных монет: Новгород (время самостоятельности) — денги (7); Псков (время самостоятельности) — денги (2); Великое княжество Московское — Иван III Васильевич, денги московские и денги псковские; Великое княжество Литовское — Сигизмунд I, полугроши 1509—1515 гг., 1517—1523 гг. 26 русских и 11 литовских монет поступили в Эрмитаж, остальные отданы на переплавку. АЛОИА, ф. 1, 1869, д. 35, л. 28 об.— 29; 1882, д. 51, л. 105 об.; 1885, д. 40 б, л. 4, 5, 10; АГЭ, оп. «П», д. 178, 1885, л. 33; ф. 1, оп. 5, д. 16, 1886, л. 4; Реестр, 1879—1892, стр. 43; ЗРАО, н. с., т. II, 1887, стр. LXVII; Ильин, Уд. мон., № 152 (перечислены лишь 4 новгородские денги).

Б С С Р

Могилевская область

Кричевский район

4. Гор. Кричев Могилевской губ. 1905. 646 монет общим весом 1 фунт 93 золотника: Великое княжество Литовское, полугроши — Александр и Сигизмунд I (до 1525 г.); Польша, полугроши — Александр (I), Сигизмунд I, 1509 г. (1). АЛОИА, ф. 1, д. 155, 1905, л. 1, 4; д. 293, 1895, л. 398 об.— 399; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 16, л. 46.

5. *Гор. Кричев Могилевской губ.* 1910—1911. Клад начала XVI в., 47 монет которого поступили в музей Варшавского университета. WNA, t. III, № 5, 1911, стр. 80.

Гомельская область

Петриковский район

6. *Дер. Сметаничи.* 1961. Местным жителем О. Ф. Гололобовым в Белорусский государственный музей присланы 4 монеты, 3 из которых оказались пражскими грошами (2 — Вацлава III, 1 — Вацлава II или III: читается лишь имя), 1 — полугрошем литовским Александра (опред. автора). В письме, сопровождавшем монеты, сообщалось, что происходят они из клада, найденного у деревни в 1961 г. и содержавшего «около полутора ведер серебряных монет трех сортов. Больше всего было больших по величине (таких, как три, которые посылаются), меньше средних (таких, как одна, которая посылается), и совсем мало маленьких ... Самая маленькая монета, как говорили колхозники, — с нашу одну копейку, с одной стороны герб в виде орла, со второй ... корона. Все монеты были сложены стопками по величине». «Самые маленькие» монеты, судя по приведенному выше описанию, — полугроши польские Яна Ольбрахта, Александра, Сигизмунда I или свидницкие Людовика II. К сообщению о «полутора ведрах» монет следует, разумеется, отнестись с большой осторожностью, указание же на преобладание «больших» монет дает основание полагать, что основную часть клада составляли пражские гроши. В. Н. Р я б ц е в и ч. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV—XV вв. — НИС, 2, стр. 130, № 11.

КЛАДЫ 2-й ЧЕТВЕРТИ XVI в.

У С С Р

Черниговская область

Новгород-Северский район

7. *Гор. Новгород-Северский Черниговской губ.* 1901. 2098 русских монет общим весом 2 фунта 89 золотников: Новгород (время самостоятельности) — денги с различными буквами (290); Псков (время самостоятельности) — денги трех типов (64); Великое княжество Московское — Иван III, денги четырех типов (1068 из них — со словом «оспод», 46 — с именем Ивана, написанным по-арабски). Василий III, псковские денги (384, из них 75 — «Заманины»). АЛОИА, ф. 1, 1895, д. 293, л. 257 об. — 258; 1901, д. 260, л. 1, 4 — 4 об.; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 16, 1901, л. 127; ТЧАК, 1905, стр. 129.

Р С Ф С Р

Брянская область

Красногорский район

8. *Дер. Болсуны Суражского у. Черниговской губ.* 1915. 319 монет: Россия — Иван IV, денги (220) и копейки (38); Великое княжество Литовское, полугроши — Александр (2), Сигизмунд I (1509—1515, 1518, 1520—1523 гг.) и Сигизмунд II (1547—1549 гг., всего 4). 2 полугроша Сигизмунда I поступили в Эрмитаж, остальные монеты сданы на переплавку. АЛОИА, ф. 1, 1915, д. 20, л. 1—3, 8. Книга № 44, стр. 143 об., № 192; ИАК, вып. 65, Пг., 1918, стр. 160.

Стародубский район

9. *Дер. Басихино Стародубского у. Черниговской губ.* 1888. Глиняный горшок с русскими (3 фунта 74 золотника 24 доли) и литовскими (3 фунта 24 золотника) монетами: Иван III, Василий Иванович, Василий Темный (16), Александр Федорович Ярославский (2), Иван Андреевич Можайский (1), Михаил Андреевич Верейский (1), Василий Иванович Рязанский (17), Новгород: время самостоятельности — 102 и после присоединения к Москве — 5, Псков: время самостоятельности — 26 и после присоединения к Москве — 591, Иван IV — князь и царь; полугроши литовские Александра (294) и Сигизмунда I (652); младший полугрош — 1525 г. 13 золотников 84 доли «мелких монет» (очевидно, русских. — В. Р.) поступили в Эрмитаж, остальные — в Университет св. Владимира (Киев). АЛОИА, ф. 1, 1888, д. 15, л. 30, 39, 44; 1890, д. 220, л. 76 об. — 77; Киевлянин, 1888, № 201; Черниговские губернские ведомости, 1888, № 48, 72; ЗРАО, т. IV, н. с., 1890, стр. 30 (И. Толстой). Три клада русских денег XV и начала XVI века); Ильин, Уд. мон., № 153.

Б С С Р

Могилевская область

Кричевский район

10. *Гор. Кричев Могилевской губ.* 1908. 615 полугрошей: Великое княжество Литовское — Александр, Сигизмунд I (1509—1527 гг.) и Сигизмунд II (1546 г. — 2 экз.); Польша — Александр (1). АЛОИА, ф. 1, д. 46, 1908, л. 1—1 об., 4, 6; д. 293, 1895, л. 432 об. — 433; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 18, 1908, л. 27.

Гомельская область

Рогачевский район

11. *Мест. Тихиничи Рогачевского у. Могилевской губ.* 1915. 607 целых и 5 фрагментированных полугрошей: Великое княжество Литовское — Сигизмунд I (1509—1528 гг.); Польша — Александр и Сигизмунд I (2); Силезия, гор. Свидница — Людовик II, 1523 г. (1). АЛОИА, ф. 1, д. 24, 1914, л. 1, 5, 6; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 27, 1915, л. 39.

КЛАДЫ 3-й ЧЕТВЕРТИ XVI в.

Р С Ф С Р

Брянская область

Почепский район

12. *Дер. Стригово Мглинского у. Черниговской губ.* 1903. 500 монет общим весом 1 фунт 2 золотника: Россия — Иван IV, полушки и денги; Великое княжество Литовское — Александр, полугроши, Сигизмунд I, полугроши (1509, 1522 гг.) и гроши (1535, 1536 гг.), Сигизмунд II, полугроши (1546—1550, 1556, 1559, 1561, 1562 гг.) и грош 1546 г.; Польша, полугроши — Ян Ольбрахт и Александр; Силезия, гор. Свидница — Людовик II, полугрош 1526 г. АЛОИА, ф. 1, 1895, д. 293, л. 328 об. — 329; 1903, д. 149, л. 1, 4; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 16, 1903, л. 34.

Б С С Р

Могилевская область

Бобрыйский район

13. *Дер. Большие Бортники Бобрыйского у. Минской губ.* 1914. 4445 монет: Великое княжество Литовское — Сигизмунд I, полугроши (1509—1528 гг.) и гроши (1535, 1536 гг.), Сигизмунд II, двойной денарий 1570 г., полугроши (1546—1566 гг.) и гроши (1546—1555 гг.); Польша — Владислав III, полугрош, Ян Ольбрахт, полугроши, Александр, полугроши, Сигизмунд I, полугроши (1508, 1509 гг.) и грош 1545 г.; Пруссия (под властью Польши) — Сигизмунд I, грош 1531 г.; Пруссия (герцогство, в ленной зависимости от Польши) — Альберт II, гроши (1534, 1535, 1541 гг.); Силезия, гор. Свидница — Людовик II, полугрош 1525 г. 34 монеты (полугрош польский и 5 литовских, 21 польский и литовский гроши Сигизмунда I, 7 литовских полугрошей Сигизмунда II) поступили в Эрмитаж. АЛОИА, ф. 1, д. 284, 1914, л. 1, 4, 7; Наша Нива, 1914, № 44, стр. 4.

14. *Дер. Большие Бортники Бобрыйского округа.* 1922. Клад в горшке, обернута берестой. В Белорусский государственный музей поступили 11 литовских монет: Сигизмунд I, грош 1536 г. и полугрош 1512 г., Сигизмунд II, полугроши (1546, 1547, 1557 (2), 1560, 1563, 1565 гг.) и гроши (154X, 1559 гг.). В кладе были также крупные монеты, «вероятно, талеры». Харл., № 24; Фасмер, II, стр. 312, № 75.

Быховский район

15. *Гор. Быхов.* Начало 50-х годов XX в. При разборке фундамента замка в основании одного из углов найден литовский тройной грош Сигизмунда II 1562 г. (опред. автора), поступивший в собрание местного коллекционера В. С. Слижа. Следует полагать, что находка эта связана с бытующим и поныне обычаем класть в основания углов строящегося дома монеты. Таким образом, время основания Быховского Замка следует, по-видимому, отнести к первой половине 60-х годов XVI в.

Костюковичский район

16. *Дер. Березки Хотимского района Калининского округа.* 1925. 20 монет Сигизмунда I и Сигизмунда II (1520—1569 гг.). Савецкая Беларусь, Минск, 1925, № 169.

Мстиславльский район

17. *Дер. Кокотово.* 1962. На пашне совхоза «Писаревщина» у юго-западной окраины деревни на глубине около 0,25 м найден клад; в Могилевский областной музей поступила донная часть глиняного сосуда и 1447 монет (младшие — 70-х годов XVI в.). Присланы 5 протирок: Великое княжество Литовское, м. дв. Вильно, полугроши — Сигизмунд I, 1511 и 1514 гг.; Польша, м. дв. Краков — Казимир IV, полугрош, чеканенный между 1479 и 1491 г.; Пруссия (герцогство, в ленной зависимости от Польши), м. дв. Крулевец — Альберт II, грош 1544 г. (опред. автора).

Гомельская область

Гомельский район

18. В 1963 г. недалеко от Гомеля найден клад, из состава которого у гомельского коллекционера Л. Г. Офенгейма находится 9 литовских полугрошей Сигизмунда II (1559 г. — 2 экз., 1560 г. — 3, 1562 г. — 1, 1564 г. — 1, 1565 г. — 2 (опред. автора)).

19. *Дер. Романовичи Гомельского у. Могилевской губ.* 1884. Более 400 монет, из числа которых 12 экз. общим весом 3 золотника 44 доли присланы в Археологическую комиссию: полугроши литовские Александра, Сигизмунда I (1511, 1512, 1520, 1522, 1523 гг.), Сигизмунда II (1547, 1557, 1560, 1562 гг.), отданные после определения на переплавку. АЛЮИА, ф. 1, 1882, д. 51, л. 76; 1884, д. 4, л. 24, 25; 1885, д. 63, л. 18 об.

Жлобинский район

20. *Дер. Затон Рогачевского у. Могилевской губ.* 1891. 1000 литовских полуgroшей общим весом 2 фунта 94,5 золотника: Александр, Сигизмунд I (1509—1525 гг.), Сигизмунд II (1546—1552, 1555—1557, 1561, 1564 гг.). 2 полугроша Сигизмунда I с датами «1581» и «5.191» (1518 и 1519. — В. Р.) поступили в Эрмитаж, остальные монеты отданы на переплавку. АЛЮИА, ф. 1, 1890, д. 220, л. 60 об.—61; 1891, д. 177, л. 1, 2, 6; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 17 (ч. 1), 1892, л. 7, 10.

Наровлянский район

21. *Дер. Новая Нива.* 1957. Клад, из состава которого сохранилось 150 монет, поступивших в Гомельский областной музей: Великое княжество Литовское, м. дв. Вильно, полугроши — Александр (42); Сигизмунд I, 1509 (9), 1510 (10), 1511 (6), 1512 (9), 1513 (14), 1514 (6), 1516, 1518 (3), 1519 (2), 1520 (2), 1522 (2), 1523 (2); Сигизмунд II, 1548 (4), 1549, 1550 (3), 1557, 1564 гг.; Польша, м. дв. Краков, полугроши — Казимир IV, между 1479 и 1491 г. (1); Ян Ольбрахт, между 1492 и 1499 г. (4); Александр (II); Сигизмунд I, 1507 (2), 1509, 1511 (2), 1517 (6); Пруссия (герцогство, в ленной зависимости от Польши), м. дв. Крулевец — Альберт II, гроши (1531, 1545 гг.) (опред. автора).

Речицкий район

22. *Урочище «Селище» у дер. Глушец Гомельского у. Могилевской губ.* 1895. 304 литовских полугроша общим весом 85 золотников: Александр, Сигизмунд I (1509—1515, 1519—1522, 1524 гг.), Сигизмунд II (1546—1552, 1555—1565 гг.). Отданы на переплавку. АЛЮИА, ф. 1, 1895, д. 197, л. 1, 8; д. 293, л. 24 об.—25.

23. *Дер. Бугримовка.* 1946. Клад весом 1,5—2 кг. Сохранилось 2 литовских полугроша Сигизмунда I (1511 и 1526 гг.), поступивших в Речицкий районный музей (опред. автора). По сообщению речицкого краеведа Г. А. Мнухина, монеты этого клада были датированы 1506—1560 гг.

Чечерский район

24. *Дер. Сябровичи.* 1959. Клад, из состава которого сохранилось 58 полугрошей, поступивших в Белорусский государственный музей: Великое княжество Литовское, м. дв. Вильно — Александр (14); Сигизмунд I 1509 (2), 1510, 1512, 1513 (7), 1514, 1519, 151X, 152X гг., со стертой датой 4; Сигизмунд II 1546, 1547 (2), 1550, 1552, 1554, 1556, 1558 (3), 1559 (3), 155X, 1562 гг., со стертой датой 1; Силезия, гор. Свидница — Людовик II, дата стерта (1) (опред. автора).

КЛАДЫ 4-й ЧЕТВЕРТИ XVI в.

Б С С Р

Гомельская область

Чечерский район

25. *Урочище «Свирижа» у р. Сож, недалеко от лесной сторожки «Клубовка», Городенского у. Черниговской губ.* 1889. 46 монет: Россия — Иван IV, полушки княжеские (2) и царские (АЕ), денги А, ИГДРЬ и литейки царские МН (3); Федор Иванович, копейки М, НОРЕ; Великое княжество Литовское, 20 полугрошей —

Сигизмунд I (1509, 1514, 1521 гг.); Сигизмунд II (1552, 1553, 1556, 1557, 1559, 1563—1565 гг.); Польша — Александр, полугроши (4); Речь Посполитая — Сигизмунд III, грош коронный 1594 г.; Венгрия — Фердинанд, «солиды» (очевидно, денарии.—В. Р.), 1561 (2). Грош и копейка НОРЕ Федора Ивановича поступили в музей Черниговской классической гимназии, остальные монеты отданы на переплавку. АЛОИА, ф. 1, 1869, д. 35, л. 78 об., 80; 1889, д. 35, л. 42, 43; ТЧАК, 1905, стр. 123.

НЕДАТИРУЕМЫЕ КЛАДЫ XVI в

У С С Р

Киевская область

Высше-Дубечанский или Дымерский район

26. 40 верст выше Киева по Днепру. 1928. 28 фунтов серебряных литовских монет XVI в., поступивших в Лаврский музей. АЛОИА, ф. 2, д. 29 (ч. 1), 1928, л. 69 об.

Р С Ф С Р

Брянская область

Выгоничский район

27. Дер. Городец. 1956. Кубышка с 568 копейками «времен Ивана Грозного», поступили в Брянский областной музей. Полозов, № 19.

Гордеевский район

28. Мест. Гордеевка Суражского у. Черниговской губ. 1843. В лесу при выкорчевывании дубового пня найдены «деньги в мелкой старинной серебряной монете числом 1365, бывшие в глиняном кувшине»; известны монеты Ивана III. АЛОИА, ф. 6, д. 92, 1844, л. 1, 3; Ильин, Уд. мон., № 151.

Дятьковский район

29. Гор. Дятьков, ул. К. Либкнехта. 1959. Кубышка с 2755 денгами и копейками Ивана IV общим весом 1850 г, поступили в Брянский областной музей. Полозов, № 28.

Унечский район

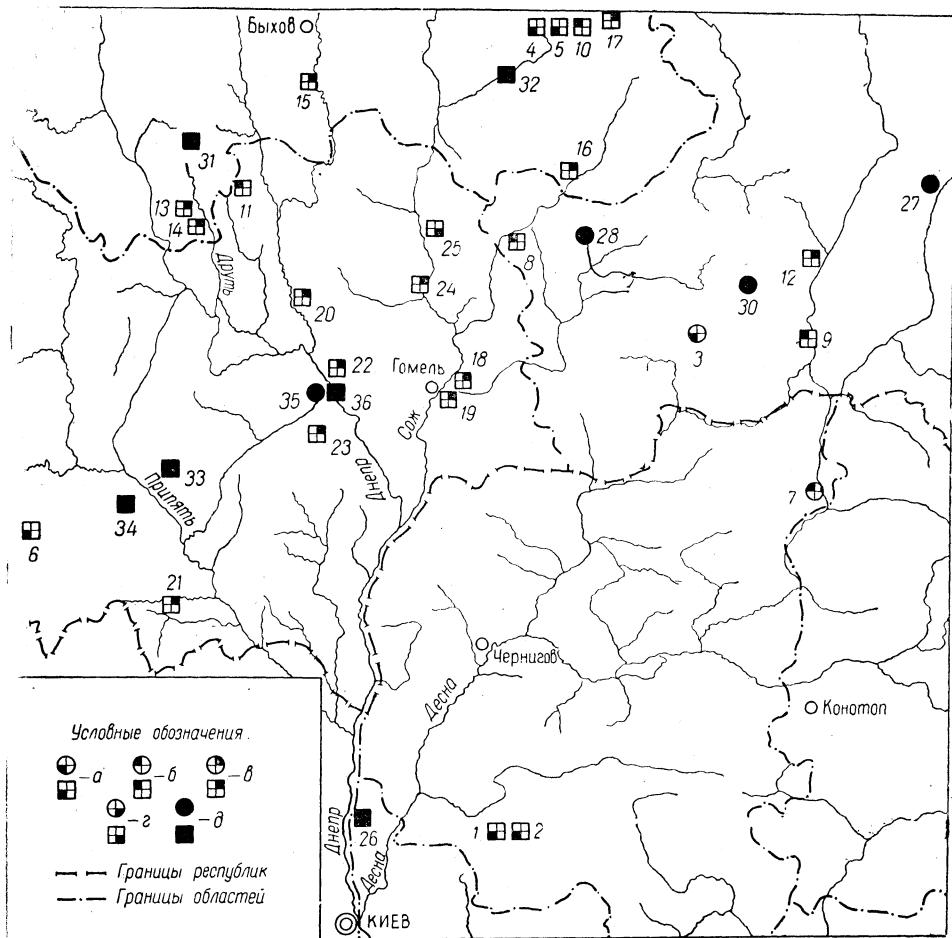
30. Им. Долинского у дер. Рахманово Стародубского у. Черниговской губ. 1928. Клад монет «времен Ивана Грозного», поступил в Брянский музей. АЛОИА, ф. 2, 1928, д. 29 (ч. 1), л. 56, 70; д. 29 (ч. 2), л. 140. Красная газета, Ленинград, 1928, № 143 (вечерний выпуск).

Б С С Р

Могилевская область

Кировский район

31. Дер. Мышковичи. 1959. При пахоте в 1 км от р. Олла найден небольшой (20—25 монет) клад. Заведующий местной школой М. М. Ярчак прислал протирки 6 литовских полугрошей Александра (2), Сигизмунда I (2-150X г. и с датой за обрезаем) и Сигизмунда II (1547, 1548 г.) (опред. автора).

Топография кладов монет XVI в. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии.

а — клады 1-й четверти XVI в.; б — клады 2-й четверти XVI в.; в — клады 3-й четверти XVI в.; г — клады 4-й четверти XVI в.; д — недатируемые клады XVI в.
 Клады, помеченные кружками, состоят только из русских монет; клад, помеченный квадратом, состоит целиком или частично из польско-литовских или западноевропейских монет.

Чериковский район

32. *Дер. Вудачи*. 1927. Горшок с 236 монетами, в числе которых были экземпляры, датированные 1583 г. Савецкая Беларусь, Менск, 1927, № 203.

Гомельская область

Мозырский район

33. *Неизвестное место находки*. 1929. Около 2 кг литовских монет XVI в. АЛОИА, ф. 2, д. 31, 1929, л. 17 об. Красная газета, Ленинград, 14. II 1929 (вечерний выпуск).

34. *Дер. Большие Зимовищи*. 1962. При полевых работах найдены монеты, из числа которых жителем дер. Слобода этого же района В. И. Зотовым присланы протирки 2 экз.: Речь Посполитая — Стефан Баторий, м. дв. Вильно, тройной грош 1580 г.; Сигизмунд III, тройной грош рижский 1598 г. (опред. автора).

Речицкий район

35. *Гор. Речица*. 1912. На берегу р. Днепра найдены монеты, из числа которых у местного краеведа Г. А. Мнухина сохранились до настоящего времени 2 царские копейки Ивана IV (опред. автора).

36. *Гор. Речица*. 1944. На 1-й Набережной ул. найден клад польских и литовских «грошей» XVI в. общим весом 2,29 кг, поступили под № 81348 в Государственный исторический музей (Москва). Н. Д. М е ц. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем за 1945—1952 годы), № 56. — КСИИМК, вып. 52, 1953.

Находка, очевидно, содержит полугроши: белорусские клады XVI в. состоят, как правило, из литовских полугрошей Александра—Сигизмунда II и сравнительно небольшого количества польских полугрошей Александра и Сигизмунда I; гроши (литовские и польские Сигизмунда I и Сигизмунда II) встречаются довольно редко, лишь в виде небольшой примеси среди монет кладов.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ КЛАДОВ

Населенный пункт	Район	Область	№ клада
Басихино, дер.	Стародубский	Брянская	9
Березки, дер.	Костоюковичский	Могилевская	16
Болсуны, дер.	Красногорский	Брянская	8
Большие Бортники, дер.	Бобруйский	Могилевская	13, 14
Большие Зимовищи, дер.	Мозырский	Гомельская	34
Браница, дер.	Бобровицкий	Черниговская	1, 2
Бугримовка, дер.	Речицкий	Гомельская	23
Выхов, гор.	Быховский	Могилевская	15
—	Выше-Дубечанский	Киевская	26
Глушеч, дер.	Речицкий	Гомельская	22
Гомель, гор.	Гомельский	Гомельская	18
Гордеевка, гор.	Гордеевский	Брянская	28
Городец, дер.	Выгоничский	Брянская	27
Даревичи, дер.	Стародубский	Брянская	3
?	Дымерский	Киевская	26
Дятьков, гор.	Дятьковский	Брянская	29

Затон, дер.	Жлобинский	Гомельская	20
Клубовка, лесная сторожка	Чечерский	Гомельская	25
Кричев, гор.	Кричевский	Могилевская	4, 5, 10
Кокотово, дер.	Мстиславльский	Могилевская	17
Новая Нива, дер.	Наровлянский	Гомельская	21
Новгород-Северский, гор.	Новгород-Северский	Черниговская	7
Рахманово, дер.	Унечский	Брянская	30
Романовичи, дер.	Гомельский	Гомельская	19
Сметаничи, дер.	Петриковский	Гомельская	6
Стригово, дер.	Почепский	Брянская	12
Сябровичи, дер.	Чечерский	Гомельская	24
Тихиничи, пос.	Рогачевский	Гомельская	11

КЛАД ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ МОНЕТ XVI в. ИЗ с. БОЛЬШИЕ ДИДУШИЧИ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А. Ф. БОБРОВ

(Стрый)

5 сентября 1951 г. в с. Большие Дидушичи Стрыйского района Львовской области колхозница А. И. Микитышина в огороде перед своим домом на глубине 25 см обнаружила горшок из черной глины. Он был закрыт куском толстой черной кожи, концы которой были заложены внутрь. После неудачной попытки вытащить кожу горшок разбили и обнаружили большое количество монет. Точно установить их количество не представляется возможным, поскольку многие монеты были унесены любопытными.

Судя по фрагментам сосуда, можно сказать, что он был примерно двухлитровым. В Стрыйский краеведческий музей попали лишь небольшая часть монет и несколько обломков горшка. В инвентарную книгу музея записаны 278 монет (инвентарные номера 461, 472/1—472/277).

Старейшей монетой клада (здесь и в дальнейшем речь идет, естественно, о сохранившейся его части) является пражский грош Карла I (IV) (1346—1378 гг.) плохой сохранности, впрочем надпись «KAROLUS PRIMUS» читается довольно ясно. Диаметр монеты — 28 мм, вес — 3,1 г. Подобных монет в сохранившейся части клада нет, однако есть основания предполагать, что находка содержала еще несколько таких монет, появившихся вскоре в собраниях нескольких местных коллекционеров. Н. А. Соболева, описавшая находки пражских грошей на территории УССР, в том числе и во Львовской области¹, в последние годы не указывает случаев обнаружения таких монет в Стрыйском районе. Присутствие пражского гроша в кладах из Больших Дидушичей не случайно: в коллекции автора этого сообщения имеется несколько пражских грошей, несомненно,

¹ Н. А. Соболева. Пражские гроши в музеях Украины.— НИС, т. I, К., 1963, стр. 128—138.

из местных находок, в том числе обрезанный грош Карла I диаметром 19 мм и весом 1,5 г. Интересно, что по весу и размеру эта обрезанная монета почти полностью соответствует местным, галицким монетам того времени — русским полугрошам Казимира III (1333—1370): вес последних в среднем 1,55 г², диаметр — 18—19 мм.

В кладе преобладают польские монеты, что естественно для территории, находившейся под польским владычеством. Старейшие из них — два польских квартника Владислава Ягелло (1386—1434 гг.); диаметр их — 18 мм, вес — 0,85 г. По мнению польских нумизматов, подобные монеты чеканились в 1393—1403 гг.³ Король Польши Казимир Ягеллончик (1447—1492 гг.) представлен в кладе 11 полугрошами, вес которых колеблется между 0,75 и 1,3 г при диаметре 18—19 мм. Подобное весовое различие указывает на то, что упомянутые монеты чеканились в разное время. В соответствии с метрологическими выкладками Ф. Пекосинского и М. Гумовского, полугроши со средним весом 1,3 г при Казимире выпускались около 1468 г. и стали весить менее грамма лишь в последние годы жизни этого короля (1479—1492 гг.)⁴. В кладе насчитывается 37 полугрошей Яна Ольбрахта (1492—1501 гг.), причем некоторые экземпляры необычно тяжелы — достигают веса 1,4 г, при среднем весе этих монет 1,03 г.⁵

Клад содержал также 16 коронных полугрошей Александра Ягеллончика (1501—1506 гг.) обычного для этих монет веса и диаметра (в среднем 1 г и 18 мм).

Больше всего в сохранившейся части клада монет Сигизмунда I Старого (1506—1548 гг.): 77 грошей 1527—1547 гг. (коронных, а также городов Данцига и Эльбинга) и 42 полугроша 1507—1540 гг. Находка насчитывает также 90 бранденбургских грошей маркграфа Альберта 1531—1550 гг.

Как видно из описания, клад из с. Большие Дидушичи содержит в основном те же монеты, что и другие находки в западных районах Украины, зарытые в середине XVI в. Это типичный клад того времени, и можно с уверенностью сказать, что он действительно отражает денежное обращение 50-х годов XVI в.

Обращает на себя внимание присутствие в кладе очень ранних монет: пражского гроша Карла I (IV) и квартников Владислава Ягелло. Не следует, однако, думать, что клад накапливался со второй половины XIV в. до середины XVI в.: пражские гроши находились в обращении десятки и даже сотни лет — монеты XIV ст. не однажды находили в кладах XVII и XVIII вв. Недаром трудно найти

² F. P i e k o s i ń s k i. O monecie i stopie menniczej w Polsce w XIV i XV w. Kraków, 1914, стр. 286.

³ F. P i e k o s i ń s k i. Указ. соч., стр. 214—215; M. G u m o w s k i. Podręcznik numizmatyki polskiej. Kraków, 1914, стр. 286.

⁴ F. P i e k o s i ń s k i. Указ. соч., стр. 216—217; M. G u m o w s k i. Указ. соч., стр. 286.

⁵ Т а м ж е.

эти монеты сколько-нибудь удовлетворительной сохранности, настолько истерты они вследствие длительного употребления. И это не удивительно: в эпоху, когда стремительно снижались проба и вес западноевропейских монет, высокопробные и массивные пражские гроши пользовались неизменным доверием всех слоев населения.

Несколько сложнее обстоит дело с польскими квартниками Владислава Ягелло. Однако и здесь не исключено длительное пребывание этих довольно низкопробных (322-й пробы)⁶ монет в обращении. Иконографически и метрологически они существенно не отличались от сменивших их полугрошей Владислава Варненчика, Казимира Ягеллончика, Яна Ольбрахта и Александра Ягеллончика: те же орел и корона в изображениях, тот же примерно вес (около грамма), то же низкое качество металла,— и, по всей вероятности, были привычной монетой населения Польши и захваченных ею украинских земель.

Итак, находка клада в с. Большие Дидушичи свидетельствует о развитии денежном обращении данного района в середине XVI в. и заполняет еще одно белое пятно на будущей нумизматической карте УССР.

---

⁶ F. Piekosiński. Указ. соч., стр. 214—215.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Т. Ka ł k o w s k i. Tysiąc lat monety polskiej. Warszawa, 1963.

Известно, что научно-популярный жанр принадлежит к одному из наиболее трудных. В книге такого рода должны быть изложены современные воззрения науки в доступной пониманию широких читательских масс и занимательной форме. Не случайно так редки хорошие научно-популярные книги.

С большим интересом мы познакомились с роскошно изданной книгой такого рода Тадеуша Калковского «Тысяча лет польской монеты», вышедшей в связи с тысячелетним юбилеем Польского государства.

Автор, без сомнения, понимал, что обзор монетного дела и денежного хозяйства Польши за все время ее существования представляет нелегкую задачу. Поэтому он предупреждает читателя: «Книга включает лишь 191 вид различных монет: больших и малых, редких и распространенных, медных, серебряных и золотых, но всегда наиболее характерных для своей эпохи». Мы возражаем: не наиболее типичных, а наиболее занимательных, представляющих интерес для собирателей.

Работа над книгой, автор обычно представляет себе ее читателя. Читатель книги Калковского — собиратель-коллекционер, более всего интересующийся редкими экземплярами.

Налет дилетантства, коллекционерского подхода к нумизматике очень заметен на работе Калковского. Это чувствуется уже в схеме классификации: «Готические монеты грошового периода», «Ренессансовые монеты золотого периода», «Барочные монеты золотого периода» и т. п. Эта классификация принципиально неверна, так как Калковский разбивает монеты на периоды по их внешним признакам — стилю изображения и надписи. Но хорошо известно, что переход от брактеатов к грошам был продиктован явлениями экономического порядка, а не победой готического стиля над романским в польском искусстве. Автор в большинстве случаев не видит за монетой социально-экономических процессов, ее породивших. Метод классификации, примененный автором, причинил немало затруднений ему же, так как пришлось устанавливать, почему на барочной монете столь отчетливы признаки ренессанса (стр. 157) и т. п. Можно добавить, что в каждом периоде встречаются различные по стилю исполнения монеты (например, в грошом — пуговичные брактеаты никак нельзя отнести к готике).

Даже беглый просмотр книги Т. Калковского убеждает в том, что он не всегда избирал наиболее характерные монеты, но чаще всего — наиболее интересные, занимательные экземпляры. Приводятся монеты редкие и нетипичные, игравшие местную роль, а часто и вовсе не обращавшиеся.

В ряде случаев он показал действительно ценные монеты: испанский талер с редчайшей надчеканкой Сигизмунда Августа, медный шестигрошовик Замостья, интересный как пример осадной монеты, отчеканенной с применением молотового снаряда, ставшего в XIX в. уже архаичным, и др.

В книге помещены интересные деньги и платежные знаки, наконец, выпущенная немецкими оккупантами монета лодзинского гетто. Но в работе, посвященной истории польских монет, должны быть помещены монеты, отражающие важные экономические и политические процессы, символизирующие эту историю, т. е.

не обязательно редкие, но типичные. С этой точки зрения уникальный дукат Владислава Локетка является типичной монетой, так как он знаменует начало нового периода польского чекана, в то время как силезский талер трех братьев-князей (стр. 150—157) не типичен для польского монетного дела, хотя и менее редок.

Стремление воспроизвести наиболее занимательные монеты повредило научной стороне книги — многие эпохи истории польского монетного дела и денежного хозяйства остались неосвещенными. Сыграл свою роль и субъективный подход автора к ряду принципиально важных монет. Так, он не упомянул о денарии Мешка с надписью кириллицей, считающемся многими учеными первой польской монетой; по всей вероятности, продолжающиеся споры вокруг этой монеты побудили Калковского воздержаться от ее описания. Совершенно не освещены эмиссии Казимира Справедливого, Лешка Белого, Владислава Варненчика и Казимира Ягеллончика, отсутствуют наиболее характерные мелкие монеты Батория и Яна Казимира. Автор воспроизводит редкие червонорусские монеты Казимира III, Владислава Опольского и Людовика Венгерского, но не находит места для описания этих же монет чекана Владислава Ягелло. Это тем более досадно, что лишь червонорусские монеты последнего (львовские полугроши) обращались на польской территории.

Мы не случайно остановились на упущениях, связанных со средневековой нумизматикой. Средневековые монеты особенно важны как исторический источник, ибо их эпоха скудно представлена письменными памятниками.

Забота о единстве оформления привела к тому, что почти все монеты, от маленьких денариев до крупных талеров, воспроизведены в одном размере (диаметр примерно 11 см). Подлинный размер монеты указан в описании, однако лучше было бы соблюдать пропорции. Талеры и тщательно исполнявшиеся дукаты в ряде случаев даже выигрывают в увеличении, но вряд ли целесообразно давать большие «колеса» грубо выполненных мелких брактеатов и денариев. В крайнем случае можно было бы рядом с увеличением приводить монету в натуральном размере.

Итак, формально-коллекционерский подход к нумизматическим памятникам привел к тому, что в обзорном труде Т. Калковского польские монеты представлены неполно, отсутствуют многие типичные монеты, зато немало случайных. Эти недостатки связаны с неточностями и прямыми ошибками теоретического плана.

По мнению автора, клады появляются только под давлением тревожных для местного населения событий: воен, неурожаев и т. п. Между тем современная нумизматическая наука установила, что зарытие кладов представляет собой естественный способ регулирования денежного обращения (из последнего изымаются незанятые в тот или иной момент монеты). Не случайно известно огромное количество кладов, сокрытых в мирное и спокойное время.

Т. Калковский игнорирует то научное положение, что каждый клад, из каких бы монет он не состоял, является памятником местного обращения. По его мнению, клады римских монет были зарыты проезжавшими через Польшу римскими купцами, арабских — арабскими и т. д. Это, в частности, привело его к забавному рассуждению о пражских грошах в Польше: поскольку они занесены туда исключительно чешскими купцами, есть основания обсуждать вопрос о том, какие товары получали чешские купцы за свои монеты в Польше.

Оставляя в стороне мелкие неточности метрологического характера (вроде утверждения, что на рубеже XIV—XV в. брактеаты якобы принимались по весу), остановимся на существенной ошибке, дезориентирующей читателя. Т. Калковский не видит разницы между весовой и счетной гривнами, что приводит его к утверждению, будто из весовой краковской гривны постоянно чеканили 48 грошей (стр. 50). И краковских грошей Казимира III (весом в 3,10 г), и пражских грошей Вацлава II, Яна и Карла (весом в 3,71 г) из гривны получалось гораздо большее количество: краковских 63,62 штуки, пражских Яна 57,49 штук¹. Мы не претендуем на роль открывателя этой истины — она давно выяснена польскими нумизматами. Так, в широко известном курсе польской нумизматики М. Гумовского

¹ F. P i e k o s i ń s k i. O monecie i stopie menniczej w Polsce w XIV. i XV. w. Kraków, 1878, стр. 214—215.

читаем: «Указанное деление гривны (на 48 грошей.— *Н. К.*) было чисто счетным и не соответствовало в целом монетной стопе. Из такой гривны (весовой в 197,68 г.— *Н. К.*) чеканили полугрошей при Казимире 145 штук, при Ягелло — 250—300 штук, а при Ольбрахте — 500»².

В книге очень часто встречаются выражения: «монета представляет интерес для собирателей», «ценна для коллекционера» и т. п. То же можно сказать и о самой книге — она более всего привлечет внимание коллекционеров и вряд ли способна пробудить интерес к нумизматике как науке, помогающей глубже исследовать историческое прошлое.

Н. Ф. КОТЛЯР

Wł. Terlecki. Od denara do złotych. Warszawa, 1964.

О содержании рассматриваемой работы можно судить, уже прочитав ее название — «От денария до золотого». Автор поставил перед собой очень благородную, но в равной мере и сложную задачу: в предельно сжатом виде изложить для самого широкого читателя, быть может впервые обращающегося к вопросам нумизматики, историю польского монетного дела со времени его возникновения (966 г.) до наших дней.

Вся работа, от первой до последней строки, написана в очень доступной и увлекательной форме, в ней много интересных фактов, часть которых может оказаться неизвестной даже нумизматам. Удачно подобраны фотографии монет, превосходны рисунки (худ. Юз. Королькевич). Иллюстративный материал гармонически сливается с рассказом автора, делая его еще более доходчивым и интересным.

В целом книга Вл. Терлецкого благодаря популярному и занимательному изложению и очень привлекательному внешнему оформлению дает довольно ясное представление о старинной монете как историческом памятнике, ее роли в жизни человеческого общества, о процессе денежного обращения, его закономерностях и особенностях. Книжка, несомненно, даст музеям Польши многих новых добровольных помощников. Но тем больший и спрос с автора!

На фоне несомненных достоинств особенно досадными выглядят, к сожалению, встречающиеся в книге погрешности фактического характера, отдельные небрежные формулировки, неточности в определении некоторых монет, что, очевидно, явилось результатом поспешности автора в подборе и размещении материала.

При рассмотрении вопроса об обращении античных и куфических монет на территории современной Польши Вл. Терлецкий придерживается мнения о том, что римские, а за ними и арабские купцы транспортировали сюда монеты своей родины сами, минуя посредников (стр. 5—6). Это утверждение представляется нам неоправданным: торговля Восточной Европы как с Римом, так и с Халифатом носила в основном пограничный характер; античные и раннесредневековые арабские монеты, прежде чем попасть на земли современной Польши, проходили очень сложный путь. Так, в частности, конечным пунктом путешествий арабских купцов на запад была, как правило, столица Волжских Булгар, откуда чекан Халифата шел на Русь, а затем уже и в Польшу. Это, разумеется, не исключало возможности проникновения отдельных наиболее предприимчивых восточных торговцев и на польские земли.

Следует также заметить, что регулярное обращение куфического дирхема на территории Восточной Европы устанавливается не в VII, а лишь в начале IX в. Арабские монеты VII в., встречающиеся в кладах Польши, являются памятниками местного денежного обращения IX—X вв.

Нельзя согласиться с утверждением о том, что в Польском государстве в первые шесть веков его существования (т. е. примерно до середины XVI в.) выпускалась только серебряная монета (стр. 8). Первый опыт польской золотой эмиссии относится ко времени Владислава Локетка, отчеканившего между 1320 и 1333 г. дукат, о котором, кстати, в другом месте (стр. 13—14) упоминает и сам автор, датируя его правлением Локетка (1306—1333 гг.).

² M. G u m o w s k i. Podręcznik numizmatyki polskiej. Kraków, 1914, стр. 34—35.

У читателя может создаться впечатление, что ко времени правления Сигизмунда II Августа (1545—1572 гг.) в Великом княжестве Литовском обращались лишь платежные литки, а монета отсутствовала (стр. 19). Самые поздние клады западнорусских (литовских) гривен датируются пражскими грошами XV в. Иными словами, слитки исчезают из денежного обращения белорусско-литовских земель задолго до вступления на трон Сигизмунда II. Но и в XIV—XV вв. эти огромные для своего времени платежные единицы не были единственными в денежном хозяйстве Великого княжества Литовского, рынок которого оперировал довольно богатым набором различных монет — денариями собственной чеканки, пражскими грошами, шиллингами духовных и светских сеньоров Прибалтики. Здесь и в других местах автор явно снижает внимание к чрезвычайно важному явлению нумизматики — использованию в местном обращении иноземной монеты.

Говоря о денежном обращении Польши времени Яна Казимира (1649—1668 гг.), автор указывает, что кроме медных послереформенных (1659—1666 гг.) солидов («боратинок») «другой монеты в обращении тогда почти не было» (стр. 35). «Боратинки» действительно занимали заметное место в общей массе монет, обращавшихся в Польше в начале второй половины XVII в., но не составляли ее основы. Не говоря уже о собственно польском и литовском чекане XVI—1-й половины XVII в., а также о серебряной монете самого Яна Казимира (особенно коронных шестигрошовиках), на территории Речи Посполитой вообще и Короны в частности тогда обращалось огромное количество иноземной монеты, среди которой преобладал биллон шведской Прибалтики и Бранденбургско-Прусского государства, патагоны Испанских Нидерландов и левен- и риксдаальдеры Соединенных Нидерландских Провинций. Ввоз этих монет достиг апогея еще в 1648—1653 гг.

Неточной является приводимая автором дата (1864 г.) прекращения работы Варшавского монетного двора (стр. 45). Действительно, последняя дата, которую несут на себе чеканенные Варшавой в XIX в. монеты, — 1864 г. Однако с 1864 по 1866 г. здесь продолжается массовый выпуск пяти- и десятигрошовиков, помеченных 1840 г. Монетный отдел Варшавского двора закрыт окончательно указом от 5 октября 1867 г., медальерный — лишь 17 января 1868 г.

В работе приводится около 50 фотографий монет. Более половины из них даны без всяких оговорок в сильно увеличенном или, напротив, уменьшенном виде. Из-за этого читатель может получить искаженное представление об истинной величине этих монет.

Рассматриваемая работа не является ни учебным пособием, ни путеводителем по музею, а рассчитана на массового, незнакомого с нумизматикой читателя, поэтому перечисленные погрешности, по сути, не являются столь серьезными, как это может показаться строгому критику на первый взгляд. Вряд ли рядовой читатель обратит внимание на то, что, например, куфический дирхем (оборотная сторона которого изображена в перевернутом виде на стр. 6), чеканен не в VIII, а в X в. (Саманид Наср ибн Ахмед, 914—943 гг.), или что полторагрошовик, помещенный на стр. 38, принадлежит не Августу II Сильному, а Августу III, но все же это никак не красит хорошую и полезную книжку.

Значение рассматриваемой работы состоит, на наш взгляд, прежде всего в том, что она в чрезвычайно доступной и живой форме раскрывает сущность и задачи нумизматики, умело пропагандирует эту увлекательнейшую отрасль исторических знаний и ненавязчиво подсказывает читателю самостоятельный вывод о важности сохранения нумизматических находок и введения их в научный обиход. Мы не удивимся, если эта очень интересная и своевременная книжка выйдет в свет вторым изданием. Будем надеяться, что оно не вызовет и тех немногочисленных замечаний, которые мы вынуждены были сделать в этой рецензии.

В. Н. РЯБЦЕВИЧ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГ — Античный город. М., 1963.
АИБ — Археология и история Боспора. Симферополь, 1962.
АИЗ — Археологические известия и заметки.
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР.
Б. — П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, ч. I. Одесса, 1884.
ВВ — Византийский временник.
ВДИ — Вестник древней истории.
Г. — К. В. Голенко. Второй Патрэйский клад монет (1951 г.).—НЭ, I. М., 1960.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ГХМ — Государственный херсонесский историко-археологический музей.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
З. — А. Н. Зограф. Античные монеты.— МИА, 16, 1951.
ЗНТШ — Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка.
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
Зубов, 1897 — П. В. Зубов. Материалы по русской нумизматике. М., 1897.
ИАДК — История и археология древнего Крыма. К., 1957.
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИБАИ — Известия на Българския археологически институт.
Иверсен, 1906 — В. М. Иверсен. Несколько редких и интересных русских монет из собрания В. М. Иверсена. СПб., 1906.
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
Кене, МК — Б. В. Кене. Описание музея князя В. В. Кочубя. СПб., 1853.
КИМ — Киевский государственный исторический музей.
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея.

- ЛГУ — Львовский государственный университет им. Ив. Франко.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- МАР — Материалы по археологии России.
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья.
- МДБ — Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора. М., 1956.
- Мец, 1960 — Н. Д. Мец. Сребреники из с. Митьковка. — Советская археология, 1960, 1.
- Мец, 1963 — Н. Д. Мец. Неизданные сребреники Государственного исторического музея. — Нумизматика и сфрагистика, I. К., 1963.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МНО — Московское нумизматическое общество.
- МТ — А. Н. Зограф. Монеты Тиры. М., 1957.
- Мушмов — Н. А. Мушмов. Античные монеты на Балканских полуостровах. София, 1912.
- НиС — Нумизматика и сфрагистика.
- НС — Нумизматический сборник.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
- НЭПХ — Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1963.
- ОАК — Отчет Археологической комиссии.
- ОГУ — Одесский государственный университет им. И. Н. Мечникова.
- Ор. — А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты — Труды МНО, III. М., 1905.
- Ор. Доп. — А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты. Дополнение. — НС, I. М., 1911.
- Орешников, 1936 — А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936.
- ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- ПС — Палестинский сборник.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- СА — Советская археология.
- САИ — Свод археологических источников.
- СБАН — Списание на Българската академия на науките.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
- СФА — Советская филателистическая ассоциация.
- СХМ — Сообщения Херсонесского музея.
- Толстой, 1882 — И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.
- Толстой, 1893 — Древнейшие русские монеты X—XI века. — ЗРАО, т. 6. СПб., 1893.
- ТОНГЭ — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Л., 1945.
- УЗ МГПИ — Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.
- Хсб. — Херсонесский сборник.
- Чернев, 1891 — Н. Чернев. Заметки о неизданных и редких монетах, помещенных на таблицах 6-й, 7-й, 8-й. В кн.: Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках, вып. 3—4. К., 1891.
- Э — Государственный Эрмитаж.
- Bab. Rois — E. Babelon. Les rois de Syrie, d'Armenie et de Com-magene. Paris, 1890.
- Berl. Samml. — A. von Sallet. Königliche Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Münzen, I. Berlin, 1888.

- BMC — British Museum Catalogue of the Greek coins.
- BMC, Caria — B. V. Head. BMC, Caria and the Islands. London, 1897.
- BMC, Cyrenaica — E. S. G. Robinson, BMC, Cyrenaica. London, 1927.
- BMC, Mysia — W. Wroth. BMC, Mysia. London, 1892.
- BMC, Pamphilia — G. F. Hill. BMC, Lycia, Pamphilia, Pisidia. London, 1897.
- BMC, Pontus — W. Wroth, BMC, Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosporus. London, 1889.
- BMC, Ptolemaic kings — R. S. Poole. BMC, Ptolemaic kings of Egypt. London, 1883.
- BMC, Thrace — B. V. Head, P. Gardner. BMC, The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace. London, 1877.
- B.—R. — E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, t. I, fasc. 1 (2ed.). Paris, 1925, fasc. 2—4, 1908—1912.
- CIRB — Корпус боспорских надписей (Corpus Inscriptionum Regni Bosporani). М.—Л., 1965.
- IPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
- Mionnet — T. E. Mionnet. Description des médailles antiques grecques et romaines. Paris, 1806—1813.
- MSI — Memorie di Sectiunii Istorice.
- NC — The Numismatic Chronicle.
- NZ — Numismatische Zeitschrift.
- P. — B. Pick, K. Regling. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien, I, I. Berlin, 1898; I, 2, Berlin, 1910.
- RE — Pauly—Wissowa—Kroll. Real-Encyclopaedie der klassischen Altertumswissenschaft.
- RNB — Revue de numismatique belge.
- RSN — Revue Suisse de numismatique.
- SC — Scythica et Caucasia.
- Syd. — H.A. Sydenham. The coinage of Caesarea in Cappadocia. London, 1933.
- Vol. Leg. — Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX Pijarów w Warszawie od roku 1732 do roku 1782 wydanego. Petersburg.
- WNA — Wiadomosci numizmatyczno-archeologiczne.
- ZfN — Zeitschrift für Numismatik.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. М. Гилевич. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса	3
П. О. Карышковский. Ольвийские «борисфены»	62
И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона	86
В. А. Анохин. Обзор монетного дела средневекового Херсона	99
М. П. Сотникова. Сребреники Киевского клада 1876 г.	114
И. Г. Спасский. Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914—1917 гг.	138

Сообщения и публикации

М. В. Скржинская. Печать Поликрата Самосского	151
К. В. Голенко. Монеты из находок в Патрэе	159
В. С. Шеломенцев-Терской. Новые находки печатей из летописного Звенигорода	163
В. Н. Рябцевич. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии в XVI в.	168
А. Ф. Бобров. Клад западноевропейских монет XVI в. из с. Большие Дидушичи Львовской области	188

Критика и библиография

Н. Ф. Котляр. T. Kałkowski. Tysiąc lat monety polskiej. Warszawa, 1963	191
В. Н. Рябцевич. Wł. Terlecki. Od denara do złotówki. Warszawa, 1964	193
Список сокращений	195

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

3

*Печатается по постановлению ученого совета
Института археологии Академии наук УССР*

Редактор Э. А. Лейбзон
Художественный редактор С. П. Квитка
Технический редактор Б. А. Пиковская
Корректор Л. К. Артемьева

БФ 01694. Зак. № 914. Изд. № 81,
Тираж 2000. Бумага № 1, 60×90¹/₁₆. Печ. физ.
листов 13,75. Условн. печ. листов 13,75.
Учетн.-изд. листов 14,96. Подписано к печа-
ти 18. IV 1968 г. Цена 1 руб. 36 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев, Репи-
на, 3.

Киевская книжная фабрика № 1 Комитета
по печати при Совете Министров УССР,
ул. Довженко, 5.

1196.66K01